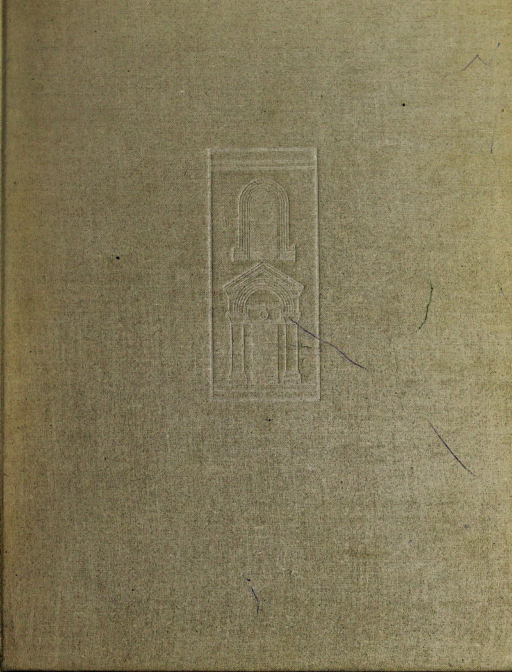
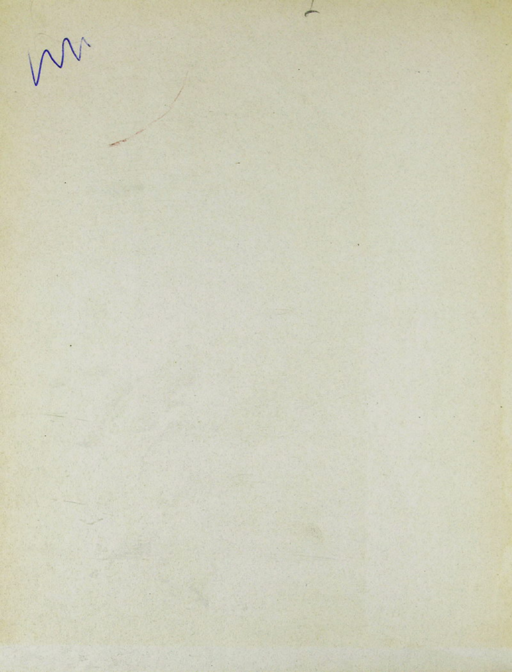
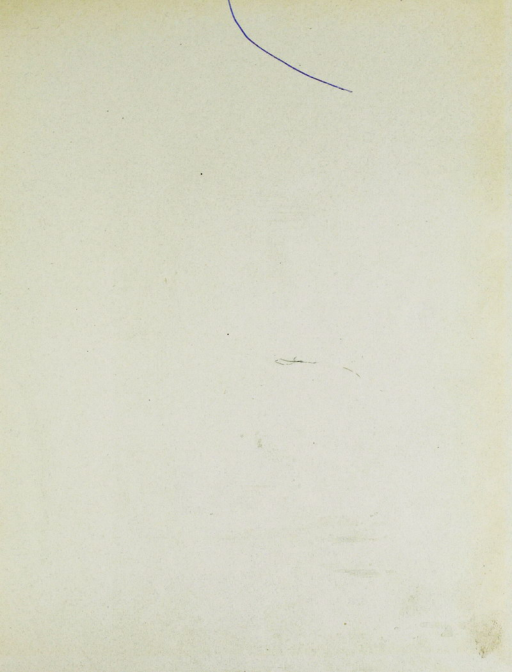
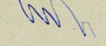









ՀՍՍՀ
ԱԿԱԴԵՄԻԱ

ՀԱՅԿԱԿԱՆ ՍՍՀ ԳԻՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ԱԿԱԴԵՄԻԱ
ԱՐՎԵՍՏԻ ԻՆՍՏԻՏՈՒՏ

Ս. Խ. ՄՆԱՑԱԿԱՆՅԱՆ
Կ. Լ. ՀՈՎՀԱՆՆԻՍՅԱՆ
Ա. Ա. ՍԱՀԻՆՅԱՆ

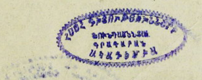
ԱԿՆԱՐԿՆԵՐ ՀԻՆ ԵՎ ՄԻՋՆԱԴԱՐՅԱՆ ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ ՃԱՐՏԱՐԱՊԵՏՈՒԹՅԱՆ ՊԱՏՄՈՒԹՅԱՆ

ՀԱՅԿԱԿԱՆ ՍՍՀ ԳԱ ՀՐԱՏԱՐԱԿՉՈՒԹՅՈՒՆ
ԵՐԵՎԱՆ 1978

АКАДЕМИЯ НАУК АРМЯНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСКУССТВ

С.Х.МНАЦАКАНЯН
К.Л.ОГАНЕСЯН
А.А.САИНЯН

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ АРХИТЕКТУРЫ ДРЕВНЕЙ И СРЕДНЕВЕКОВОЙ АРМЕНИИ



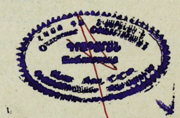
ИЗДАТЕЛЬСТВО АН АРМЯНСКОЙ ССР
ЕРЕВАН 1978

В книге впервые на русском языке освещается история армянского зодчества на протяжении почти трех тысячелетий. Показывается развитие градостроительства, архитектурных композиционных форм, типов зданий и художественных выразительных средств.

Книга иллюстрирована чертежами и фотографиями.

Ответственный редактор
доктор архитектуры К. Л. ОГАНЕСЯН

Книгу рекомендовали к печати рецензенты:
Л. С. ЗОРЬЯН, кандидат архитектуры Н. Ц. ПАПУХЯН



О $\frac{80102}{703(02)-78}$ 59—75

ВВЕДЕНИЕ

За свою многовековую историю армянский народ внес весомый вклад в сокровищницу общечеловеческой культуры. Ведя неравную борьбу с потрясавшими мир великими державами, подвергаясь суровым испытаниям и находясь часто на грани физического уничтожения, он всякий раз вновь и вновь собирал силы и, обогащая свою самобытную культуру, донес ее до наших дней.

В этой богатой многогранной культуре особое место занимает архитектура.

Архитектурно-строительное дело на Армянском нагорье возникло более шести тысяч лет назад. Об этом свидетельствуют сохранившиеся до наших дней многочисленные мегалитические сооружения, циклопические укрепления, поселения, крепости-поселения (бердшены) и жилища. В Хайасе уже в XV—XII вв. до н. э. имелся ряд городов, замков и крупных населенных мест. Особенно широкий размах получили строительные работы в период существования государства Урарту (IX—VI вв. до н. э.).

Архитектурная культура Урарту (определенные принципы строительства крепостей и городов, законченные типы монументальных сооружений, строительная техника) не только способствует пониманию культурных связей между древневосточными странами (Ассирия, хетты, ахеменидский Иран) и Западом, вплоть до прибрежных районов Средиземноморья, но и проливает свет на многие основные вопросы, связанные с выяснением истоков армянского архитектурно-строительного искусства.

Унаследовав строительные традиции местных этнических групп, а также архитектурное искусство Хайасы и Урарту, армянский народ развил обширную строительную деятельность. Естественно, что именно эти традиции и легли в основу создаваемого им градостроительства, архитектурного и строительного искусства.

Наряду со строительством старых городов и поселений в различных частях страны возникали многочисленные новые города, мощные оборонительные сооружения, крупные поселения и отдельные архитектурные комплексы (VI в. до н. э.—III в. н. э.).

Впоследствии в результате многочисленных войн и опустошительных нашествий они почти полностью были разрушены, а остатки их с течением времени покрылись толстым слоем земли. Поэтому наши представления об общей композиции этих городов и поселений, о конкретном виде построек, их конструктивных решениях, архитектурных формах и методах строительства весьма скудны. Однако изучение руин древних городов Армавира, Ервандашата, Арташата, в частности, одной из летних резиденций армянского двора—архитектурного комплекса Гарни и наиболее ранних памятников христианской эпохи, с несомненностью подтверждает, что в Армении в эпоху рабовладельческого общества архитектурное искусство и строительная техника находились на высоком уровне.

Находясь в контакте как с греко-римской, так и с эллинистическими культурами Малой Азии, Сирии, Ирана и других соседних стран, Армения стала одним из очагов создания эллинистического зодчества. Однако архитектурная культура армян, опираясь на богатые национальные традиции, развивалась самостоятельным путем.

В эпоху раннего средневековья армянская архитектура вступает в новый этап своего развития. С утверждением феодализма и принятием христианской религии, ставшей идеологической основой новых социально-экономических и культурных отношений, появляются соответствующие им новые архитектурные формы. Архитектурная мысль начинает поиски новых идей и композиционных решений, появляются более передовые конструктивные средства и возможности исполь-

зования камня как основного строительного материала (стена с бутобетонным ядром, пилон, свод, арка, купол и т. д.).

В этот период строительные работы продолжаются в уже существующих городах, замках, поселениях и одновременно создаются новые центры развития архитектурно-строительного искусства. Наряду с решением вопросов градостроительства, вытекавших из внутренней сущности средневекового города и оборонительных систем, а также с созданием новых инженерных и светских сооружений, начинается развернутое строительство отдельных храмов и крупных комплексов христианского культа. При этом усовершенствование и видоизменение зданий продольного типа сочетается с многосторонней разработкой темы центральнокупольных сооружений. Их конструктивные формы, строительная техника и художественная выразительность знаменуют уже в IV—VI вв. новую ступень развития армянской архитектуры.

В VII в. армянская архитектура переживает период наивысшего расцвета, причем широкое развитие получает строительство центральнокупольных зданий. Сооружение богатых дворцовых комплексов, светских и духовных, как и строительство оборонных, общественных и мемориальных уникальных памятников, сопровождается созданием многочисленных новых типов культовых зданий. Эти храмы строились путем видоизменения и усовершенствования аналогичных сооружений предшествующей эпохи (купольная базилика, купольный зал, трехапсидный и четырехапсидный храмы и т. д.); одновременно создавались новые пространственно-объемные композиции (многообразные типы крестовидных центральнокупольных храмов, тетраконхи, ротондообразные сооружения, многоапсидные храмы и т. д.). Плановое и объемно-пространственное единство, ясные тектонические решения, архитектурные пропорции и большая эмоциональная выразительность значительной части этих памятников свидетельствуют о высоком уровне исторической армянской архитектуры. Обогащаясь и совершенствуясь, армянская национальная архитектура уже в раннем средневековье достигает уровня классического искусства. Она приобретает своеобразный облик, ей присущи стилевые особенности, ясные и выразительные черты. Находясь в тесном общении с архитектурой Сирии, Месопотамии, Византии и кавказских народов, армянская архитектура IV—VII вв. заимствовала у них все, что было ей близко, родственно, все, что могло способствовать ее развитию (архитектурные детали, отдельные формы и мотивы), творчески переработала и обогатила их. В то же время необходимо отметить, что этот процесс не был односторонним: армянская архитектура в свою очередь оказала довольно заметное влияние на архитектуру соседних народов.

В период господства в Армении арабского халифата —в течение более чем полутора веков—строительное дело приостановилось почти полностью. Только со второй половины IX в. в связи с созданием новой армянской государственности и наметившимся экономическим, политическим и культурным подъемом в стране начинается процесс его возрождения. В последующие столетия, в IX—XI вв., самым крупным центром архитектурно-строительной мысли становится город Ани, столица царствовавшей династии Багратидов. В этом отношении немалую роль играют также престольные города малых царств, крупные княжеские замки и новые монастырские комплексы. Происходит оживление в области градостроительства, строительства фортификационных и светских сооружений. Среди культовых зданий большое распространение получает тип «купольного зала». И если культовые сооружения последней четверти IX в. представляют собой простое повторение отдельных типов храмов VII в., то с начала нового столетия проявляется определенная творческая самостоятельность. Это находит свое выражение и в композиционных замыслах сооружений (более собранная и отвесная композиция), и в конструктивных решениях (более утонченные и стройные формы), и в обработке плоскостей (более богатое убранство), и в поисках других выразительных средств (новая система пропорциональностей, новые детали и т. д.).

Для архитектурной мысли Армении X—XI вв. характерны поиски новых стилевых направлений. Сельджукские нашествия хотя и прервали поступательное развитие армянской архитектуры, но остановить его не смогли. Новый подъем армянской архитектуры начался в XII—XIII вв. в период правления Захаридов, причем основным центром архитектурно-строительного искусства продолжал оставаться город Ани.

Развитие городской жизни, торговли и ремесел выдвигает на первый план вопросы градостроительства и архитектуры гражданских сооружений (дворцов, жилых домов, гостиниц, караван-сараев, мостов, ремесленных мастерских, производственных, хозяйственных и других зданий). Облик средневекового города становится более цельным и

выразительным. В отличие от скромных городских окраин центральные кварталы города застраиваются многоэтажными роскошно оформленными зданиями, подчеркивается их господствующее, после цитадели, положение. Воздвигаются новые, более богатые архитектурные комплексы храмов, ансамбли существующих храмов дополняются новыми сооружениями. В монастырях, а иногда и при отдельных культовых постройках появляются такие примечательные архитектурные сооружения, как притворы и трапезные, созданные на основе традиций народного жилища.

К этому же времени относится усиленное развитие светской архитектуры, нисколько не уступающей по богатству декоративного оформления культовым сооружениям. Примечательно, что на протяжении этих столетий тип храмов не претерпевает существенных изменений, однако уменьшаются их абсолютные размеры, меняются пропорции. Для зданий становится характерной вертикальная устремленность архитектурных форм и декоративных деталей, придающая им большую стройность и легкость.

Значительны были успехи и в развитии архитектурно-технической мысли. Стремясь увеличить внутреннее пространство здания и получить в конструктивном отношении более цельную композицию, строители разрабатывают оригинальную конструкцию перекрещивающихся арок. Этот примечательный инженерный замысел служит основой для ряда новых композиционных решений, характерных не только для данной эпохи, но и вообще для всей армянской архитектуры (притвор, трапезная и т. д.).

В XI—XIV вв. армянская архитектура развивалась в Киликийском армянском государстве, основанном на северо-восточном побережье Средиземного моря. Здесь создается богатая многожанровая архитектура, отвечающая высокому уровню архитектурно-строительного искусства эпохи. Заметное развитие получает строительство светских зданий. Несмотря на особенности географического положения страны (приморские города, крепости и т. д.), в строительстве городов и укреплений, как и в других областях строительного искусства, по существу, продолжаются традиции, восходящие к архитектуре коренной Армении.

Начиная с середины XIV в. в результате длительных войн и нашествий иноземных завоевателей строительство в Армении приостанавливается почти на три столетия, причем большая часть ранее возведенных сооружений превращается в развалины.

В XVII—XVIII вв., а затем и во второй четверти XIX в. (после присоединения Восточной Армении к России) строительство значительно оживляется. В Ереване и других местах появляется немало примечательных гражданских и культовых новостроек. На основе русской градостроительной культуры составляются схемы планировки ряда городов и вместе с тем, исходя из естественно-климатических условий, намечаются различные типы народных жилых домов и т. д. Однако в целом архитектурная мысль в Армении замирает, и армянская классическая архитектура не достигает новых высот. Лишь спустя целое столетие, с установлением в Армении Советской власти, архитектура, как и строительная культура в целом, вступает в новый этап своего развития.

В формировании армянского архитектурного стиля (цельность объемно-пространственной композиции сооружений, тектоника, монументальность, четкий архитектурный язык, изысканность пропорций, пластичность и др.) большое значение имело использование неисчерпаемых запасов легко обрабатываемых и стойких вулканических камней. Используя богатую палитру разноцветных камней, армянские зодчие с большим искусством и художественным вкусом вписывали свои архитектурные произведения в живописный пейзаж Армении, превращая страну в грандиозный музей под открытым небом. Созданные в разное время и в разных частях страны, эти бесценные творения с чувством гордости и восхищения воспевались их современниками.

Высеченные на скалах и отдельных сооружениях урартские клинописные, греческие и армянские надписи, как и страницы тысячелетних рукописей, свидетельствуют о том, что на территории Армении некогда существовали многолюдные города и неприступные крепости, царские дворцы, громадные культовые комплексы и другие архитектурные и инженерные сооружения, созданные гением народа.

Об этом свидетельствуют многие ученые-историки (Страбон, Плутарх, Хоренаци и др.), с глубоким восхищением говорившие о красоте армянских городов, об их мировой известности.

Даже в самые тяжелые периоды исторических испытаний армянского народа, когда погибла большая часть его архитектурных памятников, иностранные путешественники не проходили равнодушно мимо их развалин. В их сдержанных, часто скупых путевых за-

писках постоянно прорывались слова восхищения безмолвными руинами.

С начала прошлого века искусство Малой Азии и Кавказа привлекло внимание европейских ученых, и одним из важных объектов их исследований явилась армянская архитектура.

В 1839 г. Армению посетил известный французский археолог, этнограф и натуралист Фредерик Дюбуа де Монпере. В своем шеститомном труде он отводит большое место армянской архитектуре[1]. Торос Тораманян справедливо указывал, что Дюбуа был первым, кто подошел к армянской архитектуре как исследователь. Труд его долго держал под своим влиянием почти всех представителей западноевропейской научной мысли, изучавших архитектурное искусство армян и кавказских народов. Дюбуа придерживался господствовавшей в то время концепции, согласно которой истоки искусства восточных народов ранней христианской эпохи восходят к Византии. Однако более подробное изучение памятников убедило его в их самобытном характере (храм Рипсиме и т. д.). В то же время он подчеркивал их значение для генезиса аналогичных построек.

С 1839 г. изучением армянской архитектуры стал заниматься французский ученый Шарль Тексие. В своем объемистом труде об Армении, Иране и Месопотамии значительное место он отводит рассмотрению памятников армянской архитектуры[2]. Несмотря на ряд содержащихся в нем неточностей (в измерениях, а также в обосновании исторических и хронологических фактов), а также на традиционные попытки искать истоки архитектуры ранней христианской эпохи в Константинополе, автор считает Армению родиной подковообразных арок, получивших в архитектурно-строительном искусстве широкое распространение и необоснованно приписывавшихся арабской архитектуре.

Почти одновременно с трудами Ш. Тексие вышли в свет работы армянских авторов: О. Шахатунянца[3] и С. Джалалянца[4], в которых довольно подробно описываются архитектурные сооружения Армении и делаются попытки определить их датировки.

Начиная с первой половины XIX в. армянская архитектура становится предметом обстоятельного изучения со стороны русских ученых. Так, в 1846 г. в Армении побывал видный историк Андрей Муравьев, изложивший результаты своих исследований в объемистом труде «Грузия и Армения»[5]. На общем фоне христианских храмов Муравьев исследует главным образом внутреннюю композицию (интерьер) армянского храма и выясняет его характерные черты. До конца XIX в. публикуются многочисленные труды общего характера, а также исследования, посвященные архитектуре восточных народов, в которых широко рассматриваются и вопросы армянской архитектуры. В этом отношении примечательны труды русских академиков Давида Гримма[6] и Никодима Кондакова[7], члена Петербургской Академии наук, француза по национальности Мари Броссе[8], немецкого искусствоведа Карла Шнаазе[9], английского исследователя Фергюссона[10] и видного французского ученого Огюста Шуази[11].

Скованные предвзятыми мнениями и ошибочными представлениями об армянах и народах Кавказа, некоторые из этих авторов считали, что эти «грубые и слабые» народы «не могли иметь собственное искусство» и поэтому перенимали «чужое, главным образом римско-византийское...». Однако несостоятельность подобной точки зрения становится очевидной при рассмотрении памятников армянской архитектуры последующего периода, и те же авторы, начиная признавать ее самобытный характер, стараются все же при этом усмотреть влияние персидско-арабской архитектуры (Карл Шнаазе).

Другие сторонники этого взгляда, всецело отвергая существование армянской архитектуры до VII в., утверждают, будто «окон-

[1] *F. Dubois de Montpéreux*. Voyage autour du Caucase, chez les Tcherkesses et les Abchases, en Colchide, en Géorgie, en Armenie et en Crimée, III, Paris, 1839.

[2] *Ch. Texier*, Description de l'Arménie, la Perse et la Mésopotamie, I, Paris, 1842.

[3] Հ. Շահխաթունեանց, *Ստորագրութիւն կաթուղիկէ Էջմիածնի և հինգ գաւառացն Այրարատայ, Էջմիածին, 1842։*

[4] Ս. Ջալալեանց. *Ճանապարհորդութիւն ի մեծն Հայաստան, Տփխիս, մասն Ա, 1842, մասն Բ, 1858։*

[5] *А. Н. Муравьев*. Грузия и Армения, СПб., 1848.

[6] *Д. И. Гримм*. Памятники христианской архитектуры Грузии и Армении, СПб., 1856.

[7] „Русские древности в памятниках искусства", вып. VI, СПб., 1891.

[8] *M. Brosset*. Rapports sur un voyage archéologique dans la Géorgie et l'Arménie exécuté en 1847—1848, St. Petersbourg, 1849—1851.

[9] *C. Schnaase*. Geschichte der bildenden Künste, B. 111, Düsseldorf, 1869.

[10] *J. Fergusson*. A History of architecture, I, London, 1893.

[11] *Auguste Choisy*. Historie de L'Architecture, t. 11, Paris, 1889.

чательно выработанный армянский стиль может принадлежать лишь к самому последнему периоду, к XV—XVI векам» (Н. Кондаков).

Противоположного взгляда придерживается ряд других авторов, признающих существование в эпоху раннего христианства древнейших армянских архитектурных памятников (Фергюссон). Более того, в противовес ранее выдвинутым ошибочным представлениям, ставится вопрос: Армения ли обязана византийскому искусству или наоборот (И. Стржиговский)[12].

Огюст Шуази, почти не знающий армянской архитектуры периода до X—XI вв. и, быть может, поэтому пытающийся найти прототипы некоторых архитектурных форм в соседних странах (Иран, Византия), тем не менее в своем труде, посвященном всемирной архитектуре, уделяет особое место самобытной армянской архитектуре, отмечает ее роль в создании отдельных форм архитектурно-строительного искусства многих стран, в частности, в формировании романского стиля.

В 1881—1893 гг. в Венеции вышли труды Гевонда Алишана, содержащие богатые материалы об армянских архитектурных памятниках[13]. В те же годы плодотворную деятельность развернул этнограф Ерванд Лалаян, в работах которого широко представлены также многочисленные архитектурные сооружения (монастырские комплексы).

В девяностых годах XIX в. под руководством одного из крупнейших представителей арменоведения академика Николая Марра начинается более обстоятельное изучение архитектурных очагов Армении. Раскопки, проводившиеся в 1892—1893 и в 1904—1917 гг., завершились выходом в свет его ценного труда «Ани»[14]. В это же время публикуются труды выдающегося востоковеда Иосифа Орбели, посвященные различным вопросам архитектуры и материальной культуры армянского народа[15]. Однако фундаментальное изучение армянской архитектуры связано с именем Тороса Тораманяна, деятельность которого развернулась с начала XX в. Благодаря своим исследованиям, в которых освещаются почти все узловые вопросы возникновения и последующего развития армянской архитектуры, Тораманян справедливо считается основателем архитектурной науки в Армении[16].

Параллельно с вышеуказанными исследованиями в мировой специальной литературе все более растет интерес к армянской архитектуре, расширяются рамки новых исследований. На различных языках издаются многочисленные труды, либо всецело посвященные армянской архитектуре, либо содержащие специальные разделы о ней. Наиболее интересны в этом отношении произведения видного французского византолога Шарля Диля[17], немецкого ученого Вальтера Бахмана[18], итальянского искусствоведа Г. Ривойра[19], английского путешественника-исследователя Х. Линча[20], профессора университета Сорбонны Юргиса Бальтрушайтиса[21], а также новые исследования австрийского востоковеда Иосифа Стржиговского[22], С. Тер-Нерсесян[23] и др. В этих трудах содержится анализ отдельных памятников и общего стиля армянской архитектуры. Если в ранних своих произведениях («Etudes buzantins») Шарль Диль считает армянскую архитектуру всецело византийской, то спустя некоторое время, как отмечает Тораманян, взгляды его меняются («Manuel d'art buzantin»). Опираясь на армяно-византийские политические связи и особенно на сообщение о том, что третий том написанной Прокопием истории строитель-

[12] *J. Strzygowski.* Das Etschmiadzin Evangeliar Wien, 1891; *его же.* Kleinasien — ein Neuland der Kunstgeschichte, Leipzig, 1903.

[13] *Алишан.* Ширак, Венеция, 1881; *его же.* Сисуан, Венеция, 1885; *его же.* Айрарат, Венеция, 1890; Сисуакан, Венеция, 1893 (на арм. яз.).

[14] *Н. Я. Марр,* Ани, Л. — М., 1934. См. также другие его работы об армянской архитектуре, опубликованные в специальных изданиях.

[15] *И. А. Орбели,* Армянское искусство, Новый энциклопедический словарь, т. III, 1911; *его же,* Краткий путеводитель по городищу Ани, СПб., 1910; *его же.* Развалины Ани, СПб., 1911 и др.

[16] *Т. Тораманян,* Храм Звартноц. „Мурч", 1905, № 5; *его же.* Эчмиадзинский храм, Тифлис, 1910; *его же.* Текорский храм, Тифлис, 1911 и около четырех десятков других исследований, посвященных вопросам истории и теории армянской архитектуры (на арм. яз.).

[17] *Charles Diehl.* Etudes byzantins, Paris, 1905; *его же.* Manuel d'art byzantin, Paris, 1910.

[18] *W. Bachmann.* Kirchen und Moscheen in Armenien und Kurdistan, Leipzig, 1913.

[19] *G. T. Rivoira.* Architectura Musulmana, Milano, 1914.

[20] *Lynch,* Armenia, London, 1901.

[21] *J. Baltrusaitis.* Etudes sur l'art médiéval en Géorgie et en Armenie, Paris, 1929.

[22] *J. Strzygowski.* Die Baukunst der Armenier und Europa, Wien, 1918; Ursprung der christlichen Kirchenkunst, Leipzig, 1920.

[23] *S. Der Nersessian.* Armenia and the Byzantine Empire, Cambridge, 1945.

ной деятельности Юстиниана был посвящен армянским храмам, построенным якобы по велению византийского императора. Диль, хотя и продолжает искать пути проникновения в Армению византийского искусства, но вместе с тем признает наличие своеобразного стиля *«армянского искусства»*. Больше того, он выдвигает тезис о взаимовлиянии двух искусств—армянского и византийского.

Вальтер Бахман, в свою очередь, пытается дать схему постепенного развития плановых форм армянских храмов, однако, будучи знаком с памятниками армянской архитектуры преимущественно позднего периода, обходит вопрос о преемственности в создании отдельных типов памятников, вследствие чего сама схема выглядит неубедительно.

Некоторые авторы связывают истоки армянской и в целом всей архитектуры христианской эпохи либо с итальянским, либо с римско-византийским искусством (Ривойра), но как только оказывается невозможным применить эту точку зрения непосредственно к армянской архитектуре, они выдвигают другой тезис, будто византийское влияние проникло в Армению не прямо из Византии, а через искусство соседних народов (О. Вульф)[24].

Признанию самобытности армянской архитектуры способствовали труды Стржиговского, особенно его позднейшие исследования, посвященные архитектуре восточных народов. Вторично посетив Армению в 1913 г., Стржиговский на основе дополнительных данных и главным образом многочисленных печатных трудов и неопубликованных материалов Тораманяна издает в 1918 г. в Вене два объемистых тома своих новых исследований об армянской архитектуре. Говоря о том, что Армения является родиной архитектурной формы купола, возвышающегося на квадратной основе и имеющего исходное значение для пространственно-объемной композиции центральнокупольных сооружений раннехристианской эпохи, Стржиговский стремится выявить роль армянской архитектуры в развитии архитектурного искусства других народов.

Авторы почти всех трудов, появившихся в Европе вслед за этими исследованиями Стржиговского, в одном случае осторожно, в другом смело подчеркивают значение армянской архитектуры, как и архитектуры кавказских народов, для понимания архитектурно-строительного искусства всей раннехристианской эпохи (О. Дальтон[25], Ю. Бальтрушайтис[26], Ж. Эберсольт [27], А. Грабарь[28] и др.).

Труд Стржиговского «Архитектура армян и Европа», несмотря на содержащиеся в нем спорные, а иногда и ошибочные положения (отнесение базиличных сооружений Армении раннехристианской эпохи к привнесенным извне, игнорирование значения армянского народного дома, легшего в основу центрально-купольных сооружений и т. д.), является одним из тех серьезных исследований, благодаря которым армянская архитектура вводится в сферу мировой архитектурной мысли.

В советский период изучением армянской архитектуры занимаются уже не отдельные лица, а специальные научные учреждения. Именно в этот период развернулась наиболее плодотворная исследовательская деятельность Тороса Тораманяна, появилось новое поколение ученых, занимающихся архитектурной наукой.

Дальнейшему изучению национального архитектурного наследия в огромной мере способствовали крупные археологические экспедиции, проводившие раскопки на Кармир-блуре, Аринберде, в Аргиштихинили-Армавире, Арташате, Гарни, Двине, Амберде и вокруг отдельных узловых памятников. Раскопки выявили новые центры Урартского государства—Тейшебаини в Кармир-блуре и Эребуни в Арин-берде. Благодаря высокому уровню научных исследований, которые ведутся на базе продолжающихся здесь раскопок и материалов ранее известных урартских поселений, Советская Армения стала мировым центром урартоведения. В исследованиях, посвященных истории, культуре и искусству Урарту, нашли освещение проблемы урартского градостроительства, архитектуры, строительной техники и археологии[29].

---

[24] *О. Wulff.* Altchristliche and byzantinische Kunst, Berlin, 1914.

[25] *О. М. Dalton.* East christian art, Oxford, 1926.

[26] Etudes sur l'art medieval en Georgie et en Armenie Paris, 1929; см. в особенности введение, написанное проф. Фосейоном.

[27] *J. Ebersolt.* Monuments d'architecture byzantine, Paris, 1934.

[28] *A. Grabar.* Martyrium, Paris, 1946.

[29] *Б. Б. Пиотровский.* История и культура Урарту, Ереван, 1944; *его же.* Кармир-блур, I, Ереван, 1950; *его же.* Кармир-блур, II, Ереван, 1952; *его же.* Кармир-блур, III, Ереван, 1955; *его же.* Ванское царство (Урарту), М., 1959; *его же.* Искусство Урарту, Л., 1962; *его же.* Кармир-блур, Л., 1970; *его же.* Искусство Урарту, в кн. «История искусства народов СССР», т. I, 1971, стр. 100—116; *К. Л. Оганесян.* Архитектура Тейшебаини, Ереван, 1955; *его же.* Архитектура Эребуни, Ереван, 1961; *его же.* Эребуни, Ереван, 1968 (на арм., рус. и

Предметом изучения многих искусствоведов и ученых явилась почти не затронутая в прошлом архитектурная культура Армении эпохи рабовладельческого общества[30]. В их работах раскрывается немало характерных сторон архитектурно-строительного искусства Армении дохристианской эпохи, имеющих важное значение не только для понимания условий возникновения армянской классической архитектуры, но и для правильного толкования ряда особенностей, связанных с формированием общего эллинистического искусства (взаимоотношений искусств эллинского и восточных народов). Наряду с этим значительны успехи в изучении архитектуры армянского средневековья.

Важным событием в культурной жизни республики явилось опубликование научного наследия Т. Тораманяна[31]. В сферу изучения были вовлечены новые проблемы, в частности, вопросы архитектурного наследия. Часть этих исследований посвящена главным образом общим вопросам средневековой армянской архитектуры[32], другая—преимущественно изучению таких кардинальных вопросов, как гражданская архитектура[33], архитектурные жанры, композиционные решения и школы[34], архитектурные комплексы[35], наиболее выдающиеся типы сооружений[36], армянские архи-

англ. яз.); *его же.* Архитектура Урарту, в кн.: «Всеобщая история архитектуры», т. I, М., 1970, стр. 257—273; *его же.* Росписи Эребуни, Ереван, 1973 (на арм. яз.); *Корюн Кафадарян.* Новые данные по архитектуре Урарту, «Советская археология», 1967, № 4; *А. А. Мартиросян.* Город Тейшебаини, Ереван, 1961; *его же.* Аргиштихинили, Ереван, 1974 и т. д.

[30] *Н. Буниатян.* Языческий храм при дворце Трдата в крепости Гарни, Ереван, 1933; *К. В. Тревер.* Очерки по истории культуры Древней Армении, М.—Л., 1953; *Б. Н. Аракелян.* Гарни, I, Ереван, 1951; *его же.* Гарни, II, Ереван, 1957; *его же.* Искусство древней Армении, в кн.: «История искусства народов СССР», т. I, М., 1971, стр. 205—218. См. также: *А. Саинян,* Гарни и Гегард, М., 1958; *его же.* Архитектурные памятники Гарни и Гегарда, Ереван, 1969 (на арм. и рус. яз.); *О. Х. Халпахчьян.* Архитектура Армении, в кн.: «Всеобщая история архитектуры», т. I, М., 1970, стр. 273—283.

[31] *Т. Тораманян.* Материалы по истории армянской архитектуры, т. I, Ереван, 1942; т. II, Ереван, 1948 (на арм. яз.).

[32] *Н. М. Токарский.* Архитектура древней Армении, Ереван, 1946; *его же.* Архитектура Армении IV—XIV вв., Ереван, 1961; *А. Л. Якобсон.* Очерк истории зодчества Армении V—XVII вв., М.—Л., 1950; *В. М. Арутюнян, С. А. Сафарян.* Памятники армянского зодчества, М., 1951; *Н. Г. Буниатян, Ю. С. Яралов.* Архитектура Армении, М., 1950; *О. Х. Халпахчьян.* Архитектура Армении, в кн.: «Всеобщая история архитектуры», т. I, гл. IX, М., 1958; *его же.* Древнейшие сооружения на территории Армении, в кн.: «Всеобщая история архитектуры», т. I, М., 1970, стр. 253—257; *его же.* Архитектура Армении, в кн.: «Всеобщая история архитектуры», т. III, Л.—М., 1966, гл. III; *Б. Н. Аракелян, В. М. Арутюнян, С. Х. Мнацаканян.* О некоторых вопросах истории армянской архитектуры, Ереван, 1969; *Б. Арзуманян.* Армянские соборы, Эчмиадзин, 1970 (на арм., рус. и англ. яз.); *С. Мнацаканян, Н. Степанян.* Памятники архитектуры в Советской Армении, Л., 1971 (на рус. и англ. яз.); *М. М. Асратян.* Архитектура Армении XIV—XVIII вв., в кн.: «История армянского народа», т. IV, Ереван, 1972, стр. 593—607; *А. А. Саинян,* Архитектура IV—VII вв., в кн.: «История искусства народов СССР», т. II, М., 1973, раздел «Искусство Армении»; *С. Х. Мнацаканян.* Архитектура VIII—XIII вв., в кн.: «История искусства народов СССР», т. II, М., 1973, раздел «Искусство Армении».

[33] *В. М. Арутюнян.* Архитектурные памятники Двина V—VII вв., Ереван, 1950; *его же.* Караван-сараи и мосты средневековой Армении, Ереван, 1960; *его же.* Город Ани, Ереван, 1964 (на арм. и рус. яз.). См. также: *К. Кафадарян.* Город Двин и его раскопки, Ереван, 1952; *О. Х. Халпахчьян.* Производственные сооружения Армении, Ереван, 1961; *его же,* Гражданские зодчества Армении, М., 1971.

[34] *Р. Я. Агабабян.* Композиция купольных сооружений Грузии и Армении, Ереван, 1950; *С. Х. Мнацаканян.* Архитектура армянских притворов, Ереван, 1952; *его же.* Сюникская школа армянской архитектуры, Ереван, 1960 (на арм. яз.); *его же.* Ереван и его окрестности, Ереван, 1971 (на арм. яз.).

[35] *К. Кафадарян.* Ованаванк и его надписи, Ереван, 1948; *его же.* Санаинский монастырь и его надписи, Ереван, 1957; *его же.* Ахпат, Архитектурные сооружения и надписи на камнях, Ереван, 1963; *О. Х. Халпахчьян.* Санаин, М., 1973; *М. М. Асратян.* Архитектурные комплексы Сюника XVII—XVIII вв., Ереван, 1973 (на арм. яз.).

[36] *А. Б. Еремян.* Храм Рипсиме, Ереван, 1955; *Ю. С. Яралов.* Аштарак, М., 1947; *Ал. Саинян.* Архитектура Касахской базилики, Ереван, 1955; *Т. Марутян.* Звартноц, Ереван, 1963; *Н. М. Токарский.* Джрвеж, I, Ереван, 1959; *его же,* Джрвеж и Вохджаберд, Ереван, 1964; *В. М. Арутюнян.* Эчмиадзин, М., 1958; *его же,* Архитектурные памятники Эчмиадзина, Ереван, 1968 (на арм. и рус. яз.); *Н. Я. Марр.* Ереруйская базилика, Ереван, 1968; *С. Х. Мнацаканян.* Звартноц и однотипные памятники, Ереван, 1971 (на арм. яз.); *А. К. Зарян.* К вопросу распространения в Европе типа Багарана, Бейрут, 1972 (на арм. яз.); *В. Г. Григорян.* Два крестово-купольных памятника армянской архитектуры раннего средневековья, «Вестник общественных наук», Ереван, 1973, № 4.

текторы средневековья[37], народная архитектура[38], строительная техника[39] и других неосвещенных проблем[40]. В этих работах, не лишенных спорных моментов и отдельных недостатков, в основном правильно освещается процесс развития армянской средневековой архитектуры и формирования различных типов сооружений, обстоятельно показываются культурные связи армян с соседними народами.

За последние годы между Институтом искусств Академии наук Армянской ССР, с одной стороны, и архитектурными группами Римского университета и Миланского политехникума, с другой, наметилось полезное научное сотрудничество в деле изучения армянской исторической архитектуры. В Милане издается серия «Памятники армянской архитектуры» на итальянском, английском, а в последнее время и на армянском языках. Уже опубликованы выпуски, посвященные Ахпату[41], хачкарам[42], Санаину[43], с. Тадэ[44], Амберду[45], Гегарду[46] и Гошаванку[47].

В каждом выпуске выступает по одному автору из Института искусств и из Милана. Своеобразно трактуя материал, советские и итальянские авторы представляют его в различных аспектах, и благодаря этому рассматриваемые вопросы получают наиболее разностороннее освещение. В указанных выпусках в сжатой форме и на необходимом научном уровне обсуждаются актуальные вопросы: типология памятников и их датировка, архитектурные формы и конструктивные решения, особенности стиля и проблемы взаимовлияния.

Касаясь армянских и византийских центральнокупольных построек раннего средневековья (Аван, Рипсиме, константинопольская Св. София), итальянские специалисты подчеркивают, что равномерно собранные вокруг отвесной оси внешние объемы армянской постройки, в отличие от византийской, легко прочитываются и в интерьере (Андриано Алпаго Новелло). Это означает, что в армянской постройке внутренняя и внешняя пространственно-объемная композиция составляет единое целое. Отмечается также, что «проектирование... моделями первоначально распространилось, как метод, в Армении и опередило Европу» (Алпаго, Кунео), а внутренняя связь, созданная между армянской постройкой и окружающей природой, и имеющаяся между ними гармония рассматриваются как результат классического понимания архитектурного искусства (Андриано Алпаго Новелло, Армен Манукян).

В 1968—1973 гг. в Риме были опубликованы обстоятельные исследования, посвященные отдельным постройкам и группам памятников. В них показываются особенности этих построек и делается попытка определить их место среди аналогичных памятников других

[37] *К. Л. Оганесян.* Зодчий Трдат, Ереван, 1951; *С. Бархударян.* Средневековые армянские архитекторы и мастера по камню, Ереван, 1963.

[38] *С. Вартанян.* Архитектура армянских народных жилищ, Ереван, 1959 (на арм. яз.); *Э. Н. Акопян.* Архитектура народного жилища Аштаракского района, Ереван, 1964 (на арм. яз.); *Н. Ц. Папухян.* Народное зодчество Сюника, Ереван, 1972.

[39] *О. Х. Халпахчьян.* Конструкции и форма в армянской архитектуре IV—XIV вв., в кн.: «Архитектура и строительная техника», М., 1960.

[40] *О. Х. Халпахчьян.* Армяно-русские культурные отношения и их отражение в архитектуре, Ереван, 1957; *Ю. Таманян, Ш. Азатян.* Одзун, Ереван, 1960 (на арм., рус. и англ. яз.); *С. Х. Мнацаканян.* Н. Я. Марр и армянская архитектура, Ереван, 1969 (на арм. яз.); *Д. А. Кипшидзе.* Пещеры Ани, Ереван, 1972; *Н. М. Токарский.* По страницам истории армянской архитектуры, Ереван, 1973.

[41] *St. Mnatsakanian, Alpago Novello A.*, Haghbat, Documenti di Architettura Armena, N. 1, Milano, 1968.

[42] *Levon Azarian, Armen Manoukian,* Khatchkar, Documenti di architettura Armena, № 2, Milano, 1969.

[43] *O. Kh. Gchalpakhtchian, Adriano Alpago Novello,* Sanahin, Documenti, di architettura Armena, № 3 Milano, 1970.

[44] *Wolfram Kleiss, Houshang Saihoun.* S. Thadei' Vank, Documenti di architettura Armena, N. 4, Milano, 1971.

[45] *Nikilaj M. Tokarskij, Adriano Alpago Novello,* Amberd, cronologia essenziale — Armen Zarian, bibliografia — Herman Vahramian, Documenti di archit. Armena, N. 5, Milano, 1972.

[46] *Alexandr Sahinian, Armen Manoukian.* G (H)-eghard, La struttura geologica della zona di G (H) eghard, a cura di A. T. Aslanian, Breve cronologia storica, a cura di Herman Vahramian, Documenti di architettura Armena, N. 6, Milano, 1973.

[47] *Armen Zarian, Adriano Alpago Novello.* Gochavank, N. 7, Milano, 1974, см. также: Ricerca Sull'architettura Armena, Rediconti, N. 2. *Armen Zarian, Alpago Novello A., Herman Vahramian,* Bibliografia, N. 3. *F. Bianchi, L. Roncal,* Antologia Critica, Milono, 1972, N. 4; *A. B. Eremian.* La chiesa di S. Hripsime, Erevan. 1955, traduzione di N. Cruciani, Milano, 1972, N. 6.

народов[48]. Примечательна монография Томазо Бреччиа Франтадоки, посвященная архитектуре храма Эчмиадзина в Сорадире[49], а также изданные в миланской серии работы немца Вольфрама Кляза и персидского автора Гусанга Сеигуна об архитектуре храма Тадэ.

Новые материалы об отдельных памятниках Западной Армении публикуют французские ученые супруги Тиерри[50].

Таким образом, за последние десятилетия рамки изучения армянских архитектурных памятников расширились. К ним проявляют интерес ученые и специалисты многих стран[51].

Несмотря, однако, на большой интерес к армянской архитектуре со стороны зарубежной и отечественной архитектурной науки, до сих пор нет труда на русском языке, в котором давалась бы цельная картина ее развития.

Публикуемая работа частично восполняет этот пробел. В ней рассматривается процесс развития архитектуры и строительного дела в Армении с древнейших времен до XVIII в. включительно.

---

[48] *Geza de Francovich, Fernanda de Maffei, Herman Vahramian, Tommaso Breccia Fratadocchi, Paolo Cuneo, Enrico Costa.* Architettura medievale armena, Roma — Venezia, 1968; *Paolo Cuneo.* La basilique de Tsitsernakavank, dans le Karabach, „Revue des e'tudes Armeniennes", t. IV, Paris, 1967; *его же.*, L'église de Saint-Etchmiadzine a Soradir, dans le Vaspurakan, „Revue...", t. V. Paris, 1968; *его же.*, Les modèles en pierre de l'architecture Armenienne, „Revue...", t. VI, Paris, 1969; *его же*, Les ruines de la ville D'Ani, capitale Armenienne et metropole cosmopolite. Du moyen age en orient... „Monumentum", vol. V, 1970; *его же.*, Le basiliche paleocritiane Armene, „Corsi di cultura sull'arte ravennate bisantina", Ravena, 1973. *Alpago Novello A.*, Introduzione ai castelli e ai monasteri fortificate dell' Armenia Sovietica „Atti del Congresso scientifico dell' Instituto Internazionale dei Castelli", Atene, 1968 *его же.* La fortezzâ di Amberd sul monte Arag (h) atz in „Castellum", N. 9, Roma, 1969; *его же*, La basilica di Tanaat nello Zanghezur..., „Atti del 11° Congresso nazionale di archeologia Cristiana" (Matera-Toranto Foggia, 25/31, 5. 1969).

[49] *Tommaso Breccia Fratadocchi.* La chiesa di s. Fjmiacin a Soradir, Roma, 1971.

[50] *J. M., Thierry.* Monastéres, Arméniens du Vaspurakan, „Revue des e'tudes Arméniennes", t. IV. Paris, 1967; tome V, Paris, 1968; Tome VI, Paris, 1969; t. VII, Paris, 1970; t. VIII, Paris, 1971; t. IX, Paris, 1972; *их же.* Apropos de quelques monuments chrétiens du vilayet de Kars (Torquie), „Revue...), t., 111, Paris,, 1966, tome VIII, Paris, 1971; *их же.* Notes sur des monuments Arméniens en Turquie, „Revue...", t. 11, Paris, 1965.

[51] *Sirarpie Der Nersessian,* Aght'amar, church of the Holy-Gross, Cambridge, Mass., 1965; The Armenians, London, 1969; *E. Utudjian.* Les monuments arméniens du IV[e] au XVII[e] siécle, Paris, 1967; *W. Kleiss.* Das Kloster des Heiligen Thaddäus (Kara-kilise) in Iranisch-Azerbaidjian, in „Istanburer Mitteilungen", Bd. 17. 1967; *H. Vahramian.* Soumeye s. Taddeo, in „Talash", Teheran, 1969; *H. Koepf.* Armenische architektur, Wien, 1969; *E. Neubauer,* Armenische Baukunst vom 4 bis 14 jahrhundert, Leipzig, 1970; *A. Khatchatrian.* L'architecture arménienne du IV[e] au VI[e] siecle, Paris, 1971. *A. L. Jakobson.* Les Rapports et les corrélations des architecturés Arménienne et Géorgienne au moyen age, „Revue..." tome VIII, Paris, 1971; *Karoly Gombos.* Die Baukunst Armeniens, Leipzig, 1972; *H. Hofrichter.* Das Kloster Sdepannos Nachawega in der Iranischen provinz Azerbaidschan, Revue...", t. IX, P., 1972; *G. Boudoyan* et *M. Thierry.* Les Eglises de Thil (korluca) Dans le vilayet de Tunceli (Turquie), „Revue...", IX, P, 1972; *Armen Zarian.* Formazione Esviluppo della „Sala a cupola". см. „Corsi di cultura sull'arte ravennate e bizantina", Ravena, 1973.

ГЛАВА I

АРХИТЕКТУРА С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО VI В. ДО Н. Э.

На территории исторической Армении строительная деятельность человека зародилась с незапамятных времен и сохранила свои хорошо зримые следы, идущие со времен первобытнообщинного строя. В те далекие времена человек начал свою деятельность с создания замкнутого внутреннего пространства, удобного для жилья. Именно поэтому первая страница истории строительства Армении, как и повсеместно, открывается с проблем создания жилищных сооружений в глубокой древности.

Первым жилищем человека служила естественная пещера, в которой он нашел для себя надежное убежище. Таких пещер немало сохранилось на территории Армении. Самые древние из них, имеющие 60—100-тысячелетнюю давность, обнаружены в Лусакерте, в черте города Еревана—в толще скалистого берега искусственного озера и др. Найденный в них богатый археологический материал характеризует эти пещеры как жилье и свидетельствует о длительной исторической жизни в них человека, которому были известны способы добывания огня, изготовления орудий труда и некоторые первоначальные навыки строительного дела.

Осваивая естественные пещеры, первобытный человек в дальнейшем по аналогии с этой пространственной структурой переходит к устройству искусственных пещер. Постепенно, по мере накопления опыта в строительном деле, первобытный человек переходит к возведению отдельных наземных строений. В Армении довольно четкие следы подобного генетического развития строительной деятельности аборигенов носят многие памятники, и среди них Мохраблур и Шрешблур в окрестностях Эчмиадзина, так называемый Тагаворанист в Кировакане, Шенгавит и Кармир-блур (нижний культурный слой) в Ереване, крупный металлургический центр в районе Мецамора, бердшены в районе озера Севан и др.

Среди них наиболее примечательным по своим общим формам и конструктивным решениям представляется Шенгавитское энеолитическое поселение, находящееся в юго-восточной части Еревана, на берегу уже упоминавшегося искусственного озера.

Длительная историческая жизнь Шенгавитского поселения определяется его тремя культурными слоями, в каждом из которых сохранились жилые дома, круглые в плане, с диаметром, в среднем, около 7 м. Тщательно выложенные из сырцового кирпича стены этих строений стоят на каменном цоколе. Изнутри они были выкрашены в ярко-синий цвет, а помещения имели плоское перекрытие из бревенчатого наката, поддерживаемое одним деревянным центральным столбом. Снаружи сооружения должны были иметь форму шатра или близкий к нему силуэт.

В интерьере помещений находились круглые в основании глиняные очаги с приподнятыми стенками. Украшавшие их геометрические орнаменты придавали им заметную нарядность и олицетворяли элементы раннего искусства.

Дома, обнаруженные в разных культурных слоях Шенгавитского поселения, отделенных друг от друга длительными периодами, свидетельствуют о последовательном развитии их форм. Оно характеризуется переходом от круглого в плане жилья к прямоугольному, а также от однокомнатного жилого дома к многокомнатному.

Шенгавитское поселение было ограждено довольно мощными крепостными стенами из базальтовых камней, от которых сохрани-

лись значительные остатки. На одном из участков стен был устроен потайной ход, ведущий к реке Раздан. Это свидетельствует о том, что поселение было рассчитано на длительную оборону.

Энеолитическое поселение Шенгавита представляло собой довольно развитый древний комплекс строений, насчитывающий, судя по археологическому материалу, шесть тысяч лет.

Жилые дома, по своим архитектурным формам и конструктивным решениям близкие к шенгавитским, найдены также под древнейшими городскими кварталами урартского города Тейшебаини. Это говорит о длительности процесса становления указанных форм жилья, об их традиционности на данной исторической территории.

Такое мнение подтверждается также и остатками круглых в плане (до 3,60 м) жилых построек Техута, поселения, раскинутого в 3 км южнее Эчмиадзина и относящегося к IV тыс. до н. э. И здесь, как и в Шенгавите, эти дома основаны на каменном цоколе, стены выложены из сырца-кирпича на глиняном растворе. Судя по найденным фрагментам, они были выкрашены в красный цвет. Дома отапливались впущенными в пол очагами. Они имели также отдельно стоящие полуподземные хозяйственные складские ямы—круглые в плане. Видимо, эти дома Техута, представленные лишь только круглой формой своего плана, без попыток перехода к прямоугольной форме, именно в связи с этим представляли более ранний этап исторической жизни, чем Шенгавитское поселение.

Аналогии Техутскому поселению можно найти в верхнепалеолитической стоянке Тимоновке около Брянска, а в целом возможно и в трипольской культуре.

Примечательным комплексом является также Мохраблур, основанный в III тыс. до н. э. в одном километре от Техута, недалеко от берегов реки Касах, ныне текущей по своему новому руслу вдали от Мохраблура. Полустертые следы жилых домов поселения мало что говорят об их плановых решениях. Более четко в центральной части древнего поселения видна выложенная из камня платформа высотою в 6 м, на которой лежит четырехметровая плита из базальта, похожая на плиту, установленную в середине Стонхенджского кромлеха. Быть может, как это предполагается для последнего, и в Мохраблуре рассматриваемая плита со своей платформой служила культовым целям.

Начиная с середины второго тысячелетия до н. э., на территории Армении, преимущественно в ее горных районах, появляются многочисленные укрепленные поселения, получившие в историко-архитектурной литературе название «бердшенов». Обычно они сооружались на вершинах гор или холмов, у подножья которых воздвигались жилые строения, уже в процессе последующего расширения поселений. При строительстве бердшена, как правило, сильно укреплялась вся верхняя часть холма, где крепостные стены, возводимые из больших базальтовых глыб, составляли основу его обороны. Эти стены многими параллельными рядами опоясывали холм от вершины до подножия, а их пересекали другие стены, идущие радиально, также от вершины к подножью. Таким образом, холм дробился на изолированные отсеки, что должно было чрезвычайно затруднять штурм бердшена неприятелем, которому в такой ситуации приходилось бы вести тяжелые бои за каждый отсек крепости. В оборонительную систему бердшена, помимо главного укрепленного холма, входят также фортификационные заслоны, сооруженные на близлежащих возвышенностях, на ближних и дальних подступах к основному объекту обороны.

В тех случаях, когда бердшены сооружались в местах с особо надежными для обороны природными условиями, например, на неприступной скале, у отвесных стен ущелья и т. п., укреплялись лишь открытые, более доступные для нападения стороны. Так были построены, например, бердшены Назрван (Аштаракский район) и Шамирам (Талинский район), а также большое количество крепостей, обнаруженных в районе бассейна озера Севан. Почти все эти крепости имели стены, часто расположенные в три ряда, перед которыми открывалась система наблюдательных постов, осуществлявших оборонные мероприятия.

В военном отношении особенно примечательной была крепость Шамирам. Она расположена на треугольном мысу, возвышающемся над глубоким ущельем, и ограждена со стороны плато мощной системой оборонительных крепостных стен.

Здесь, кроме того, обнаружены культовые сооружения и большое могильное поле с интересным археологическим материалом. А судя по остаткам довольно развитой древней оросительной системы в Шамирам, можно также говорить и о развитом сельском хозяйстве.

Сооружения бердшенов свидетельствуют о том, что в эпоху бронзы уже были выработаны определенные понятия о необходимом комплексе военных мероприятий и существо-

вали хорошо проверенные на практике навыки и традиции строительства развитых оборонительных систем.

Другими примечательными памятниками этой эпохи, сохранившимися на территории Армении, являются мегалитические сооружения, выложенные из крупных каменных глыб. Это, как и повсеместно, долмены, менгиры и их ряды, кромлехи, а в более поздние века—вишапы, которые являются характерными для Армении памятниками данной эпохи.

По своему функциональному назначению, как и по внешним формам, мегалитические памятники, по существу, не отличаются от аналогичных сооружений, обнаруженных на территориях других стран. Долмены представляют собой прямоугольное в плане внутреннее пространство, ограниченное цельными каменными плитами больших размеров и покрытое сверху такими же камнями (в Зангезуре) либо ложным сводом (Ошаканский комплекс, известный под названием «Дома огузов»—великанов). Долмены, предназначенные для погребения, как правило, внешне имели вид обычных холмов. В районе бассейна озера Севан в начале века было раскопано около тысячи таких холмов. В этих погребениях везде хорошо сохранился богатый археологический материал, дающий представление о культурно-исторической жизни своего времени.

Из менгиров, найденных в Армении, самые крупные достигают 4 м высоты. Обычно они расположены в центре правильно построенного круга, выложенного из камней высотой до 30 см.

Менгиры не всегда гладко вытесаны, как это делалось, например, в Бретани, где сохранились великолепные образцы этих памятников. В Армении, как правило, это чаще всего глыба рваного базальта, установленная вертикально и имеющая мощный и внушительный вид. Менгиры в Армении, как и в Бретани, часто образуют длинный ряд, который принято называть алиньманом, а также кромлехи, представляющие замкнутый ряд менгиров и имеющие своеобразную композицию, видимо культового назначения.

В ряде мест Армении сохранились целые комплексы таких мегалитических памятников, среди которых выделяются обнаруженные в Ошакане, Узе и Сисиане.

Сисианский комплекс занимает треугольную территорию, ограниченную с двух сторон глубокими ущельями. Такая пространственная композиция впоследствии становится характерной и традиционной при выборе места для строительства крепостей, которые мощно и надежно укреплялись от внешних нашествий.

В этом комплексе можно видеть почти все виды мегалитических сооружений—долмены, менгиры, их ряды, кромлехи. Кроме того сохранились полустертые следы жилых сооружений, имевших, судя по всему, идентичную для всех сооружений комплекса планировочную структуру. В каждом из них видны следы двух помещений, а также дворового ограждения перед ними. Такая плановая композиция для жилого дома в дальнейшем, как увидим, будет узаконенной, в частности для урартского жилья в Тейшебаини.

К мегалитической культуре Армении относятся также «вишапы» (драконы)—уникальные памятники, обнаруженные на Гегамских горах, на отрогах Арагаца и в Зангезуре. Это каменные изваяния длиной 3—5 м, имеющие форму рыб, которые в свое время устанавливались вертикально, в виде стрел на каменных основаниях. Поскольку почти все вишапы находились в основном у истоков ирригационных каналов или у водохранилищ, предполагается, что они были связаны с культом воды. Как правило, вишапы были покрыты различными рельефами, имевшими символическое значение. Все они выполнены с большим мастерством и по времени являются наиболее поздними памятниками мегалитической культуры Армении.

Другими характерными мегалитическими памятниками являются башенные строения, круглые в плане, с диаметром до 10 м. Эти строения выложены из больших полуобработанных базальтовых глыб, без применения раствора. Одно из таких хорошо сохранившихся строений находится близ села Ахавнатун Эчмиадзинского района. Оно сохранилось до 8 м высоты. Дверь башни, имеющая проем в 1 кв. м, устроена на высоте 3 м от земли, и в нее, следовательно, можно было войти только по приставной деревянной лестнице. Такие башни в Армении по своим формам сходны с общеизвестными круглыми жилыми башнями, например, Нураги в Сардинии.

Как видим, на территории Армении памятники доисторической культуры в своем развитии прошли длительный исторический путь. Ее традиции оставили значительный след в строительной деятельности более поздних племен, населявших Армянское нагорье, и, по всей вероятности, через них проникли в строительную культуру Урарту—первого государственного образования на этой территории.

АРХИТЕКТУРА УРАРТУ

Древнее царство Урарту, занимавшее в IX—VI вв. до н. э. Армянское нагорье, являлось одним из крупных и могущественных государств древневосточного мира. Первое упоминание об Урарту («Уруатри») встречаем в надписях ассирийского царя Салманасара I (1280—1256 гг. до н. э.). В то отдаленное время урарты входили в коалицию многочисленных племен Наири. Опустошительные набеги ассирийцев на страну Наири ускорили объединение его племен, хотя в основном процесс их консолидации был подготовлен всем ходом развития производительных сил в стране, где уже началось широкое применение железа.

С IX в. до н. э. из состава этой коалиции начинает выделяться Урарту, одно из ранних рабовладельческих государств Древнего Востока, занимавшее территорию вокруг озера Ван. На восточном побережье озера, в черте современного города Ван, находилась его столица—город Тушпа.

Спустя полвека положение Урарту в Передней Азии настолько усилилось, что Ассирия уже начинает явно уступать могуществу Ванского царства. Правители Вана предпринимают ряд походов, среди которых в стратегическом отношении наиболее важными явились походы в район Урмийского озера, в западном и юго-западном направлении к Северной Сирии. Это была борьба за овладение богатыми металлургическими центрами Сирии и ее коммуникациями.

При Аргишти I и Сардури I урарты берут твердый курс на постепенное окружение Ассирии, заходя ей во фланг. В процессе этой борьбы они захватывают страны Маннеев, Мелитену и Комагену, подходят к долине реки Диялы. Прочно преградив путь ассирийцам на север, урарты начинают расширять свои границы, но теперь уже за счет территории Южного Закавказья—нынешней Армянской ССР. Завоеванные здесь области в дальнейшем сыграли важную роль в экономической и политической жизни государства. Урарты прочно удерживали территорию от озера Севан на востоке и до современного города Ленинакана на северо-западе, где они основали свои опорные пункты—города-крепости, ставшие одновременно административными центрами данных областей. Такими городами являлись Эребуни, Аргиштихинили, Тейшебаини, «город бога Халди», «город бога Тейшебы» и многие другие.

Многочисленные раскопки, проведенные на исторических территориях Урарту, открыли новую страницу в истории этой страны. Они показали, что среди архитектурных и инженерных сооружений урартских городов имелись светские и культовые постройки, многочисленные скальные и пещерные сооружения, ирригационные каналы, тоннели, мемориальные памятники и т. п.

Наши представления об архитектуре Урарту значительно расширились благодаря археологическим раскопкам, проводившимся почти одновременно и на территории Месопотамии. Здесь были обнаружены летописи ассирийских царей об их походах в сопредельные страны, в том числе и в Урарту, в которых содержатся сведения об урартских сооружениях, а также рельефные бронзовые изображения некоторых дворцов, храмов, крепостей и других построек. Эти ценные материалы дают основание полагать, что в зодчестве Урарту нашли свое выражение хеттские традиции строительной культуры (повидимому, через Хайаса-Аззи). Не исключена и генетическая связь культуры Хурри-Митани с Наири-Урарту, в свое время входившим в состав этого государства.

Несомненно, что урартскую культуру переняли армяне и другие народы Кавказа, ее влияние распространилось также на Малую Азию, Иран и Месопотамию.

В конце VII в. до н. э. Урарту, как и Ассирия, начинает слабеть, появляется реальная опасность возвышения новой могущественной коалиции в лице Мидии и Халдейского Вавилона. Вскоре эта коалиция нанесла роковой удар по Ассирии, и она, несмотря на помощь со стороны Урарту и Мана, окончательно сошла с арены истории. Та же участь вскоре постигла Урарту. Около 590—585 гг. до н. э. под ударами мидян пала центральная часть государства со столицей Тушпой, после чего оно перестало существовать.

Традиции архитектурно-строительной культуры Урарту в последующие века были восприняты армянской архитектурой. Они проявились в планировочных композициях древнеармянских городов, в системе построек крепостных стен, в расположении дворцовых сооружений. В результате раскопок последних десятилетий мы имеем возможность более подробно говорить об отдельных областях архитектурно-строительной культуры урартов.

Градостроительство. Структурное построение урартских городов, обозначенных в клинообразных надписях идеограммой URU (фонетическое урартское чтение—patari), довольно четкое. Как правило, они были расположены у подножья высоких холмов, на ко-

торых возвышались укрепленные цитадели, а на окраинах городских территорий находились погребальные районы.

Несмотря на то, что основная часть урартских городов оказалась под толстым слоем наносной земли, результаты раскопок позволили раскрыть их хозяйственную жизнь, структурное построение, архитектуру отдельных сооружений, а иногда и элементы благоустройства городов. Все это сделало возможным выявить особенности градостроительной культуры Урарту и вместе с тем провести классификацию самих городов, подразделив их на резиденциальные, административно-хозяйственные, военные и культовые.

Урартские города в большинстве своем представляли административно-хозяйственные центры, имевшие вокруг себя много поселений, составлявших единый хозяйственный комплекс.

В связи с этим примечательным является город Аргиштихинили, хозяйство которого было основано на развитой ирригационной системе. Город имел внутреннее ядро в пределах 1000 га и значительно превышавший эту площадь внешний пояс хозяйственных территорий.

Военные города и крепости были надежно укреплены и приспособлены к длительной обороне. В этом отношении выделялись и многие административно-хозяйственные центры. Что касается столицы государства города Тушпы, то она располагала целой системой крепостей, представлявших собой форпосты на ее ближних и дальних подступах. К ним относятся Хайкаберд, Хуркум, Верхний и Нижний Анзав, Аралеск и другие крепостные сооружения.

Особое положение занимали культовые города—в них находились храмы бога Халди, покровителя войн, крупные арсеналы, литейные и другие мастерские.

Раскопки показали, что урартские города, независимо от своего назначения, занимали территорию от 50 до 200 га. Население размещалось в них по социальному признаку, о чем можно судить по характеру жилых кварталов и отдельных построек, в частности по материалам раскопок города Тейшебаини.

Особенно примечательны урартские города в топографическом отношении. Основанные в гористых местностях, часто на крутых косогорах, они имели ступенчатые переходы, что во многих случаях превращалось в градостроительное правило. Наиболее отчетливо урартские градостроительные принципы читаются на планировке города Тейшебаини. Раскинутый на территории, с трех сторон ограниченной изгибами реки, протекающей в глубоком ущелье, город был защищен недоступными отвесными берегами. Со стороны Араратской долины, там, где не было естественных преград, Тейшебаини защищала мощная крепостная стена.

Наряду с внешними стенами в городской черте обнаружены также следы других стен, идущих в разных направлениях. По всей вероятности, они имели оборонное назначение—должны были затруднять продвижение противника и вынудить его штурмовать город по частям. К такому заключению приводят также градостроительные приемы, осуществленные в хеттских, сирохеттских и других древневосточных городах. По всей вероятности, внутренние оборонительные стены обеспечивали изоляцию и защиту дворца от подвластного урартскому наместнику городского населения, что характерно было и для города Кахун в Египте. Той же цели служили внутренние стены в другом урартском поселении—в селе Арагац, а также в Даранш, городе бога Тейшебы. Таким образом, социальные моменты в градостроительстве Урарту становятся довольно явственными, ибо в самих построениях городов сказывается стремление противодействовать возможным социальным взрывам.

Вместе с тем города Урарту, в частности расположенные на равнинных территориях, имели довольно правильную разбивку прямолинейных улиц. Так, например, раскрытые в Тейшебаини две параллельные улицы оказались застроенными строго, без каких-либо нарушений. Ширина их представляется для своего времени вполне достаточной—5,57 м, пересекает их более широкая улица (9,46 м).

Планировка урартских городов возникла не стихийно, не в процессе их застройки, а на основе предварительно разработанных схем. Это подтверждается фиксацией узловых точек городской планировки Тейшебаини большими базальтовыми камнями.

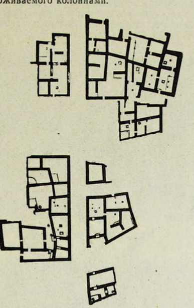
Разрозненные материалы раскопок дают известное представление о степени благоустройства урартских городов. В них обнаружены водопровод (Арин-берд), водохранилище (Азнавур), мост (Кармир-блур), а также парки и бани (Ван) (по летописным сведениям историка Мовсеса Хоренаци).

Жилищная архитектура. Архитектура и формы урартского жилья, как показывают результаты раскопок последних лет, довольно разнообразны. В некоторых постройках усматривается стремление унифицировать плановые решения, что следует расценить как результат длительного развития городов. К

ним относятся жилые сооружения с хозяйственным двором, дома с центральным помещением, дома типа «мегарон» и, наконец, многоэтажные жилые постройки городского типа, изображенные на больших каменных глыбах и бронзовых пластинах.

Наиболее распространенным был жилой дом с двумя-тремя помещениями со своим двором. Одно из таких помещений обычно отводилось под хозяйственные нужды, другие—под жилье. Комнаты освещались через ердик—окно, устроенное в потолке, возможно, и через верхний боковой проем. Отапливались они переносными очагами. Ядром жилого дома, связывавшим помещения между собой, являлся двор, приспособленный к хозяйственно-бытовым нуждам. Здесь был устроен навес на деревянных столбах, под которым содержались домашние животные и находились летний очаг для варки пищи и большой карас для хранения воды. В двух домах, расположенных в жилых кварталах Тейшебаини, обнаружены каменные углубления—уборные, устроенные по способу выгребных ям, куда отводились и дождевые воды. Одно из таких углублений было отгорожено от остальной части двора вертикально поставленными базальтовыми плитами. Подобный тип жилья, вероятно, характерен не только для Тейшебаини. Об этом свидетельствует найденный в окрестностях села Арагац (Эчмиадзинский район) жилой дом урартского поселка, почти идентичный с вышеописанным по своему плановому решению. Этот пример говорит о наличии определенной закономерности в плановых решениях отдельно стоящего урартского жилого дома, оформившегося в результате конкретного обобщения длительного исторического опыта.

Интересен другой комплекс жилых домов, воздвигнутый в юго-западной части Тейшебаини. План этого комплекса, составленный из четырех совершенно однотипных зданий, заключен в единую наружную стену с контрфорсами. Вероятно, комплекс предназначался для высокопоставленных горожан, поскольку каждый дом состоял из 11 жилых и хозяйственных помещений с общей площадью в 550 кв. м. Типовые начала, примененные в этих зданиях, доведены до своего предельного решения. Главное помещение дома представляется четырехколонным и, следовательно, является первым известным примером в урартском зодчестве данного структурного построения внутреннего пространства, служившего основным ядром жилья. Отличительная особенность этого помещения заключается в системе его освещения через ердик и в наличии плоского перекрытия, поддерживаемого колоннами.



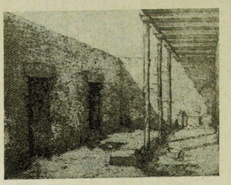
Тейшебаини. План расположения жилых кварталов.



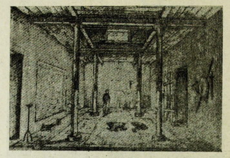
Тейшебаини. Перекресток улиц.

В Тейшебаини примечателен и другой жилой дом—типа «мегарон», построенный на перекрестке улиц, вероятно, на одном из подчеркнутых мест городской территории. В своем плане он имеет много общего с извест-

ным Тиринфским мегароном. Здесь мы видим портик и два помещения по продольной оси, одно из которых имеет пару колонн, поддерживающих плоское перекрытие с верхним освещением, и очаг.



Тейшебаини. Двор жилого дома.



Тейшебаини. Интерьер жилого дома.

Не исключено, что эта архитектурная форма в свое время послужила основой для создания урартских храмовых форм продольного типа, если иметь в виду храмы типа аринбердского суси. Однако в дальнейшем форма мегарона проявляется, в частности, в памятниках народного творчества, лучшие из которых сохранились в Мегринском районе республики.

Некоторым разнообразием характеризуется плановая композиция жилых домов из Аргиштихинили, где они обнаружены в значительном количестве в виде хорошо сохранившихся остатков. Собранностью своих помещений в квадратный контур плана эти дома напоминают ассирийскую традицию. Но по составу своих помещений и их назначению они сходны с жилыми домами Тейшебаини, а кроме того в них также отражена принадлежность к различным социальным слоям городского населения.

Архитектуре городского жилого дома в Ване, как сообщает Хоренаци, были известны и многоэтажные постройки. Упоминание об этом долгое время воспринималось как легенда. В дальнейшем, благодаря обширным раскопкам, проведенным на исторической территории Месопотамии, были выявлены многоэтажные жилые дома, а в пределах коренной территории Урарту, на высотах Топрах-кале, найдены бронзовые пластинки с рельефными изображениями трехэтажного жилого дома. Такое изображение имеется также на каменной глыбе из Кефкалеси. К сожалению, о многоэтажном урартском доме можно судить лишь на основании изображенных фасадов. Структура таких домов диктовалась общностью индивидуальных потребностей жильцов и своеобразным эталоном, характерным для общественной жизни урартов. Скорее всего структура эта была порождена бытовым укладом той части населения, которая не имела собственного хозяйства и находилась на государственном довольствии.

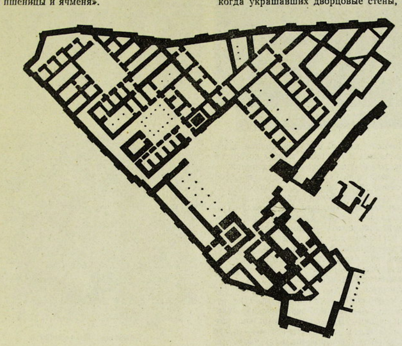
Попытка раскрыть истоки плановых структур урартского жилья, а также устойчивую традицию, обобщившую долгий опыт жилищного строительства, уводит в глубь веков, в энеолитическую эпоху. Зато можно определенно сказать, что принципы урартского жилища оказали заметное влияние на становление и последующее развитие жилищ древней Армении. Наиболее отчетливо это усматривается в дошедших до нас двух типах домов — для низменных и горных районов страны.

Монументальные постройки. К монументальным урартским сооружениям относятся дворцы и храмы. В ассирийских клинописях дворец упоминается как «Большой дом», в то время как его идеограмма с эпитетом «укрепленный» обозначает «крепость», «цитадель».

По своему значению урартские крепости относились к двум типам—хозяйственному и военно - административному. Существенным признаком для крепостей хозяйственного значения было наличие литейных и других мастерских, в которых обрабатывались железо, медь, бронза, серебро, золото. В них хранилось также большое количество сельскохозяйственных продуктов, значительная часть которых перерабатывалась на месте.

Крепости военного назначения были мощно укреплены, иногда тремя рядами защитных стен со рвами, и приспособлены к длительной обороне. В них дислоцировались отборные войска государства, о чем свидетельствует ассирийский царь Саргон II, который близко столкнулся с урартскими крепостями во время своего знаменитого похода на Урарту в 714 г. до н. э. Он всюду видел «полные амбары», «бесчисленный» ячмень, ароматное вино, «льющееся подобно речной воде». В области Сангибуту Саргон II возвел для своих войск «целые горы из награбленной пшеницы и ячменя».

нет. Однако отдельные строения, раскрытые в окрестностях города, свидетельствуют о том, что в свое время здесь существовала высокая строительная культура. Во время раскопок, произведенных в конце минувшего века, здесь были выявлены руины примечательного архитектурного комплекса, среди которых оказались остатки храма, стоявшего на высокой платформе, фундамент дворца, пещерные сооружения и др. О богатстве внутреннего архитектурного декора этих построек свидетельствуют множество высокохудожественных рельефов, высеченных в мраморе и некогда украшавших дворцовые стены, а также



Эребуни. План цитадели.

Самой большой и мощной была цитадель столицы государства—города Тушпы. Сооруженная на вершине скалистого холма и укрепленная высокой внешней крепостной стеной, часть .которой сохранилась до наших дней, эта твердыня во все времена древнего мира оставалась неприступной. Об архитектуре цитадели Тушпы других сведений у нас

каменная мозаика пола, изготовленная из концентрических кружков.

Окрестности города Тушпы богаты пещерными сооружениями, высеченными в толще скал Зым-зым Дагских гор. Сохранились остатки многочисленных древних мельниц, а также ирригационные каналы со своими инженерными сооружениями—акведуками и бас-

сейнами, хорошо функционирующие и в наше время.

К наиболее хорошо изученным урартским крепостям относится Эребуни. Здесь за последнее время производились тщательные раскопки, которыми почти полностью выявлена его цитадель, расположенная на вершине высокого холма. Она занимает треугольную площадь размером в 6 га. Территория ее была окружена мощной стеной, наполовину

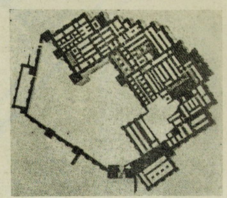


Эребуни. Дворец. Перистильный двор.

выложенной из камня. В юго-восточной части стены заложены в три ряда, между которыми устроены два входа в цитадель, расположенные на одной оси. Слева от входа в самой стене обнаружен камень с клинообразной надписью об основании города Эребуни урартским царем Аргишти I, сыном Менуа. Надпись гласит: «Бога Халди величием Аргишти, сын Менуа, эту мощную крепость построил, установил для нее имя Эребуни для могущества страны Биайнили, для устрашения вражеских стран. Аргишти говорит: земля была пустынной, могучие дела я здесь совершил, бога Халди величием».

В средней части цитадели, по контуру обширной площади, сохранились остатки огромных монументальных дворцовых и культовых построек. Дворцовый комплекс (по-урартски—«егал») включает в свой состав храм и занимает северо-западную часть цитадели. Средняя часть дворца представляет собой перистильный двор прямоугольного плана с колоннами, расположенными по его контуру. Имея довольно большие размеры (17,00×19,00 м), перистильный двор в свое время служил официально-парадной частью дворца. На продольной оси последнего функционировал дворцовый храм суси, остатки которого хорошо сохранились на месте. Согласно двум идентичным клинообразным надписям, высеченным на нем, храм был построен царем Аргишти I и посвящен богу Иубша (возможно, Иуарша). Остальные помещения, особенно залы, расположенные вокруг перистильного двора, предназначались для официальных приемов. Об этом говорят раскопанные среди руин остатки колонного зала—фрагменты некогда богатого внутреннего убранства в виде пышных росписей и раскрашенных в темно-синий цвет потолочных досок. Великолепными росписями были украшены также стены перистильного двора и остальные комнаты центральной части дворца. Перистильный двор имел легкую деревянную колоннаду по контуру своего внутреннего пространства. Колонны стояли на фоне красочных дворцовых стен, где контрастное сочетание светотени глубоких портиков и открытого двора значительно оживляло восприятие созданных здесь архитектурных форм.

Таким образом, изящные формы Эребуни совершенно меняют наши прежние представления об архитектуре его дворцовых сооружений и вообще о монументальных урартских постройках.

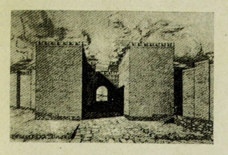


Тейшебаини. План цитадели.

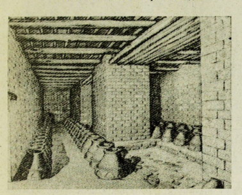
По времени близкий к Эребуни город Аргиштихинили, также основанный Аргишти I, имел как и Тушпа две цитадели—на холмах Армавир и Давтисар, со своими монументальными дворцами и храмовыми постройками, заключенными в мощные крепостные стены. Между этими цитаделями, кроме жилых построек, как предполагает археолог А. А. Мартиросян, был раскинут священный участок в виде рощи.

Примечательным сооружением является водохранилище для питьевой воды, сооруженное на склоне холма.

Другим широко известным урартским архитектурным комплексом является цитадель города Тейшебаини на вершине холма Кармир-блур, занимающая около 4 га площади.



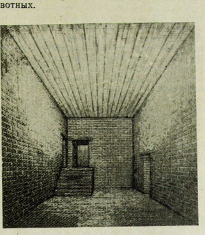
Тейшебаини. Южные ворота цитадели.



Тейшебаини. Карасное помещение.

Внешние архитектурные формы цитадели образовали обширную постройку с ее 140 парадными, культовыми, жилыми и производственными помещениями, расположенными на двух этажах. Основную часть помещений первого этажа составляют большие и малые склады, хранилища зерна, винные погреба и производственные мастерские. Погреба вмещали по 70—80 крупных карасов емкостью по 700—800 л каждый.

Примечательно, что святилище, состоящее из трех комнат, расположено в ряду складских помещений цитадели. В одной из этих комнат хранились кости жертвенных животных.



Тейшебаини. Комната в цитадели.

Жилые комнаты и залы цитадели располагались на втором этаже и были довольно просторными. Найденные здесь остатки стенной росписи в виде разрозненных фрагментов, хотя и не собираются в единую и цельную композицию, все же показывают, что помещения имели красочное внутреннее убранство.

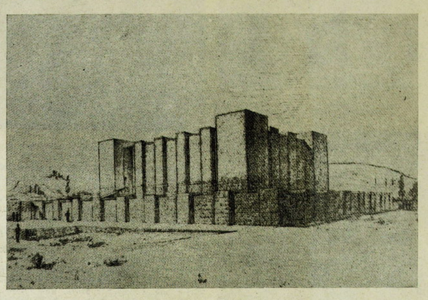
Кроме комнат и залов, цитадель имела по своему контуру галереи и открытые площадки, придававшие пространственной композиции общих архитектурных объемов богатый вид. Следует сказать, что построение общих объемов помещений обусловливалось их тесной связью с рельефом местности. Это одна из важных особенностей урартской архитектуры. Суть ее в том, что построенные на холмах здания, как правило, получают ступенчатые переходы своих внешних форм. В этом состоит различие между строительным искусством Урарту и Месопотамии, где монументальные сооружения возводились на ровной или предварительно выровненной местности.

Правильной, предварительно разработанной композицией примечательна и другая урартская цитадель, находящаяся в селе Арагац Эчмиадзинского района. По-видимо-

му, она была двухэтажной, подобно средней части кармирблурской цитадели, и также составляла единое целое. Будучи цепко привязана к местности, прямоугольная плановая композиция цитадели имеет очень четкое решение. Своими башнями в угловых частях и контрфорсами между ними она напоминает такие плановые композиции древности, как храмы Тепе-гавра или Эриду в Месопотамии. Цитадель села Арагац занимала по отношению к городским жилым постройкам господствующее положение, что характерно и для остальных урартских цитаделей.

же цитадели Кефкаласи в Адилджевазе, Каялидере, Атамхане и др.

На основе приведенных примеров можно заключить, что монументальность как своеобразная черта архитектуры Древнего Востока не была чужда урартской архитектуре, ее светским и культовым сооружениям. И хотя религия всегда играла важную роль в общественной жизни Урарту, тем не менее господствующая роль в архитектуре принадлежала светским постройкам, в данном случае цитаделям, а не храмам. Однако религия сыграла определенную роль в формировании



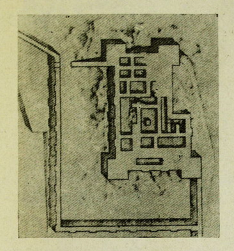
Арагац. Дворец. Реконструкция.

Такое расположение имеет важный административный центр—цитадель Алтын-тепе, находящаяся на Эрзинджанской равнине по дороге от Эрзрума в Сивас, т. е. на западной границе Урартского государства. Цитадель была обхвачена мощной крепостной стеной и заключала дворец (фресковый колонный зал), храм—квадратный в плане—в перистильном дворе, хозяйственные карасные помещения. Но особенно примечательными в Алтын-тепе являются уникальные гробницы, сооруженные на склонах холма, а также ряд культовых стел. Мощными и богатыми были также

архитектуры монументальных культовых сооружений Урарту. Многочисленные боги урартского пантеона располагались в нем в иерархическом порядке, а над ними возвышалась триада всемогущих богов—Халди, Тейшебы и Шивини.

Такая иерархия богов как нельзя больше отвечала социальному строю рабовладельческого общества. Одним из ярких выражений этого было то, что боги урартских племен, как и глава административной власти каждой области, имели свои столицы, центры своего культа. Последние являлись крупными

хозяйственными, политическими и военными единицами. Среди них город Мусасир—религиозный центр страны, столица верховного бога Халди—пользовался почти неограниченными привилегиями в стране и бесконтрольными правами в области внешних сношений. Известно, например, что во время похода Саргона II на Урарту ассирийцы захватили в одном только храме Мусасира, кроме других вещей, 25 212 щитов и 30 412 кинжалов. Разумеется, такое военное снаряжение могло

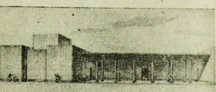


Арагац. План дворца.

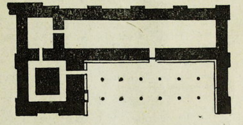
быть предназначено только для мощного военного объединения, способного самостоятельно вести крупные сражения. Все это очень напоминает внутреннюю жизнь многих месопотамских храмов, имевших хорошо вооруженные и подготовленные военные дружины. Известно, кроме того, что многие урартские храмы располагали также собственными мастерскими по изготовлению оружия, что являлось одной из привилегий храмов, посвященных великому богу урартского пантеона, покровителю воинов—Халди. Следовательно, можно допустить, что крупные урартские храмы, как и месопотамские, представляли собой большие комплексы, включавшие в свой состав культовые, светские, хозяйственные, производственные и другие постройки.

Что касается сущности урартской религии, которая была связана с мифами и проявлялась в своеобразных обрядах, то наши сведения об этом весьма скудны. Известно лишь, что среди урартских религиозных обрядов особое значение имели жертвоприношения, причем в жертву приносились обычно крупные и мелкие рогатые животные. Как предполагает Б. Б. Пиотровский, не исключались и человеческие жертвоприношения, при которых богам приносились в дар разные предметы—декоративные щиты, шлемы, колчаны, оружие и другие доспехи, которые затем находили место в храмах.

Урартская архитектура на протяжении длительного периода своего развития создала различные типы храмов, сведения о которых сохранились в клинописях. Ими являлись: E—дом (бога)—храм; Ê-bar—храм; iarani—часовня; ŝiŝtilu—«двери богов» и, наконец, susi—«суси». Однако до сих пор ясно лишь



Эребуни. Храм бога Халди.



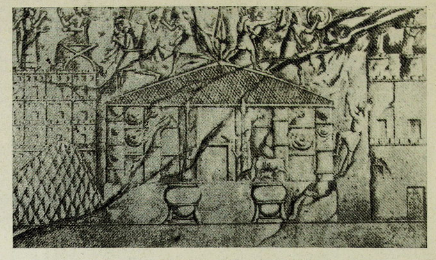
Эребуни. План храма.

архитектурное выражение термина susi. Следовательно, наши сведения о культовой урартской архитектуре могут основываться лишь на комплексном рассмотрении всего материала, относящегося к этому вопросу. Имеющиеся материалы позволяют нам выявить три основных типа храмов: прямоугольные в продольном развитии, прямоугольные в поперечном развитии и квадратные в плане.

Первый из них представлял в плане прямоугольник, вход в который был устроен со

стороны продольной оси памятника, т. е. со стороны короткого фасада. Образцами такого типа храмов являются храм суси в Эребуни и храм в Мусасире, известный по рельефу на одной из бронзовых пластин, украшавших дверь дворца Саргона II в Дур-Шаррукине.

Нижняя часть его (два ряда) была выложена из твердого чисто тесанного туфа. Выше он был отштукатурен и выкрашен в ярко-синий цвет, контрастное сочетание которого с красными стенами перистильного двора создавало гармоничное единство внутрен-



Мусасир. Храм.

него пространства дворца. В верхней части фасадов храма по штукатурке проходил расписной фриз, повторявший композицию фриза внутренних стен суси и перистильного двора.

Храмы второго типа, также прямоугольные в плане, имеют зал, раскинутый в поперечном направлении, куда открывается вход с поперечного фасада. К этому типу принадлежат храмы Аринберда и Менуахинили (Ташбуруна), имеющие большое принципиальное сходство с плановыми композициями большинства храмов в Месопотамии (храмы Упи и Абу в Ашнуаке, Иштар в Вавилоне и др.).

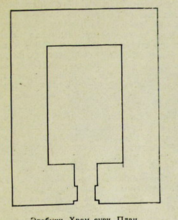
Третий тип урартских храмов, квадратных в плане и с контрфорсами, выступающими по углам, представляет собой башенное сооружение. Остатки таких храмов обнаружены в Алтын-тепе, Азнавур-тепе, Топрах-кале и др.

Памятник, относящийся к первому типу (храм суси в Эребуни), имел небольшие размеры: внутри—5,05×8,08 м, снаружи—10,0××13,45 м. Внутреннее пространство его составляло всего 40 кв. м. Легко понять, что это постройка, представляющая собой дворцовый храм, предназначенный лишь для обитателей дворца.

В оставленных Аргишти I двух идентичных надписях, симметрично расположенных у входа в храм, говорится, что суси был посвящен богу Иуарша (Иубша). Согласно существующему мнению, урартские культовые обряды совершались как перед идолами, так и перед надписями. Следовательно, надписи с древнейших времен относились к разряду священных ритуальных компонентов. Возможно, этим и объясняются их подчеркнутые расположения на храме.

Среди урартских храмов по своим архитектурным формам наиболее совершенным являлся, вероятно, известный храм в Мусасире (IX век до н. э.). Внешняя архитектура храма, как это изображено на рельефе одной из бронзовых дверей дворца Саргона II в Дур-Шаррукине, довольно совершенна. Его монументальность обуславливалась наличи-

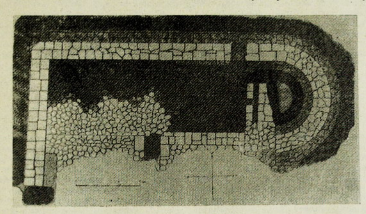
ем высокого подиума, перед которым храм должен был иметь лестницу со стороны главного фасада. Монументальность памятника подчеркивалась также шестью колоннами главного фасада, устремленными ввысь и придававшими общему объему здания дина-



Эребуни. Храм суси. План.

ном единстве со скульптурой. Монументальные скульптуры главного фасада изображают здесь привратников с копьями в руках, симметрично стоящих по обе стороны от входа в храм. Другая группа рельефов, изображающая корову с теленком, связана, как нам кажется, с урартской мифологией. Согласно древнеассирийскому тексту луврской таблички, эту группу дополняла также и скульптура быка, не показанная, однако, на данном рельефе. Возможно, в данном случае представляется аналогия с содержанием знаменитых рельефов из храма Тель-эль-обейде. Во всяком случае известно, например, что при месопотамских храмах существовали священные коровники, где жрецы изготовляли для царей молоко богини праматери Нин-Харсаг. Быть может, эта традиция как-то связана с некоторыми ранними представлениями, когда и жертвоприношение считалось кормлением божества.

Согласно ассирийским сообщениям, большое количество статуй стояло и внутри храма. Известны статуи и скульптурные группы довольно сложной композиции, изображавшие царей Аргишти, Менуа, Русу, стоявшего на боевой колеснице с двумя конями, бога Халди и др. Торжественность храма допол-



Ташбурун. Храм. План.

мичность и мощь. Этому значительно способствовало и фронтонное завершение фасада с копьем у вершины. Находившаяся в глубине стена с входными проемами определяла пространственные границы этой части храма.

Архитектура мусасирского храма характерна и тем, что представлена в определен-

нялась также висевшими на стенах бронзовыми щитами, покрытыми различными высокохудожественными рельефами и надписями. Показанные на изображении храма два больших котла, установленных перед подиумом, по-видимому, предназначались для вина, которое использовалось при культовых церемо-

ниях, что являлось древнейшей традицией. Наличие этих котлов говорит и о том, что обряды урартской религии совершались как внутри храма, так и снаружи, перед главным фасадом.

Второй тип урартских храмов являет собой пример композиционного решения залов, раскинутых в поперечном направлении. Образцами этого типа служат храмы на Арин-берде и в Цолакерте (Таш-бурун).

Изначальные формы аринбердского храма, выявленные в застройках последующих веков, представляют собой большой зал с примыкающими подсобными комнатами и колонным портиком с башенной пристройкой. Большой зал (7,0×45,0 м) с богато оформленной росписью—основное внутреннее пространство храма. К нему примыкает портик с некогда стоявшими здесь деревянными колоннами, по шесть в каждом из двух рядов, а также башенная пристройка, выложенная из сырцового кирпича. Колоннада акцентирует свою устремленность по вертикали, придавая этой части фасада определенную легкость и динамичность. Этой легкой колоннаде противопоставляются мощные формы смежной башни, которые говорят лаконичным языком своих объемов и плоскостей. Башенные пристройки, согласно древневосточной традиции, характерны были лишь для тех храмов, которые посвящались главному богу страны. Не случайно поэтому, что и эребунийский храм, посвященный главному богу урартского пантеона—богу Халди—имеет башенное сооружение.

Весьма примечателен другой памятник рассматриваемого типа—храм в Менуахинили. Сохранившиеся каменные базы расчленяют его на три части, которые образуют внутреннее трехнефное пространство, замкнутое с восточной стороны апсидным объемом. Апсида привлекает внимание полукруглым планом как ранний пример этой формы в культовой архитектуре Армении. Характерно, что она не имеет обычного для христианских построек конхового завершения, т. е. формы, которая в культовом зодчестве Армении появилась значительно позже. В данном памятнике апсида представляет обычный усеченный по горизонтали полуцилиндр. Конховая форма как конструктивный элемент не была известна строительной технике этого периода. В этом аспекте Цолакертский храм следует рассматривать как самую важную и характерную переходную ступень от форм урартских к армянским культовым сооружениям. Цолакертское здание, как и мусасирский храм, имело двускатное перекрытие, от которого на месте сохранились многочисленные обломки черепицы, извлеченные при раскопках.

Третий тип урартских храмов, квадратных в плане, представлен их наличными остатками, также выявленными раскопками. Причем почти повсеместно сохранились лишь первые два ряда стен, выложенных из чисто тесанных камней (Алтын-тепе, Анзавур-тепе). Угловые части храмов, выступая заподлицо средних частей фасадов, в целом напоминают башнеобразные сооружения, широко известные по рисункам на урартских чашах и бронзовой пластине из Топрах-кале, а также по костяной модели из Кармир-блура.

Из других культовых построек Урарту известен подземный храм в Топрах-кале, куда можно спуститься по 56 ступеням, высеченным в скальном массиве. Храм связан с традицией пещерных сооружений урартского зодчества, давшего много подобных памятников.

Итак, в своем генетическом развитии эти три типа вобрали в себя многие достижения древневосточных традиций, что привело к созданию характерных урартских форм.

В урартских монументальных сооружениях, светских и культовых, как было сказано, значительное место занимали архитектурная роспись и монументальная скульптура. Поэтому с уверенностью можно сказать, что синтез искусств, хотя и в своем изначальном виде, но уже был известен архитекторам Урарту. Фрагменты росписей, обнаруженные в большом количестве на Арин-берде, проливают новый свет на искусство Урарту. Они значительно меняют наши представления о внутреннем убранстве урартских монументальных построек, ибо выявляют высокий уровень развития этой области художественной культуры у урартов. В росписях использованы геометрические и растительные мотивы, а также фигуры людей и животных. Во фрагментах композиций можно видеть культовую и светскую тематику—шествия богов, сцены охоты, земледелия, животноводства, сцены из жизни зверей.

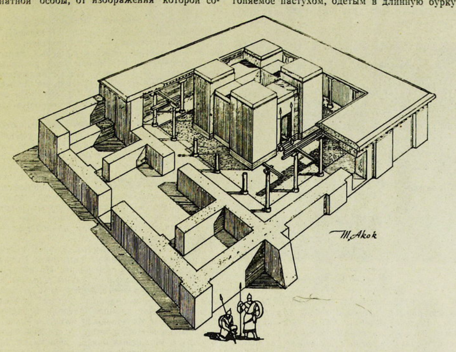
Композиция большей части росписей построена чередующимися рядами в виде горизонтально расположенных полос, а иногда они заключены в рамку, как это выявлено на Кармир-блуре. Среди росписей на светскую тематику наибольший интерес представляет сцена охоты, выявленная при раскопках дворца Аргишти I на Арин-берде. Эта сцена показывает обширную территорию, на которой видны фрагменты леса, отдельных деревьев и кустарников, зарослей камыша и равнины.

Среди животных мы видим диких быков, бычков, леопардов и т. д. Охоту вели как с колесницы, так и в пешем строю, причем колесница значительно превышает размеры пешего охотника и, видимо, предназначена для знатной особы, от изображения которой сохранились фрагменты богатого платья. Возможно, с колесницы охотился царь Аргишти. Изображенные в сцене охоты звери совершенно меняют наши представления о реалистичности урартского искусства. В стремительном их беге, в их позах (леопард, бычок) обнаруживаются динамичность и анатомическая точность в прорисовке фигур.

По-видимому, сцена охоты тематически была довольно обширной, поскольку другая ее часть изображала картину после охоты— бегущую на воле лошадь в грациозном изяществе и в гармоничном единстве нескольких цветов.

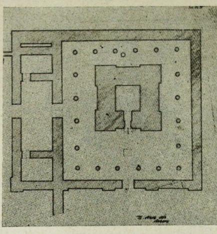
Светская тематика эребунийских росписей представлена также земледельческими и животноводческими композициями, выполненными в реалистическом плане. Особенно интересно стадо мелкого рогатого скота, погоняемое пастухом, одетым в длинную бурку и держащим над головой плеть. Перед пастухом изображена черная лохматая собака с раскрытой пастью; другая собака идет впереди стада с повернутой к нему головой, пастух несет в руке новорожденного ягненка, что служит как бы дополнительным штрихом, обогащающим композицию сцены.

Светская тематика представлена во многих фрагментах, которые не всегда восстанавливаются в единые композиции. В таком виде сохранились и фрагменты культовых композиций, среди которых выделяется деталь шествия богов, держащих в протянутых руках пальметты. Судя по обломкам, в их ряду



Алтын-тепе. Храм.

было шесть фигур. Среди обломков найдено изображение фигуры человека, ведущего быков. По-видимому, этой же композиции принадлежало строение в виде башнеобразного храма. В таком случае вся композиция представляла собой торжественное шествие богов в храм, куда вели двух быков для жертвоприношения.



Алтын-тепе. План храма.

Среди эребунийских росписей обнаружено изображение верховного бога Халди, стоящего на льве. Известно, что в глубокой древности боги имели образы животных, а после их антропоморфизации животные становились символом этих богов и оставались их спутниками. Так именно выглядит композиция бога Халди, стоящего на льве.

Культовая тематика отражена и в композициях фризов. Основой их всегда выступает священное дерево со служителями культа по обе стороны. Во фризе храма бога Халди изображены также жертвенные животные—ягнята, идущие двумя рядами по всей длине композиции. Под рядом розеток расположены пальметты и ступенчатые пирамидки, быть может, имевшие значение жертвенных алтарей, с которыми, несомненно, связываются изображенные ягнята.

Таким образом, урартские росписи как область самостоятельного художественного творчества занимают весьма важное место в культуре Урарту и Древнего Востока.

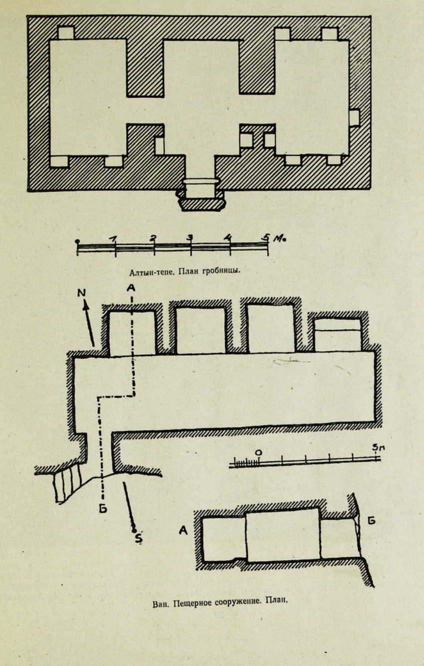
Характерными памятниками урартской строительной культуры являются также и пещерные сооружения, которыми особенно богата Ванская скала, где сохранились большие и малые Хорхорские пещеры Нафт-кую, Ич-килиса, так называемая «большая пещера» и др.

Плановые решения Хорхорских пещер, идентичные с планами известных ахеменидских гробниц Накши-Рустам, пожалуй, объясняют назначение ванских скальных сооружений, определяя их именно как гробницы. Кроме того, теперь уже, после выявления раскопками некоторых гробниц на Алтын-тепе, плановая композиция этих построек характеризуется с большей достоверностью на основе аналогий с ними.

Другие пещерные сооружения являются культовыми памятниками. Об этом говорят тщательно обработанные интерьеры и экстерьеры, подчеркнутые входы с лестницами, длинные приступки, а также выровненные площадки перед входами, служившие, по-видимому, местом для жертвоприношений. Косвенным доказательством этому может служить одно из соседних пещерных сооружений, обозначенное в клинописи царя Менуа термином, указывающим на содержание в них жертвенных животных.

Примечателен найденный в окрестностях города Баязет пещерный памятник, состоящий из нескольких помещений. По обе стороны от входа в пещеру сделаны рельефы человеческих фигур почти в натуральную величину. Они, как и подобные фигуры стенных росписей, имеют длинные одеяния и притом изображены в молитвенных позах, в связи с чем символично присутствие в верхней части рельефа изображения козла, представляющего в Урарту жертвенное животное. Содержание рельефа указывает на принадлежность данного скального сооружения к культовым памятникам.

Среди урартских памятников значительное место занимают также ирригационные каналы, которые в большом количестве строились в разных частях страны. Особенно много их появилось в царствование Менуа, сына Ишпуина, известного в истории Урарту больше своими строительными делами, чем боевыми вылазками. Об одном из них, канале города Улху, Саргон II упоминает в своих клинообразных надписях, давая о нем самые восторженные отзывы. Некоторые из древних урартских каналов функционируют и поныне. Крупнейший из них находится в районе города Ван. Известный под современным наименованием «Шамирам», он был со-



Алтын-тепе. План гробницы.

Ван. Пещерное сооружение. План.

оружен царем Менуа и в клинописи назван его именем. Это довольно большое и развитое гидротехническое сооружение древности, имеющее 70 км пути, проходит через скалистые горы, а затем по гигантским акведукам, высота которых местами достигает 20 м.

Из других действующих урартских каналов два находятся в черте города Еревана и берут свое начало от реки Раздан (в урартскую эпоху—Илдаруни). Один из них в настоящее время питает оросительной водой Дальминские сады города. Другой канал проходит мимо Кармир-блура и орошает земли Эчмиадзинского района (в урартскую эпоху—Куарлинские земли). Построен он при Русе II в таких же сложных условиях горного рельефа, как и каналы Ванского района. Один из его участков протяженностью в 220 м пробит в толще базальто-андезитовой скалы и образует тоннель.

Согласно клинообразным надписям, каналы имели многочисленные разветвления и представляли собой развитую ирригационную систему с крупными искусственными водохранилищами. Ирригационное дело, связанное с проводкой каналов по сложным горным рельефам, требовало у древних строителей инженерных знаний и большого практического опыта.

Среди многочисленных наскальных мемориальных сооружений достойны упоминания «Дверь Мгера» (около Вана) и «Дверь Аршрута» (в селе Салхане, между озерами Ван и Урмия). Оба сооружения имели культовое назначение. «Дверь Мгера» вошла в историю Армении, сопровождаясь многими красивыми легендами.

Архитектурные формы и строительная техника наскальных памятников и пещерных сооружений Урарту создали богатую традицию, на основе которой в дальнейшем появились замечательные пещерные сооружения средневековой Армении. К их числу относятся большой комплекс подземных сооружений Ани, Гегардский монастырский ансамбль, Зангезурские скальные постройки и многие другие.

Основными строительными материалами урартских построек служили глина, камень (базальт, туф) и дерево. Из глины изготовлялся сырцовый кирпич, из которого возводились почти все монументальные постройки, как светские, так и культовые. В Тейшебаини хорошо сохранились все основные системы кладок из квадратных и прямоугольных кирпичей.

Камень и дерево в Урарту имелись в таком большом количестве, что даже вывозились в Ассирию. Об этом говорит клинопись Саргона II, в которой сообщается, что во время одного из своих походов на Урарту из завоеванного города Улху он послал в свою страну даже бревна от перекрытия поверженного дворца.

Можно безошибочно сказать, что уровень строительной техники урартов вполне соответствовал достижениям строительной культуры Древнего Востока. Созданная в ходе эмпирических исканий различных конструктивных приемов и решений, строительная культура урартов в конечном счете породила довольно устойчивую традицию, которая способствовала дальнейшей эволюции строительного дела в период становления армянской архитектуры.

Установлено, что в зодчестве Урарту применялись различные единицы линейных мер—локти (размеры 47,4; 51,8; 52,5 см). Локти имели более мелкие деления (52,5 : 3 = 17,5 см) и лежали в основе всех измерений в сооружениях. Выявление величины линейной меры значительно облегчило изучение архитектурных пропорций урартского зодчества, которые были основаны на числовых соотношениях 5×8. Каждая часть, или единица, служила «модулем», который, исходя из желаемых общих размеров сооружения, был кратен величине локтя. Другими словами, урартский пропорциональный прямоугольник, определяемый соотношением 5×8, совмещался с модульной системой, основой которой являлась реальная линейная мера—локоть.

Итак, богатое архитектурное наследие Урарту стало достоянием вступившего на историческую арену армянского народа. Это нашло свое яркое отражение в строительстве древнеармянских городов (Армавир, Двин, Ани и др.), в системе оборонных крепостных стен и цитаделей на возвышенностях, доминирующих, как и в Урарту, над городскими постройками. Архитектура и конструктивная система жилых домов Урарту в интерпретации последующих веков довольно явственно сохранились во многих формах жилья народного зодчества Армении, дошедших до наших дней. Пройдя длительный путь развития, эта архитектура дала целый ряд оригинальных по форме произведений, градостроительных правил и традиций, великолепные росписи. Все это нашло свое место в строительной культуре Древнего Востока. В целом же наследие Урарту положило начало историческому развитию последующих строительных культур Ахеменидского Ирана и Армении.

Эребуни. Роспись.

ГЛАВА II

АРХИТЕКТУРА VI В. ДО Н. Э. — III В. Н. Э.

После падения Урартского государства на Армянском нагорье завершается процесс формирования армянского народа, сопровождавшийся разложением первобытнообщинного строя и утверждением рабовладельческих отношений. Уже в VI в. до нашей эры создается армянская государственность. Вскоре, однако, Армения теряет свою независимость и подпадает сперва под суверенитет Мидии, а затем Ахеменидского Ирана. В конце IV в. с падением Ахеменидской империи появляются новые армянские государственные образования, а во II в. создается единое армянское государство, которое уже в I в. до н. э. становится одной из могущественных держав Передней Азии.

Расширение и упрочение этого государства способствовало развитию рабовладельческих отношений. В этих условиях значительного уровня достигли производительные силы страны, возникли крупные города, вовлеченные в международную транзитную торговлю. С культурно-экономическим ростом страны, происходившим на основе рабовладельческих отношений и развивавшейся городской жизни, получило развитие также архитектурно-строительное искусство.

Строительство велось, с одной стороны, в сохранившихся со времен Хайасы и Ванского царства древних городах (Куммаха-Ани-Камах, Тушпа-Ван, Аргиштихинили-Армавир, Эребуни-Ереван), с другой стороны, создавались новые города, столицы и престольные царские резиденции, сыгравшие большую роль в материальной и духовной жизни народа. К числу этих городов относились Аршамашат (III в. до н. э.), Аркатиокерт, или Каркатиокерт (не позднее II в. до н. э.), Ервандашат (III в. до н. э.), Арташат (II в. до н. э.), Заришат (II в. до н. э.), Зарехаван (вероятно, II в. до н. э.), Нахчеван (не позднее II в. до н. э.), Тигранакерт (I в. до н. э.), Мцурн (I в.), Вагаршапат (II в.) и др. Отдельные города, возникшие на международных транзитных путях, превращались в крупные торгово-ремесленные центры.

Начиная с эпохи Ервандидов Армения вступает в сферу экономических отношений эллинистического мира и уже во II—I вв. до н. э. входит в число великих держав своего времени, становится своеобразным очагом эллинистической культуры, представлявшей синтез элементов эллинской и местных восточных культур.

Культурно-хозяйственные связи с эллинистическим миром особенно расширяются при Тигране II (I в. до н. э.). Проходившие через Армению торговые артерии связывали между собою важные города страны, а эти последние—с прославленными в то время городами Месопотамии и Ассирии. В этих условиях армянская знать все больше соприкасалась с эллинистической культурой. При дворе Тиграна II нашли приют и убежище знаменитый писатель и оратор Амфикретес Атенский и греческий философ и государственный деятель Метродор Скепсийский. Артавазд II (55—34) писал на греческом языке трагедии, рассказы и исторические труды. Большой известностью, даже за пределами страны, пользовался выдающийся армянский ученый (грамматик, оратор) Тиран, в Тигранакерте и Арташате действовали театры эллинистического типа. Однако, несмотря на соприкосновение армянской культуры с культурой греческого мира и соседних эллинистических стран, ее развитие пошло по самостоятельному пути. Эллинистическая культура в Армении оставалась преимущественно культурой рабовладельческой верхушки и городского населения. Народ продолжал развивать свои местные традиции, в том числе и в области архитектуры. К сожалению, от построек этой эпохи до нас дошло очень мало памятников, так как происходившие в стране беспрерывные войны и время разрушили и унич-

тожили почти все сооружения. Наши познания об архитектуре этой эпохи ограничены преимущественно рамками летописных данных. Сохранились лишь остатки отдельных памятников.

Строительная техника эпохи рабовладельческого общества в Армении шла по пути продолжения и развития богатых традиций, созданных на Армянском нагорье еще в доармянский период. Строительным материалом для стен служили хорошо обтесанные (иногда отшлифованные) базальт и туф. Использовали также валуны, рваный базальт, обожженный и сырой кирпич. В оборонительных и монументальных сооружениях стены возводились на сухой кладке без раствора, иногда камни соединялись между собою металлическими скрепами. В кладке стен отдельных зданий (жилых и коммунальных) применялся также известковый раствор. Существовали покрытия двух видов—плоские деревянные и сводчатые каменные.

О древнейшем периоде народных жилищ интересные данные сообщает греческий историк Ксенофонт (V в. до н. э.). В 401—400 гг. в западной части Армении он встретил «замки-крепости», окруженные поселениями, в которых большинство домов имели башни. В восточной же части страны он видел устроенные в земле жилища с ердиками, где содержались также домашние животные.

Архитектурно-строительное искусство развивалось в основном в созданных в стране больших и малых городах, из которых перечислим наиболее значительные.

Город Армавир. Развалины его находятся на высоком холме, за нынешним селом Армавир. Сооружение этого города армянская историография относит к незапамятным временам. Согласно легенде, приводимой историком Мовсесом Хоренаци, его основал внук легендарного прародителя армян Хайка—Араманс и назвал своим именем—Армавир.

В урартскую эпоху на этом месте был заложен город-крепость Аргиштихинили (VIII в. до н. э.), являвшийся одним из центров северных областей Урарту.

Аргиштихинили был раскинут на территории холмов, называемых ныне Армавир-блур и Давти-блур. После падения Урарту строительная жизнь на Давти-блуре замерла, тогда как на Армавир-блуре была основана столица Араратского царства Армавир. Следовательно, в восточной части города Аргиштихинили строительная жизнь продолжалась и в послеурартский период.

Армавир, будучи с середины IV в. до н. э. столицей Ервандидов, являлся и главным религиозным центром государства.

Согласно летописным свидетельствам Армавир имел сильно укрепленную цитадель, а также построенные из тесаных базальтовых камней городские стены с прямоугольными башнями, немало светских и культовых сооружений, представлявших большую архитектурную ценность. Дворцовые здания города сохранились, по-видимому, до IV в. н. э. В 1911 и 1927 гг. в Армавире найдено семь надписей на греческом языке (II—I вв. до н. э.), относящихся к некоторым сторонам социально-идеологической жизни страны.

Археологическая экспедиция Академии наук Армянской ССР (с 1962 по 1969 г. под руководством Б. Аракеляна, а с 1970 г.—под руководством Г. Тирацяна) систематически ведет там раскопки[1].

Раскопки эти пока сосредоточены на территории цитадели. На западной, северной и восточной окраинах холма открыты крупные части крепостной стены урартского периода, сооруженной с ритмичной последовательностью прямоугольных (1,10—1,20 × 4,5—4,6 м) контрфорсов, строительство которых приписывается Аргишти I (781—760).

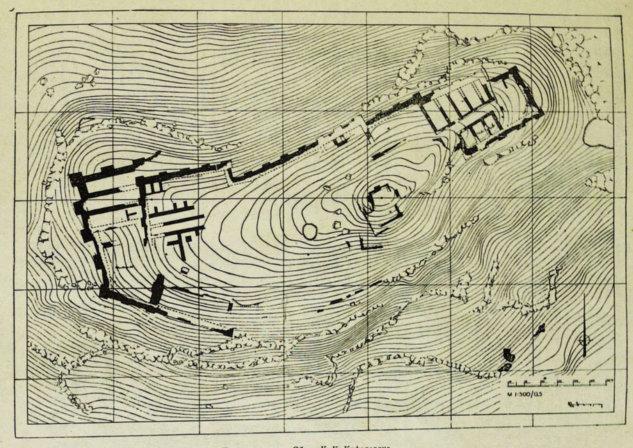
В 30 м к западу от западной стены открыта также вторая стена, которая благодаря крупным размерам своих контрфорсов (2,65—2,70 × 7,35—7,90 м) и большому отдалению их друг от друга (7,35—9,30 м) отличается от стены внутренней стороны. Предполагается, что внешняя стена создана позднее, при Сардуре II (760—730), преемнике Аргишти I. Строительный материал—базальт и булыжник, как связующее средство использован глинозем.

Таким образом, почти полностью выяснена картина оборонительной системы цитадели.

Крепостные стены урартского периода после некоторых дополнений используются и в послеурартский период. Дополнения произведены камнями меньшего размера и соединены между собою деревянными, металлическими и, возможно, каменными скрепами в виде хвоста ласточки. Предполагается, что комнаты вблизи восточной стены служили гарнизону. На восточном конце цитадели обнаружены остатки фундаментов двух зданий длиной 24 и 41 м и значительной глуби-

---

[1] *Б. Н. Аракелян.* О некоторых результатах археологического изучения древнего Армавира, «Историко-филологический журнал», 1969, № 4, стр. 157—174; *Г. А. Тирацян.* Раскопки Армавира, «Вестник общественных наук», 1972, № 2, стр. 36—42.



Армавир. План вышгорода. Обмер К. К. Кафадаряна.

ны, имеющих жилое и хозяйственное значение. В одном из зданий сохранилось 13 урартских карасов. Оба здания были использованы и в послеурартский период. Винный погреб урартского времени впоследствии был приспособлен под кузницу.

Остатки крупного здания, неоднократно подвергавшегося реставрации, обнаружены на вершине цитадели. Значение его пока не выяснено.

На той же территории сохранились обработанные с высоким мастерством отдельные гладкотесанные камни, которые несомненно, принадлежат какой-то уникальной постройке. По свидетельству путешественников, в конце XIX в. там еще существовали остатки здания, построенного из подобных камней.

В цитадели и в ее окрестностях находятся многочисленные базы колонн урартской и эллинистической эпох, которые свидетельствуют о наличии здесь некогда зданий, украшенных колоннами.

Выявленные материалы создают определенную связь между урартскими и армянскими градостроительными принципами, отдельными архитектурными формами и строительной техникой.

Раскопки продолжаются.

Город Ервандашат. Построен при Ерванде (III в. до н. э.)—последнем царе Айраратских Ервандидов как новая столица; стал преемником Армавира. Развалины города находятся на берегу Аракса, на месте слияния с рекой Ахурян.

Как сообщает Мовсес Хоренаци, Ерванд, построив город на скалистом холме, «...обводит холм стенами и во многих местах прорезывает скалы ниже фундамента стен, до самого основания холма, в уровень с рекою—дабы воды реки могли стекаться в вырытые углубления для продовольствия жителей. Укрепляет вышгород высокими стенами, посреди которых вставляет медные двери и чугунную лестницу с низу до самых дверей. Между ступенями последней устраивает потаенные западни, в которые мог бы быть пойман тайком пробирающийся по ним для покушения на жизнь царя. Говорят, что эта лестница была двойная: одна для дворцовых служителей и дневных сообщений, другая—ночная, против убийц».

Следовательно, в пределах городских стен, на возвышении, находились цитадель и царский дворец. На этом месте и сегодня видны остатки сооруженных из базальта многочисленных древних построек (городские стены и отдельные здания).

Остроумен замысел системы водоснабжения Ервандашата, хорошо приспособленной к условиям обороны.

Город Арташат. Перед величественным Масисом на месте слияния Мецамора с Араксом в 180—170-х гг. до н. э. была основана новая столица, названная по имени царя Арташеса I (в греко-римских источниках—Артаксата, что означает радость Артаксия-Арташеса).

Арташат был построен по предварительно разработанному плану. Согласно легенде, место для его сооружения было избрано по совету знаменитого карфагенского полководца Ганнибала. Возвышаясь на высоком холме, цитадель города имела мощные крепостные стены, окруженные с трех сторон бурными водами Аракса. По Страбону (греческий географ, 63 г. до н. э.—19 г. н. э.), Арташат был построен «...в дельте, похожей на полуостров, вокруг которого, кроме части перешейка, тянется у самой реки крепостная стена, а перешеек защищается рвом и плотиной».

Аналогичные сведения сообщает и Мовсес Хоренаци.

В течение многих веков все попытки внешних врагов прорвать оборонительную систему Арташата оказывались безуспешными. Однако после ослабления армянской государственности римским войскам удалось захватить Арташат. После своего ухода римляне подожгли город и подвергли его большим разрушениям, поскольку, как сообщает современник этих событий историк Тацит, «нельзя было удержать этот большой город без сильного гарнизона».

Арташат был крупным культурно-экономическим центром страны. Греческие авторы называют его «красиво отстроенной... царской столицей» (Страбон), «большим и исключительно красивым городом», «Карфагеном Армении» (Плутарх). Согласно летописцам в Арташате имелись великолепный царский дворец, крупный комплекс культовых построек, театр эллинистического типа, общественные, торговые и ремесленные здания.

Свыше пятисот лет Арташат был одним из крупнейших узловых пунктов международной торговли. Караванный путь, пересекающий город, проходил от Малой Азии и берегов Средиземного моря до Ирана и более отдаленных стран. От него открывался путь и к черноморским портам. Строительная жизнь Арташата продолжалась в течение семи веков.

Раскопки, начатые в 1970 г. (руководитель Б. Аракелян), полностью подтверждают свидетельства историков[2].

[2] О результатах раскопок см. *Б. Н. Аракелян.* Древний Арташат, Ереван, 1975 (на арм. яз.).

Арташат был расположен на левом берегу реки Аракс на холме, называемом Хор-Вирап, а также на прилегающих к нему восьми холмах и раскинутых перед ними полях. Городские кварталы раскинулись к югу и юго-востоку до берега реки Аракс и до нынешнего села Лусарат, к востоку до полей села Нор-Кянк, к северу и северо-востоку до полей села Кючик-Веди включительно.

Город имел своеобразную оборонительную систему. Все холмы были окружены отдельными крепостными стенами, а построенные в низменных местах холмов специальные коридоры-проходы соединяли их между собой. Стены имели контрфорсы и полукруглые или составлявшие 2/3 круга башни, а с внешней стороны ямы и плотины, наполненные водой. Несмотря на пересеченную местность, была создана цельная неприступная фортификационная система. Строительным материалом служил местный красноватый камень, иногда применялся грубо отесанный серый мрамор.

Около стен выявлены остатки многочисленных зданий—жилищ для воинов, производственных (кузница—оружейная мастерская), хозяйственных, жилых, коммунальных помещений. Согласно предположению Б. Аракеляна, застройка произведена по единому плану.

На территории самого большого и высокого холма открыты остатки многих каменных зданий античного периода.

На холмах и в их окрестностях найдены базы и фусты колонн, носящие на себе следы металлических скреп различных размеров. Обнаружены также куски стенной штукатурки со следами фрески.

Кроме того, открыты остатки бани, отопление которой осуществлялось посредством гипокауста, а также отдельные части линии водоснабжения города.

В 1967 г. поблизости от села Кючук-Веди была найдена обширная надпись на латинском языке, носящая имя императора Траяна (98—117). Согласно надписи там была возведена какая-то крупная, значительная постройка.

Обнаружена также женская статуя из белого мрамора, представляющая исключительную художественную ценность. Она имеет 57 м высоты, отбиты голова и правая рука. По стилистическим особенностям Б. Аракелян ставит статую Арташата в ряд выдающихся призведений эллинистического скульптурного искусства конца второго—начала первого века до н. э. Выявлен богатый археологический материал. Раскопки продолжаются.

Город Тигранакерт. Находился в области Ахдзник (Великая Армения) на месте современного города Фаркин. Был основан в 77 г. до н. э. царем Тиграном II (95—55) и назван его именем. Тигранакерт располагался у подножья Армянского Тавра в хорошо защищенной и труднодоступной горной местности, окруженной крепостными стенами. Высота этих стен доходила до 50 локтей (приблизительно 25—26 м), а ширина была настолько велика, что в них размещались казармы для караульных войск и различные подсобные помещения. В центре города возвышалась окруженная несокрушимыми стенами цитадель со своими дворцовыми постройками. Вокруг цитадели стояли замки, принадлежавшие рабовладельческой знати, культовые, общественные, жилые и другие постройки. Известно, что открытие театрального здания (I в. до н. э.) было обставлено с большой торжественностью и по этому случаю в Тигранакерт прибыли многочисленные греческие актеры. По-видимому, здание имело вид постройки типа эллинистических амфитеатров.

Царский дворец находился за городом и был окружен садами, обширными парками и загонами для охоты.

Значение Тигранакерта выходило за пределы обычного понятия столицы. «Тигран II, видимо, понял,—пишет академик А. Манандян, — что хозяйственному и культурному прогрессу патриархального армянского быта в большой мере смог способствовать эллинистического типа город, бывший центром развития ремесел, промышленного производства и торговли».

Население города доходило до нескольких сот тысяч человек. Тигран II насильственно переселил в Армению около 300 тысяч человек из 12 эллинистических городов: Каппадокии, Киликии, вероятно, также из Ассирии, Кордуены, Адиабены. Большую часть их он поселил в Тигранакерте.

Благодаря своему естественному положению и оборонительной системе, Тигранакерт имел военное значение и был одним из неприступных городов своего времени. Однако трудно пока сказать что-либо достоверное о том, какие градостроительные принципы легли в основу его общей планировки. Некоторые исследователи сравнивают Тигранакерт с Ниневией и Вавилоном, другие—с развитыми городами эллинистического типа. К сожалению, ни об одном здании ничего конкретного нам не известно. Существует несколько рисунков, изображающих отдельные фрагменты Тигранакерта-Фаркина (общий вид развалин, отдельные узлы восточной и северной крепостных стен и др.), однако вряд ли они точно передают изначальный вид его постро-

ек. Несомненно лишь одно: вновь созданной столице предназначено было стать соперницей самых крупных эллинистических городов Передней Азии—Селевкии и Антиохии. Своими монументальными сооружениями она призвана была способствовать развитию архитектурной мысли и строительного искусства.

Город Вагаршапат (нынешний Эчмиадзин). Основан при царе Вагаршаке I (117—140) на месте бывшего Вардгесавана. В 164 г. был объявлен столичным городом и оставался таковым до начала IV в.

В центре города находилась цитадель со своими дворцовыми постройками. Территория города была защищена, как сообщает Мовсес Хоренаци, общей «крепостной стеной и мощной плотиной». В Вагаршапате найдены одна греческая и две латинские надписи, из которых мы узнаем, что во второй половине II в. для расположенных здесь римских войск были построены укрепления (по всей вероятности, крепостные стены, окаймленные глубоким рвом). Хотя жизнь в Вагаршапате не прерывалась, трудно определить точные границы этого древнего города. Кроме монументальных дворцовых зданий, несомненно, здесь были культовые, общественные, производственные и другие постройки. Отдельные их детали обнаружены во время раскопок в кафедральном соборе (IV в.). Около его фундаментов выявлена большая базальтовая плита со следами металлических скрепов. Под купольными пилонами храма Рипсиме (VII в.) найдены четыре орнаментированных обломка, вероятно, от карниза туфового монументального здания. Базальтовая плита напоминает камни крепости Гарни, а обработка орнаментированного карниза—детали языческого храма той же крепости. Эти обломки, безусловно, современны языческим постройкам Гарни и подтверждают, что Вагаршапат также являлся очагом архитектурного искусства эллинистической эпохи.

Вышеприведенные данные не дают основания для более или менее конкретных суждений относительно плановой структуры перечисленных городов и принципов градостроительства, лежащих в их основе. Тем не менее, они позволяют говорить об их плановых решениях хотя бы в самой общей форме.

Композиционным центром названных городов служила цитадель, построенная в наиболее надежной, с точки зрения обороны, местности и господствовавшая не только над остальной частью города, но и над всей окружавшей его территорией.

Природные возможности цитадели, дополняясь искусственными сооружениями (внутренняя крепостная стена, башни), соединяются с территорией города, и все это складывается в общую оборонительную систему (крепостная стена, прямоугольные башни, обильная вода, текущая параллельно стенам по естественному или искусственному руслу, искусственные рвы, ямы и т. д.)[3].

Нетрудно заметить, что принципы, по которым определялась местность для поселения, были известны жителям Армянского нагорья еще со времен Хайасы и Урарту. С этой точки зрения примечателен тот факт, что на месте древних поселений впоследствии возникли новые города Армении (Ани-Камах, Ван, Армавир, Эребуни-Ереван и т. д.).

Именно потому эти градостроительные принципы наряду с ростом производительных сил страны (как и культурно-экономических связей с соседними странами в процессе оформления эллинистической культуры) в армянскую эпоху, обогащаясь и развиваясь, приобрели определенное значение при строительстве новых городов.

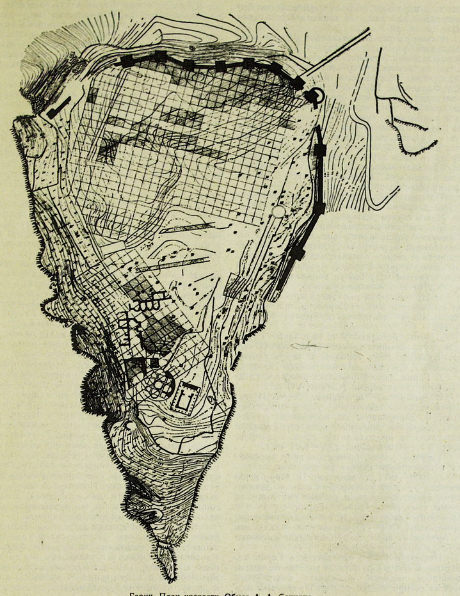
К этому времени страна была покрыта обширной сетью неприступных крепостей (Артагерс, Багаберд, Багагеш, Гарни, Даройнк, Эрахани, Адамакерт, Унаракерт, Синора, Шатберд, Вохакан, Ацаван), причем с точки зрения понимания фортификационной системы и степени развития военно-строительного искусства Армении особое значение имеет крепость Гарни.

Крепость Гарни являлась одной из летних резиденций армянских царей. Это наиболее важный населенный пункт дохристианской Армении, в котором воплотилась культура армянского народа, создававшаяся на протяжении целых тысячелетий. Научное значение и художественные достоинства уникальных памятников Гарни давно вышли из национальных рамок.

Эта мощная система военно-оборонительных сооружений находится на южной окраине нынешнего села Гарни Абовянского района. Возникновение ее историография связывает с самым отдаленным, легендарным прошлым армянского народа. Согласно Мовсесу Хоренаци, крепость Гарни построил Гегам, праправнук патриарха Гайка, а его внук Гарник назвал ее своим именем.

Изучение литературных, летописных и археологических материалов показывает, что Гарни как неприступная крепость существо-

[3] См.: *К. Л. Оганесян*. Тейшебаини, Ереван, 1955, стр. 9; *В. Арутюнян*. К вопросу о градостроительной культуре древней Армении, «Известия» АН Арм. ССР, 1955, № 9, стр. 43—46 и 1956, № 10, стр. 75—98; *А. Саинян*. Архитектура Касахской базилики, Ереван, 1955, стр. 190—238.



Гарни. План крепости. Обмер А. А. Саиняна

вал еще в раннем периоде царствования Арташесидов или даже во времена Ервандидов (III—II вв. до н. э.).

Самое раннее свидетельство о Гарни принадлежит римскому историку I в. Тациту. После падения Арташесидов, сообщает Тацит, когда на армянском престоле восседал Митридат, брат иберийского царя Фарасмана, сын Фарасмана Радомист, желая отнять у своего дяди армянский престол, напал в 51 г. на Армению. Митридат, устрашенный внезапным нападением, бежал и укрылся в крепости Гарни. Заговорщикам сначала не удалось взять крепость, ибо им неизвестны были осадные машины и искусство осады крепости. Крепость пала лишь в результате вероломства. Следовательно, еще в середине первого века нашей эры Гарни представлял собой неприступную крепость.

По-видимому, в ходе описанных выше военных действий крепость серьезно пострадала. Лишь спустя четверть века, когда была создана местная центральная власть (царство армянских Аршакидов), она подверглась основательной перестройке. Сохранившаяся на крепостной стене греческая надпись сообщает, что великий царь Великой Армении Трдат на одиннадцатом году своего воцарения на престоле (76) восстановил крепость.

О строительных работах в крепости Гарни сообщает и Мовсес Хоренаци, приписывая строительную деятельность Трдата I Трдату III.

Другие историки V в. называют Гарни сильно укрепленной царской крепостью (Павстос Бузанд) либо городом с неприступной крепостью, где располагалось войско (Егише). В Гарни дислоцировались войска и позднее, во времена персов (Себеос, VII в.).

В летописных источниках X — XIII вв. Гарни часто называют поселением городского типа. В дальнейшем он постепенно теряет свое оборонное значение, хотя строительная деятельность продолжается здесь вплоть до позднего средневековья (XV—XVI вв.).

Таким образом, крепость Гарни простояла неприступной свыше тысячелетия.

В 1909—1911 гг. академик Н. Марр и известный русский ученый Я. Смирнов детальными археологическими раскопками выявили руины языческого храма Гарни, а с 1949 г. Археологическая экспедиция Академии наук Армянской ССР (руководитель — академик Б. Аракелян) ведет систематические раскопки остальной части крепости.

Несмотря на то, что крепость Гарни находится в полуразрушенном состоянии, сохранившиеся остатки позволяют почти полностью воспроизвести ее первоначальный вид.

Крепость построена на высоком мысу; с южной, юго-западной и частично восточной стороны она ограничена неприступными скалами, а в остальной части с помощью четырнадцати башен и мощных крепостных стен создана надежная фортификационная система. Башни имеют в плане форму прямоугольника размером 6,00×6,20—6,70 м.

Аналогичные башни существовали и в других странах, создавших эллинистическую архитектуру—в Малой Азии (Милет, Пергам), в Сирии (Баалбек, Джераша) и др.

Прямоугольные башни на Армянском нагорье существовали еще в Урартскую эпоху.

Ширина крепостной стены, тянущейся от одной башни к другой, составляет 2,07—2,08 м, длина стен по всему периметру (вместе с башнями)—314,28 м. Высота сохранившихся стен в отдельных местах достигает 6—7 м (12—14 рядов).

Крепость имела главный и, по всей вероятности, вспомогательные входы. Главный вход находился в северной части между башнями, отстоявшими друг от друга на 5,30 м, а второй вход—на западном продолжении крепостных стен.

Примечательна фортификационная оборонная система крепости. Так, на тех участках, где неприятель мог подойти к крепостным стенам с трудом и его нападение можно было отразить с небольшими силами, башен было меньше и отстояли они друг от друга на 25—32 м, а в уязвимых местах их было больше и стояли они на расстоянии 10—13,5 м. На одном из таких уязвимых участков, к западу от входа, 4-я и 5-я башни были отодвинуты назад, создавая искусственную дугу; втянутые в нее силы неприятеля, как это метко подметил Б. Аракелян, оказывались легко уязвимыми. Стены крепости выложены из громадных блоков местного голубоватого базальта без применения раствора. Камни хорошо отесаны и имеют тщательно обработанные лентообразные края, срезанные под углом 45 градусов. В горизонтальном направлении они соединены между собою железными скобами, концы которых закреплены в гнездах и залиты свинцом. Между верхними и нижними рядами металлических скреп нет. Поэтому в некоторых местах в результате землетрясения камни сошли в горизонтальном направлении и консолеобразно повисли друг над другом.

Башни имеют кладку двух видов. На наиболее ответственном участке около главного входа кладка выложена из крупных блоков. На контурах башен и в узлах, где они соединены со стеной, камни закреплены железными скобами, а изнутри просто пригнаны друг к другу; щели между неровными отвесными

поверхностями залиты известковым раствором, выполняющим роль не соединяющего, а дополнительного материала.

Вокруг других башен по внешнему периметру возведены стены толщиной 1,15—1,50 м, причем камни снаружи соединены железными скобами, а изнутри пригнаны друг к другу. Эта каменная рама заполнена бутобетоном (смесь извести, песка, рваного базальта и валуна), заложенным слоями после каждого ряда. Крепостная стена и башни в значительно большей степени разрушены на западном и северо-западном участках. В последующие века места соединения камней кладки были разбиты, свинец извлечен и обращен на изготовление пуль для огнестрельного оружия. Такое явление имело место и в Сирии (Пальмира), Иране (Персеполь) и других местах.

В качестве единицы длины использовали широко распространенный в урартской архитектуре «нипурский локоть» древнего Двуречья (51,8 см).

В общей структуре крепости явно сказывается несколько строительных периодов. Первоначально (III—II вв. до н. э.) и в период первой перестройки (76) стены возводились из камней почти одинаковых размеров. Разница заключается лишь в том, что первоначально уложенные камни с лицевой стороны обработаны лучше, чем в последующий период.

В круглой башне, более поздней пристройки, находящейся у входа, стены выложены без применения металлических креплений; для соединения камней использован известковый раствор, хотя основной несущей частью стены по-прежнему служит камень. Последующие перестройки крепостных стен осуществлялись на основе техники, получившей в Армении широкое применение начиная с IV в., когда камень, по существу, выполняет облицовочную роль, а основной несущей массой стены является ее ядро.

Таким образом, строительная жизнь, которая только в ходе постройки крепости Гарни составляет почти полторы тысячелетия наглядно показывает процесс постепенного развития в Армении строительного искусства и в то же время высокий уровень военно-фортификационного искусства того времени.

Внутри крепостных стен существовал крупный комплекс архитектурных сооружений, из коих пока что открыты остатки храма, дворцовой постройки и царской бани. Эти сооружения находились в глубине крепости, в южной части местности, образующей треугольник. По своему замыслу они занимали обширную площадь и составляли самобытный архитектурный ансамбль. Композиционным центром ансамбля являлся украшенный колоннадой небольшой храм, главный фасад которого обращен к центральному входу в крепость.

К западу от храма, почти на самом краю отвесных скал, возвышались дворцовые здания. Своими главными фасадами они участвовали в организации архитектурно-пространственной среды раскинувшейся перед храмом площади, а другими раскрывались перед полными контрастов живописными пейзажами, сливаясь с окружающей природой.

Архитектура стала органической частью природы, дополняя и обогащая ее.

Дворцовое здание, по-видимому, было довольно большим. Раскопки выявили остатки фундамента и подвального этажа длиной свыше 40 и глубиной около 15 м. Стены построены из рваного базальта и валуна, в качестве связующего материала использован известковый раствор. Наряду с каменной кладкой встречаются и ряды обожженного кирпича.

В юго-восточной половине раскопанной части подвального этажа обнаружен сводчатый зал размером 20,0×12,5 м. В другой части располагались многочисленные большие и малые помещения для хозяйственных нужд.

Стена здания, обращенная к площади, имеет композицию в виде следующих друг за другом прямоугольных выступов. Несомненно, фасад здания имел довольно богатый и выразительный вид. На внутренней штукатурке одной из северо-западных комнат сохранились следы темно-розовой краски. Если стенная роспись имелась даже в подвальном этаже, то можно представить себе роскошь в отделке комнат верхнего этажа и залов, где проходили царские приемы.

Остатки зданий отчасти покоятся под северо-западным фундаментом построенного в VII в. четырехапсидного христианского храма. Следовательно, к тому времени здание дворца частично или целиком было уже разрушено.

Большой интерес представляет дворцовая баня, от которой сохранилось сравнительно больше остатков. Она расположена в 50 м к северо-западу от храма и в настоящее время находится в полуразрушенном состоянии. Стены ее построены из тех же материалов, что и дворцовое сооружение. Точная форма перекрытия неизвестна. По найденным во время раскопок вогнутым обломкам штукатурки можно допустить, что она имела сводчатое (или куполообразное) строение. На внутренних стенах сохранились остатки двойной штукатурки, снизу беловатой, а сверху светлорозовой.

План имеет четкую структуру из четырех

смежных комнат. Стены, обращенные на юго-восток, имеют снаружи вогнутую форму, а изнутри подковообразную и полукруглую. Первая комната по сравнению с другими была оформлена богаче. В отличие от остальных здесь были три двери: две из них вели наружу, а третья в соседние комнаты. В подковообразной нише этой комнаты был устроен бассейн. Какой цели он служил, сказать трудно, возможно, он имел декоративное назначение. Пол (2,91×3,14 м) в комнате полностью покрыт мозаикой, отличающейся высоким искусством. По своему положению и своеобразной внутренней разработке эта комната могла быть передней, раздевальной. В древности отдельные передние имели не только большие бани, но и бани более скромных размеров, подобные гарнийской (в Грузии—армазисхевская (мцхетская) дворцовая баня Эристави II—III вв., харaксинская баня на северном побережье Черного моря, трирские бани римских вилл и т. д.).

Вторая и третья комнаты по своим размерам (3,00×3,47; 2,96×3,57 м) и по форме аналогичны и, несомненно, являлись купальнями. Во второй, по-видимому, купались холодной, а в третьей—теплой водой. Полы холодных купален обычно не согревались, но бывали исключения, как это мы видим на примере Гарни. Больше того, иногда согревался пол предбанника. В третьей комнате пол полукруглой ниши также украшен мозаикой.

Четвертая комната состояла из трех частей. Одна часть, непосредственно следуя за холодной и теплой комнатами-купальнями, по своим размерам (2,90×3,05 м) и по форме походила на них и служила, вероятно, для купанья горячей водой. Северо-западный отрезок, по-видимому, был местом для водохранилища, а под полом юго-западной части находилась топка, над которой согревалась вода.

Примечательна нагревательная система бани, созданная с помощью гипокауста. Под полом купальных отделений последовательно расставлены многочисленные столбики из круглого кирпича (толщина 6—7 см, диаметр 20—24 см) на известковом растворе. На столбики поставлены крупные кирпичные плиты (толщина 6—7 см, поверхность 60×70 см), затем на 2—3-сантиметровом слое раствора снова уложены кирпичные плиты, но уже меньших размеров. Все это покрыто толстым слоем раствора (5,5—8 см) из вяжущего материала, извести, песка и кирпичной мелочи. Нагретый воздух и дым распространялись сначала под полом бани с горячей водой, затем со значительно сниженной температурой (через проем шириной в 62 см)—под полом теплой купальни и дальше, через два небольших проема (шириной в 28—30 см), поступали к отделению с холодной водой.

Таким, образом, купальни нагревались по необходимости и при этом никакой потери теплоты не имело места. Легко вбирая тепло, кирпичные плиты могли долгое время сохранять ее и равномерно передавать купальням.

Подобная система отопления широко применялась в римских банях, в Малой Азии, в Сирии, на северном побережье Черного моря, на Кавказе и в других местах древнего мира.

Система отопления гарнийской бани (вероятно, не только гарнийской) послужила образцом для аналогичных сооружений средневековой Армении (бани Звартноца, Анийской цитадели, Амберда и т. д.).

Большую художественную ценность представляет мозаика на полу первой комнаты. Это пока что единственный дошедший до нас памятник монументальной живописи античной Армении. Некоторые фрагменты мозаики разрушены, а в восточной ее части имеются повреждения, причиненные огнем.

На сохранившейся части мозаики ясно обнаруживается мифологический сюжет. В раме розового цвета изображено море; тонко разработанные тональные переходы создают иллюзию движущихся волн, и море то принимает светло-зеленоватый оттенок, то становится прозрачно-синим. В воде изображены в разных позах божества и фигуры (ихтиокентавр—человек с конским туловищем и с рыбьим хвостом, нереиды, большие и малые рыбы и т. д.). Около фигур богов и нереид написаны их имена на греческом языке (Главкос, Тетис, Агриос и т. д.).

В центре мозаики, в раме из плетеного орнамента, помещены бюсты мужчины и женщины и надписи: «Океанос»—океан (отец всех богов) и «Таласса»—море (мать Афродиты, богини красоты и любви). Над рамой загадочная надпись: «Ничего не получая, работали». Отдельные изображения, в частности изображения рыб, выполнены с большим мастерством. Плавный рисунок, анатомическая точность, нежные переливы красок—все это как бы придает дыхание холодным камням и создает впечатление, будто эти изящные существа резвятся посреди волн.

Мозаика выложена кубиками (размером 0,5—1,0 куб. см) из имеющихся на месте естественных камней пятнадцати цветовых оттенков. Для выполнения более тонких колористических переходов картины использованы камешки различной геометрической формы (квадратные, прямоугольные, косоугольные и треугольные). Интересна основа мозаики: на ровной земле выложены три слоя валуна и рваного базальтового камня, связанные из-

вестковым раствором, затем идет бетонный слой в 14—15 см, и все это залито приготовленным для зерен мозаики цементным тестом толщиной в 3,3 см (смесь извести, песка, размельченного кирпича или черепицы). Поверхность кубиков отполирована.

Сюжет мозаики, техника исполнения, стилистические и цветовые особенности, как и общая композиция здания дают основание считать, и баню, и мозаику произведениями конца III или начала IV в.

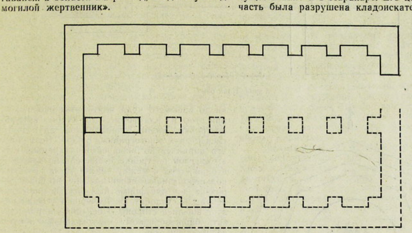
Мемориальные постройки. По сообщению Мовсеса Хоренаци, после гибели в бою царя Ерванда, Арташес, «...вспомнив, что Ерванд из рода Аршакуни приказал похоронить его и поставить ему надгробный памятник»; имеется также упоминание о том, что «царь армянский Тигран последний почтил могилу брата своего, главного жреца Мажана в Багаване... в области Багреванд, воздвигнув над могилой жертвенник».

Усыпальница в Паракаре находится на вершине западного холма одноименного села Эчмиадзинского района. Она сконструирована в виде башни, которая, возвышаясь над платформой, имеет с внешней стороны восьмигранную, а изнутри круглую композицию.

Местом погребения являлась центральная часть сооружения. Сохранилась сложенная из крупных нетесаных плит овальной формы могила, размером 105×155 см, в которой был обнаружен скорченный скелет человека, обращенный с северо-востока на юго-запад.

На всех камнях нижнего ряда башенной стены имелись консолеобразно висящие камни, обращенные к центру постройки[4]. Расположение этих камней напоминает принцип покрытия долменов в Ошакане.

Подобного рода покрытие, несомненно, существовало и в Паракаре. Его центральная часть была разрушена кладоискателями. Од-



Гарни. План дворца.

Воздвигали памятник и в знак победы. Тот же историк сообщает, что сын царя Ваココршака по поводу победы над северными племенами, «в знак владычества своего оставляет памятник с надписью на греческом языке...» Особенно интересны надгробные сооружения, например, усыпальницы армянских царей Аршакуни в Ани-Камахе и в крепости Ангех, усыпальница в Паракаре и т. д.

нако трудно сказать, какой она имела вид. Очевидно лишь одно: под полом башнеобразного сооружения имелось пространство, напоминающее склеп.

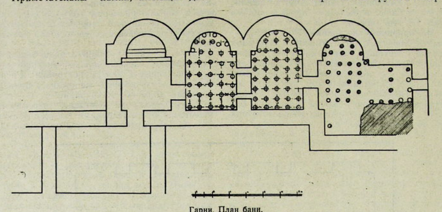
Усыпальница дошла до нас в разрушенном состоянии, от нее сохранились лишь 1—2

[4] Во время раскопок эти камни были отодвинуты, чтобы изучить окружность могилы.

нижних ряда. Построена она из местного серого туфа (фельзит), кладка сухая, без раствора. Среди разбросанных поблизости камней встречаются обломки арки, окаймлявшей проем входа или окна, а также остатки трехгранного пилястра, четвертая сторона которого сделана из грубого окола.

Примечательны камни, имеющие двойную вогнутость, которые принадлежали рядам перехода от круглой стены к сводчатому перекрытию (или куполу). Встречаются тесаные камни, вогнутые с противоположных сторон. Следовательно, некоторая вогнутость была придана и внешним бокам многогранной усыпальницы.

От внешнего края стены круглой постройки до внешнего края платформы около 3 м, при этом на платформе, до стены круглой постройки, видны параллельные друг другу следы двух многогранных рядов. Возможно, что параллельно внешней многогранной стене круглой постройки существовала также и вторая стена и между ними была создана кольцеобразная галерея или же, что более вероятно, на платформе был создан многоступенчатый стилобат, окаймлявший усыпальницу с внешней стороны. Последний мог придавать башнеобразному многогранному объему величественность.



Гарни. План бани.

Паракар. Усыпальница. План.

Упомянутый выше камень трехгранного пилястра, несомненно, был установлен в одном из углов встречи внешних боков восьмигранного объема усыпальницы. Точно такую композицию имеет внешний объем усыпальницы, построенной в середине I в. в Поле (Далмация, Югославия). Касаясь вопроса замены основной цилиндрической формы гробниц древнейшего периода, летописцы упоминают, что «в мавзолее в Поле (Далмация, середина I в. н. э.) цилиндр заменен **восьмигранником с колоннами по углам»** (выделено нами.—**А. С.**). Пилястр или колонна в углах встреч внешних граней многогранного объема имеются и в других гробничных сооружениях (Путеолы (Поццуоли), гробница

на виа Челле, I в.; в Адалии и Неумогене, начало II в. и т. д.).

Время сооружения мавзолея в Паракаре неизвестно. Еще в 1958 г. в этом месте была найдена монета царя Артавазда (55—34), а немного спустя—обломок камня с одной (двумя?) буквами арамейского письма. А в 1961 г. экспедиция во время раскопок около могилы обнаружила семь монет I в. до н. э., из них три—Тиграна II (95—55). Как видим, эпоха чеканки монет почти совпадает с эпохой, когда строились гробницы, имевшие композицию, подобную вышеописанной.

По-видимому, Паракарская усыпальница могла быть создана в отрезок времени между серединой I в. до н. э. и серединой I в. н. э.

В Армении немало круглых башнеобразных сооружений, но, как отмечал Т. Торамачян, они принадлежат более древнему периоду.

Культовые постройки. В Армении существовало много отдельных культовых построек и крупных архитектурных комплексов. С начала IV в., когда христианство было провозглашено государственной религией, почти все они вместе с другими памятниками языческой культуры подверглись разрушению. И только в отдельных местах некоторые капища были приспособлены к потребностям новой религии и превращены в храмы христианского культа. Счастливое исключение составлял, как видим, дворцовый языческий храм крепости Гарни.

Из этих языческих построек, по сохранившимся летописным данным, нам известны: Армавирский храм, посвященный культу Солнца и Луны, Ани-Қамахский храм, посвященный культу высшего божества армянского пантеона Арамазда (предполагается, что его построил Тигран II), храм культа Анаит в аване (поселке) Ериза области Екехяц, группа храмов в Аштишате, посвященных культам Анаит, Астхик и Ваагна, храмы культа Анаит в Арташате и в местности Дарбнац-Кар области Андзевацяц, храм культа Михра в селе Багайарич области Дерджан, храм культа Нуне в аване Тил области Екехяц, храм культа Баршамина в селе Тордан области Даранахяц, храм культа Тира в аване Еразмойн, Багаранский, или Дицаванский храм, аналогичные постройки на горе Қарке в области Тарон, группа храмов Багреванда и т. д. В эпоху возникновения эллинистической культуры (еще до II—I вв. до н. э.) армянские боги были сопоставлены с греческими и названы греческими именами (Арамазд-Зевс, Анаит-Артемида, Тир-Аполлон и т. д.). В отдельных храмах даже были поставлены статуи греческих богов (в Ани-Қамахе—статуя Зевса, в Армавире—Артемиды и Аполлона, в аване Тил-Атенаса, в Багайариче—Гефеса и т. д.). Однако народ, оставаясь верным родным традициям, вскоре предал забвению греческие имена.

Большое значение для армянского храмостроительства имели местные предпосылки, шедшие еще с доармянских времен. Армавир, являвшийся одним из значительных религиозных центров Урартского государства, в последующую эпоху стал главным оплотом армянской языческой культуры. Естественно, что существовавшие там урартские храмы должны были сыграть определенную роль при возведении первых армянских храмов. Не исключено, что армавирский храм Солнца и Луны был построен либо на месте святилища, посвященного культу урартского бога солнца Шивини, либо на его развалинах. Армавирские культовые постройки, как это нетрудно заключить из летописных данных, имели решающее значение в формировании армянских храмов.

Каков был вид этих храмов, достоверно не известно. Из отрывочных данных отдельных историков (Агатангехос, Глак) усматривается, что они имели прямоугольный продольный план, каменные стены и деревянное или сводчатое перекрытие.

По мнению исследователей, часть первых армянских сооружений христианского культа представляла собой бывшие языческие храмы (трехнефные базилики Текора, Қасаха, Двина, Зовуни, однонефные сооружения Лернакерта, Қарнута).

Значительная часть языческих памятников пользовалась большой известностью. Храм в Ани-Қамахе со своей храмовой библиотекой и архивом играл важную культурную роль для своей эпохи. Материалами архива пользовался выдающийся сирийский писатель и ученый Бардацан Эдесский (154—222). В честь храма, посвященного культу Анаит, область Екехяц называлась Анаитакан (Анаитской) или «Еркир Анаити» (страной Анаит). Слава об этом крупнейшем культовом очаге была так велика, что на поклонение ездили туда не только армянские, но и греческие цари. Идол, которому поклонялись, создавался по традиции из золота. Главным центром армянской языческой религии был Аштиашат. Христианская церковь, пользуясь его авторитетом, именно на его месте построила первый большой кафедральный собор Армении. Статуя Анаит здесь также была отлита из золота. О храме Ваагна летописцы сообщают, что он был богат сокровищами, полон золота и серебра.

Подавляющая часть этих построек, кото-

рых насчитывалось около двадцати, просуществовала вплоть до утверждения в Армении христианской религии. Проживившие многовековую культовую жизнь, эти постройки, естественно, должны были являться, соответственно своему значению и славе, произведениями высокого архитектурного искусства. Об этом свидетельствует и архитектура храма Гарни.

Точное время сооружения **Гарнийского храма** неизвестно. Предполагаемая в научной литературе датировка колеблется в пределах более чем пятисот лет (III—II вв. до н. э.—IV в. н. э.). Однако анализ исторических событий, эпиграфических материалов и в особенности архитектурно-строительного искусства храма, связывает его сооружение с временем правления армянского царя Трдата I (после 66 г.).

После принятия христианской религии здание храма служило светским целям, являясь «домом прохлады» царевны Хосровадухт, сестры царя Трдата III. Поэтому в средние века Гарни часто связывали с именем Трдата III, и он упоминался как «дом прохлады Трдата» или «тахт Трдата» (трон Трдата).

Армянские литературные источники упоминают о Гарни с древнейших времен. В течение более чем пятнадцати веков с любовью и благоговением говорят о нем армянские летописи. А в 1593 г. поэт Симеон Апаранци посвятил ему поэму.

Храм простоял до XVII в. и был разрушен в результате землетрясения в 1679 г. Но и в таком виде как один из редчайших памятников, он привлекал внимание многочисленных отечественных и иностранных исследователей, занимавшихся вопросами армянской архитектуры (Шарден, Мориер, Кер-Портер, Дюбуа, Телфер, Шантр, Шнаазе, Марр, Смирнов, Тораманян, Буниатян, Тревер и др.).

Дюбуа де Монпере в 1834 г. составил в самых общих чертах проект реконструкции плана и главного фасада храма. Спустя столетие появились проекты реконструкции архитектора экспедиции Н. Марра, К. К. Романова (1912) и проф. Н. Г. Буниатяна (1933). В 1968 г., на основе новых материалов, полученных исследованиями последних лет, нами был составлен новый проект реконструкции, по которому под руководством автора было осуществлено восстановление храма (1969—1975).

Здание построено из хорошо обработанного голубоватого базальта. Кладка стен сухая, без раствора, камни скреплены как в горизонтальном, так и перпендикулярном направлении железными скобами, а гнезда соединения железа и камня залиты свинцом. В колоннах использованы также отвесные бронзовые скрепы. Строительство осуществлено крупными блоками. Отдельные из них, например, плиты потолка пронаоса (портика), имеющие 0,90—1,05 м ширины, 0,44—0,5 м высоты и более 4,00 м длины, весят до пяти тонн.

Храм доступен взору человека как с самой отдаленной, так и с ближайшей точки и каждый раз, своеобразно раскрываясь, создает новую картину художественного восприятия. И если издали его очертания, соединяясь с общим силуэтом архитектуры крепости, своими формами и цветом строительного материала гармонично сливаются с красочным пейзажем, то по мере приближения он постепенно отделяется и возвышается во всей эмоциональной мощи своей пространственно-объемной композиции. С более близкого расстояния один за другим выступают его замечательные рельефные детали.

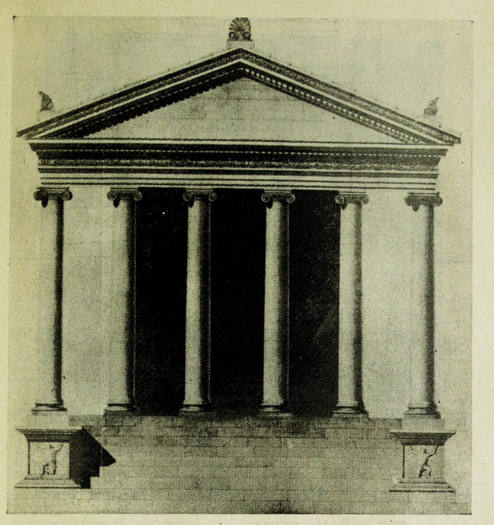
Здание имеет небольшую структуру. В плане это зал, так называемый наос, размером 5,01×7,983 м, со вчерченной между продолжением продольных стен северной стороны передней—пронаос. Снаружи стены были окружены двадцатью четырьмя колоннами (на коротких фасадах—по шести, на длинных—по восьми). Для колоннады избран римско-ионический ордер, т. е. колонны поставлены на высоком подиуме и увенчаны богато разработанным антаблементом (архитрав, фриз, карниз)[5].

Своим главным фасадом храм обращен на север. Почти по всей его ширине расположены девять высоких ступеней, по обеим сторонам которых на фасадах подиумов изображены барельефы юноши-атланты, поддерживающие какую-то тяжесть. По-видимому, на подиумах находились жертвенники, которые и создавали впечатление тяжестей, поддерживаемых атлантами.

База и карниз пьедестала храма, как и лестницы, простирающиеся с северной стороны, придают строению пьедестала акцентированную горизонтальность и этим подчеркивают вертикальную композицию стоящей над нею колоннады, сообщая ей еще большую величественность. Устремленность колоннады вверх усиливается постепенным сужением кверху каждой колонны по сравнению с 1/3 нижней части ее фуста.

Колонны, как результат тектонического мышления, выполняя свою конструктивную роль, рельефно выделяются на плоском фоне

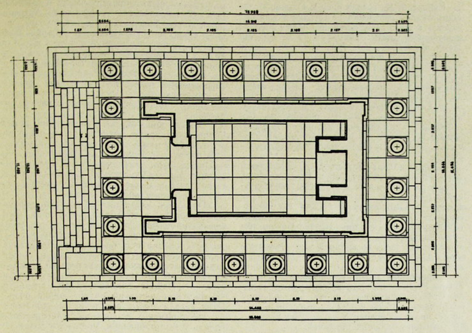
[5] Во время раскопок Н. Марра от первоначальной постройки на месте сохранялись общий пьедестал и небольшая часть северо-западного угла зала.



Гарни. Главный фасад храма. Реконструкция А. А. Саиняна.



Храм в Гарни.



Гарни. План храма. Реконструкция А. А. Саиняна.

ются красиво изваянными цветами или розетками различной формы с неодинаковым числом лепестков. Иногда же пара тенистых листьев аканта поднимается с такими же изгибами вверх и, грациозно наклонившись, создает богатое сплетение ветвей, исходящих из одного центра и идущих в разных направлениях. Иногда по поверхности фриза стелется лишь одна пышная ветвь аканта, которая, сделав в узлах преломления волн несколько эластичных поворотов, целиком заполняет поле фриза.

Итак, все время, сохраняя волнообразную композицию, с помощью листа аканта создаются неповторяющиеся многокрасочные мотивы орнамента, один другого замечательнее. Наряду с богатыми вариантами листьев аканта и лавра и их остроумным расположением в орнаментах появляются разновидные сочетания цветков, листьев дуба, граната и других растительных орнаментов. Таким образом, в основе искусства орнаментации лежит принцип, связанный с применением многообразных мотивов в единой композиции.

Принцип разработки однородных деталей с помощью разнообразных форм применялся и в других центрах эллинистической культуры—в Малой Азии (Пергам, Милет, Приен и т. д.), в Сирии (Пальмира, Баалбек. Антиохия, Джераша и т. д.), в Иране и других местах.

Если в римских сооружениях орнаментация производилась каноническими средствами (с помощью циркуля или геометрических построений), то в Гарни она выполнена в свободной, наиболее плавной пластической форме (постройка спиралей, волют, капителей, профилей архитектурных деталей и т. д.). Отдельные детали ордера упрощены, изменены пропорции (карниз, подобно аналогичным деталям армянской архитектуры, несколько вынесен из общей плоскости стены, фриз низкий, изменены пропорции зубцов и т. д.).

Исключительный научный интерес представляет внутренняя структура храма. Исследователи, касавшиеся этого вопроса, считали, что как целла, так и вся крыша храма имели деревянное покрытие (К. Романов,

Н. Бунятян, К. Тревер и др.). Однако более обстоятельное изучение памятника показывает, что в его конструкции не было ни одной деревянной части. Здание имело четкую систему каменных конструкций, где целла (наос) и даже портик (пронаос) были перекрыты каменными сводами. При этом кроме цельных камней архитрава все части здания: фриз, карниз, сандрик двери, камни стены над сандриком, даже плиты плафона колоннады,—имеют характерные для сводчатых конструкций клинообразные соединения. Сохранившиеся детали дают возможность с точностью восстановить реальную картину как целлы, так и каменного покрытия всего здания.

Снаружи свод был покрыт известковым раствором и завершен базальтовой плиткой. Высоко оценивая роль сводчатых конструкций в армянской архитектуре, венский профессор И. Стржиговский считает их привнесенными в Армению в V в. из Месопотамии или Внутренней Малой Азии. Между тем храм Гарни показывает, что каменный свод существовал здесь по крайней мере на четыре века раньше указанной И. Стржиговским эпохи.

Гарнийский храм был посвящен культу Митры-Михра, древнеармянского бога солнца. Статуя почитаемого идола, поставленная возле задней стены целлы на высоком постаменте, была включена в прямоугольную нишу довольно больших размеров.

Из сравнения с интерьерами античных храмов следует, что решение интерьера Гарнийского храма, отходя от композиционных построений римских памятников, в гораздо большей мере приближается к сирийским сооружениям (большой и малый храмы Баальбека, храм Нихи, храм Бали в Пальмире, храмы Джераша и т. д.) и к сооружениям Малой Азии (Пергам, Приэн и т. д.).

Интерьер небольших языческих храмов обычно освещался через проем входа, имевшего очень большие размеры.

Проем входа в Гарнийский храм по сравнению с внутренним пространством был настолько велик, что вполне обеспечивал освещение целлы. Тем не менее целла освещалась также сверху, через ердик, что имело, несомненно, символическое значение: сноп света падал на почитаемый идол и сверху.

Своими пропорциями (5×8), даже абсолютными размерами плана (5,01×7,983 м) целла Гарнийского храма похожа на плановую композицию урартского храма суси в Эребуни. Образцом для гарнийской целлы мог послужить не только суси, но и другое сооружение с подобной структурой. Известно, что аналогичную структуру имели и однонефные базиликальные сооружения Армении раннего средневековья. Не исключено, что храм типа суси существовал и в Гарни. Ведь надпись урартского царя Аргишти I (VIII в. до н. э.) о завоевании им страны Гарни («Гиарнииани») была найдена в 15—20 м от храма. Более того, совсем недавно во время реставрационных работ под нынешним фундаментом храма были выявлены остатки прямоугольного здания гораздо более древнего периода.

Таким образом, вся конструкция целлы Гарнийского храма (кладка стены чисто тесанным базальтом, каменный свод, известковый раствор наверху свода, укрепленная на нем каменными плитками крыша, ердик, пропорции, даже абсолютные размеры плана) тесно связана с местными традициями архитектурно-строительного искусства.

Очевидно, что архитектору было поручено построить в летней резиденции царя дворцовый колонный храм типа «периптер». Изучение храма показывает, что автором его был опытный специалист, безукоризненно владевший принципами строительства храмов античного периода (модульная система) и прекрасно знавший отечественную архитектурную культуру. Избрав для колоннады «периптера» римско-ионический ордер, зодчий разработал детали храма, в отличие от единообразия греко-римских сооружений классического периода, с многообразием, присущим местному восточному искусству, а ядро храма—целлу полностью создал на основе отечественных традиций строительного искусства.

Таким образом, посредством синтеза греко-римского и армянского архитектурного искусства был создан самобытный, классический образец эллинистической архитектурной культуры.

В качестве основного строительного материала использован базальт, обработанный с величайшим мастерством. Естественно, что такого совершенства легко могли достичь местные мастера, имевшие большой опыт работы с этим строительным материалом. За много веков до постройки храма Гарни его строительная техника была применена при сооружении стен и башен крепости Гарни, так же как в Армавире, Ервандашате, в дохристианских постройках Ани и других местах.

Высокое искусство обработки базальта и кладки каменной стены, известное на Армянском нагорье еще в урартскую эпоху, в процессе создания эллинистического искусства достигло более высокой ступени развития, о чем свидетельствует храм Гарни.

Архитектурно-строительное искусство хра-

ма Гарни, имея общность со всем эллинистическим искусством, в еще большей мере связывается с малоазийскими памятниками (Термес, Сагалас, Пергам), а по мотивам отдельных орнаментов и с аналогичными сирийскими сооружениями (Баалбек).

Несомненно, часть построек, созданных в упомянутых выше городах, крепостях и различных поселениях страны, относилась, подобно храму Гарни, к эллинистическому периоду. Об этом свидетельствуют детали монументальной постройки в стиле Гарнийского храма, открытые в фундаменте храма христианского культа VII в. в Вагаршапате. Архитектурная деталь такого же стиля найдена и в селе Апна исторической области Ниг.

Н. М. Токарский, говоря о памятниках крепости Гарни, пишет: «Здесь уместно упомянуть о развалинах однонефной церкви в Багаране, в которой *сильно выступающие пилястры продольных стен увенчаны коринфскими капителями*» (выделено нами.—*А. С.*). Существование подобного памятника в Багаране вполне объяснимо. Ведь Багаран был создан еще в III—II вв. до н. э. неподалеку от Ервандашата как центр языческого культа, где была сосредоточена большая группа языческих храмов.

Будучи созданием местного эллинистического искусства, эти памятники армянской архитектуры представляют одно из своеобразных звеньев общей эллинистической культуры.

Краткое обобщение и характеристика архитектуры эпохи рабовладельческого общества Армении, обнимающей почти целое тысячелетие, показывают, что в стране имелись многочисленные крупные очаги архитектурно-строительного искусства. В них была создана и достигла известного уровня многожанровая архитектура. Основными центрами ее развития явились в первую очередь города и крупнейшие крепости. Градостроительные принципы, идущие из более древнего периода и лежащие в основе этих городов и крепостей, как и сохранившиеся остатки памятников дохристианской эпохи и первые постройки раннехристианского периода, воздвигнутые вокруг них и часто на их фундаментах, свидетельствуют о том, что в указанную эпоху в Армении существовала богатая архитектура. Находясь в контакте с архитектурным искусством Греции, Рима и соседних стран (Иран, Сирия, Малая Азия и ряд других), воспринимая и перерабатывая отдельные архитектурные формы и детали, она в основном шла по самостоятельному пути.

ГЛАВА III

АРХИТЕКТУРА IV—КОНЦА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ VI ВВ.

Характер армянской архитектуры эпохи раннего феодализма, ее сущность всецело обусловлены новыми социально-экономическими условиями, сложившимися в стране вслед за падением рабовладельческого строя.

Кризис рабовладельческих отношений начался в Армении, как и на всем Ближнем Востоке, еще во II—III вв. н. э. В последующий период он углубился до такой степени, что в половине IV и начале V в. феодальные отношения уже стали господствующими. Новые социально-экономические условия породили новую идеологию, соответствующую классовым интересам феодализировавшейся знати. Провозглашенное в начале IV в. (301) государственной религией, христианство стало орудием классового господства феодального государства и идейной основой развивающейся феодальной культуры.

Феодальное государство в Армении состояло из многочисленных самостоятельных княжеств (нахарарств) и поэтому не представляло органического целого. Борьба за централизацию государства и независимость страны направлена была, с одной стороны, против внутренних, центробежных сил—нахараров, с другой—против внешних завоевателей (Римской империи и Сасанидского Ирана). Однако борьба эта не увенчалась успехом. Больше того, Армения была разделена между Римской империей (Византией) и Персией. В 428 г. пало царство Аршакидов, после чего пятая часть страны (западная часть) отошла к Византии, а остальная стала областью Персии и управлялась назначенным ею марзпаном.

В эпоху марзпанства нахарары стали фактическими хозяевами страны—каждый из них выступал как наследственный глава своего владения.

С принятием христианства Армения и в религиозном отношении противостояла Персии, постоянно угрожавшей ее независимости. Стремление персов полностью лишить Армению самостоятельности встречало упорное сопротивление армянского народа, неоднократно подымавшего восстания против чужеземного владычества.

С распространением христианского культа варварски разрушались созданные на протяжении целого тысячелетия памятники материальной культуры языческой эпохи. Господствующие классы стремились всецело подчинить культуру религиозно-феодальной идеологии. Вопреки этому, многие народные обычаи, отдельные представления и понятия языческой религии упорно сохранялись и проникали в культуру. В области архитектуры было унаследовано высокое строительное искусство эпохи, а в отдельных случаях сохранились плановые и даже объемно-пространственные строения капищ.

В раннехристианскую эпоху Армения находилась в тесном культурном и религиозном сотрудничестве с Сирией. Этим объясняются некоторые общности армянской литературы и искусства и в особенности отдельных архитектурных форм и деталей культовых сооружений с сирийским искусством IV—VI вв.

В тяжелые дни своего существования армянский народ, общаясь с внешним миром (в условиях ли мирных отношений или во время войн), боролся не только за независимость страны, но и во имя самобытного развития своей культуры. Эти своеобразные условия характерны были и для периода IV—VI вв.

Сохранению самобытной культуры армянского народа и ее дальнейшему подъему в огромной мере способствовало изобретение армянского письма (406). Была создана высокохудожественная национальная литература, получили значительное развитие историо-

графия и наука, формировалась армянская классическая архитектура.

Строительная техника эпохи раннего феодализма в Армении (IV—VI вв.) явилась продолжением и дальнейшим развитием традиций рабовладельческого (дохристианского) общества.

Основным строительным материалом монументальных построек служил легко обрабатываемый местный разноцветный туф, обладающий большой стойкостью и открывавший широкие возможности для его художественной выразительности.

Стены возводились из чисто тесанных прямоугольных камней крупных размеров (0,50—0,80 м высоты, до 2,00 м длины). В наиболее ответственных конструктивных частях (перемычки дверей, кладки пилонов и т. д.) встречаются более крупные каменные блоки до 1,00 м высоты и 3,00—3,50 м длины. В массовом строительстве использовался рваный камень (базальт, туф, валун), а в отдельных случаях и сырцовый кирпич. Вяжущим материалом служил известковый раствор (смесь извести с песком и щебнем).

Стены древнейших памятников раннехристианской эпохи были довольно толстыми (1,20—1,35 м). Впоследствии, по мере усовершенствования строительной техники и необходимости экономии стройматериалов, толщина их постепенно уменьшалась (1,00—1,10 м). Если в монументальных постройках дохристианской эпохи основной несущей частью стены является камень, то в постройках IV—VI вв. ядром стены служит в основном раствор (бутобетон). В отдельных же постройках камень применялся главным образом для облицовки, а также в целях удержания раствора в стене.

Чтобы углы стеновых камней не крошились, при кладке их срезали по внешнему контуру на 0,5—1,0 см под углом 45 градусов, создавая так называемые фаски, которые имели не только конструктивное значение, но и подчеркивали ряды кладки, благодаря чему на фактуре камня появлялась игра света и тени.

Одной из особенностей построек раннехристианской эпохи было устройство несущих разгрузочных и подпружных арок, которые перекидывались между стенами, между пилонами или от колонны к колонне. Арки имели сильно акцентированные подковообразные очертания, а пилоны—крестообразный или Т-образный разрез. В качестве несущей части здания, кроме пилонов, использовались также круглые или многогранные колонны.

В монументальных постройках в основном применялись покрытия двух типов—деревянные (плоские) или каменные (сводчатые).

На ряде построек первоначальные деревянные покрытия в раннехристианскую эпоху были заменены сводчатыми. Своды имели цилиндрическую (полукруглую) конструкцию. В небольших древнейших постройках встречаются также сводчатые покрытия с подковообразным очертанием.

С целью облегчить сооружение сводчатых покрытий, обнимающих большое пространство, с помощью специальных (подпружных) арок свод разделялся на короткие части, чем создавалась более устойчивая конструктивная система. Подпружные арки облегчают работу свода и, превращая покрытие в своеобразную жесткую сеть, способствуют сейсмической устойчивости здания. Как деревянные (плоские), так и каменные (сводчатые) покрытия брались снаружи под двускатную крышу, покрытую черепицей. В сводчатых покрытиях у карниза черепица закреплялась гвоздями, а в остальных частях прямо укладывалась на раствор. На узлах их соединения применялась черепица особой формы. Короткие фасады двускатных крыш завершались фронтонами и горизонтальными тягами (украшенными рядами зубцов или модульонов).

В массовом строительстве (народные жилища) параллельно с плоскими крышами из деревянных балок широко применялась постепенно суживающаяся кверху конструкция куполовидных покрытий со световым отверстием в центре—ердиком—так называемый «азарашен» (или «согоманаш»). Созданная в народной архитектуре, эта оригинальная форма покрытия, все более совершенствуясь, нашла место и в строительстве монументальных построек V в. В одном случае она выступает в светских (дворцовых) зданиях в точно такой же форме и с применением такого же строительного материала (дерево), в другом—составляет основу для первых каменных куполов культовых построек.

Первый каменный купол возвышается над подкупольным квадратом, покоящимся на отдельно стоящих массивных пилонах, и по принципу конструкции покрытия «азарашен», постепенно подымаясь кверху в виде барабана, венчается как снаружи, так и изнутри конусообразным завершением. По сравнению с достигшими высокого совершенства куполами армянской классической архитектуры, прямоугольная основа здесь очень высокая, а барабан несравненно низкий. Впоследствии высота основания постепенно уменьшается, высота барабана увеличивается, а внутреннее

конусообразное окончание заменяется шаровидной конструкцией.

Наряду с архитектурно-строительными работами, которые продолжались в древнейших городах (Тигранакерт, Арташат, Ервандашат, Зареаван, Заришат, Ван, Нахичеван, Вагаршапат) и крепостях дохристианской эпохи (Ани-Камах на Евфрате, Ани на Ахуряне, Артагерс, Ехнут, Багаберт и т. д.), во многих местностях Армении создавались отдельные культовые постройки и крупные архитектурные комплексы. Были основаны города Двин, Карин и Аршакаван.

Основанный царем Аршаком II (345—367) на узловом пункте главных дорог международной караванной торговли, в области Коговит, город Аршакаван был разрушен нахарарами и навеки прекратил свое существование. Зато Двин стал не только важнейшим очагом архитектурно-строительного искусства страны, но и одним из знаменитых городов своего времени.

Город Двин был самым крупным центром культурно-экономической жизни Армении эпохи раннего феодализма, где строительная жизнь с недолгими перерывами продолжалась девять веков. Подобно ряду древнейших столиц исторической Армении (Армавир, Арташат, Ервандашат, Вагаршапат), Двин также был построен на Араратской равнине. Согласно древнейшему «Ашхарацуйцу» («Армянская география»), Двин был девятнадцатой из двадцати областей Айрарат, являвшейся дворцовым доменом армянских Аршакидов. Руины Двина находятся на холме и окружающей его обширной территории между селами Верин Арташат и Топрах-кале, в 35 км от Еревана[1].

Точная этимология названия Двина неизвестна. Как объясняет историк V в. Мовсес Хоренаци, по-персидски (по-древнепехлевийски) «Двин» означает холм. Существует также предположение, что так называлось жившее в этой местности еще в энеолитическую эпоху древнейшее племя, или род, и что местность впоследствии стали называть этим именем.

В конце III—первой половине IV в. установившийся на Востоке общий мир создал благоприятные условия для проводившихся в Армении строительных работ.

В этот период еще продолжал играть важную роль в жизни страны Арташат, но с изменением русла протекавшей мимо реки Аракс образовались болотистые пространства, и климат города резко ухудшился. Поэтому царь Хосров Котак (332—338) приказал на территории от среднего течения реки Азат и вплоть до Аракса (от царской крепости Гарни до Арташата) заложить обширный лес и посреди него, на холме Двин, построить новые дворцы. Новый город был воздвигнут в 8—9 км к северу от Арташата. Постепенно в нем поселилась большая часть населения города Арташата.

Таким образом, в тридцатых годах IV в., когда армянская классическая архитектура переживала начальный период своего развития, в Армении возник новый важнейший очаг архитектурно-строительного искусства.

За короткое время, особенно после падения царства Аршакидов (428), Двин становится одним из известных и крупных городов своего времени. В 470—471 гг. католикос Гют переносит главный центр армянской церкви из Вагаршапата в Двин.

Лет десять спустя восставшие армяне прогоняют ставленника персидского двора марзпана Атрвшаспа и, провозгласив марзпаном (правителем) Армении Саака Багратуни, формируют в Двине новое правительство. Несколько позднее (в 485 г.), вынужденная в связи с создавшейся ситуацией отказаться от своей политики назначения марзпанов Армении извне, Персия утверждает на этом посту руководителя восстания Вагана Мамиконяна. Начиная с последней четверти V в. Двин становится столицей марзпанской Армении, центром не только духовной, но и административно-политической жизни страны.

Мирный период, длившийся в стране около столетия (485—572), открыл широкие возможности для расцвета духовной и материальной культуры народа. Реконструировались разоренные во время войн города и поселения, особенно большие строительные работы развернулись в Вагаршапате и Двине. Уже в V—VI вв. Двин стал главным центром ремесленного производства страны и ее узловым торговым пунктом, пользовавшимся международной известностью.

По договору, заключенному в 387 г. между Сасанидской Персией и Византией, Арташат как место скрещения торговых путей был признан одним из трех центров международной торговли (в Персии—Мцбин, в Византии—Калиник), где разрешалось производить обмен товаров. Шедшие из разных концов мира караваны могли вести торговлю только в этих городах. Вышеуказанный договор продолжал оставаться в силе и в V—VI вв., с той лишь разницей, что в Армении роль Арташата в международной торговле перешла уже к Двину. Согласно «Ашхарацуйцу», в Двине скрещивались пять крупных торговых путей,

[1] О городе Двине см. *К. Кафадарян.* Город Двин и его раскопки, Ереван, 1952 (на арм. яз.).

которые тянулись отсюда на запад до Константинополя и Рима, на юг—до Иерусалима и затем до Африки и берегов Тихого океана; на восток—до Каспийского моря; по линии Тифлис-Барда—до северных стран, а по другой линии—до южных стран к Месопотамии и Персидскому заливу.

Как один из важнейших центров международного товарообмена Двин упоминается у византийского историка VI в. Прокопия Кесарийского. Он свидетельствует, что в предместьях города Двина проживало много торговцев, которые из Индии, соседней Иберии и Персии, даже почти от всех подвластных Риму народов привозят сюда товары.

Роль Двина в международной торговле стимулировала подъем его культурно-экономической жизни, который с небольшими перерывами, происшедшими в первой четверти VI в. вследствие персидско-византийских столкновений, длился до середины VII в.

Экономическому росту города сопутствовало расширение строительных работ. Город расширялся, укреплялись его крепостные стены, создавались новые постройки, и все это способствовало развитию архитектурно-строительного искусства Армении.

Двин имел довольно многочисленное население. Когда в 640 г. во время первых нашествий арабы окружили его и благодаря превосходству своих сил, сломив упорную оборону, захватили город и подвергли его разрушениям, были убиты 12 тысяч человек и уведены в плен 35 тысяч. Как бы ни были преувеличены эти данные, они говорят о том, что в конце VI и начале VII в. Двин был одним из многолюдных городов своего времени.

В последующие века культурно-экономическая жизнь Двина оказалась переменчивой: он переживает то высокий подъем, то глубокий упадок, а после нашествий монгольских племен (1236) постепенно теряет былое величие и, по-видимому, с середины XIII в. окончательно превращается в груду развалин[2].

С течением времени история предает забвению даже самое его название. В этом отношении показательно, что с XVII в. как отечественные, так и многие европейские исследователи и путешественники часто приписывают развалины Двина Арташату.

Изучением города Двина еще в 1899 г. занялся академик Н. Марр, однако систематические археологические раскопки там начались лишь с 1937 г. по специальному решению правительства Советской Армении. В 1937—1939 гг. раскопками руководил проф. С. Тер-Аветисян, а с 1946 г. до 1976 г. их возглавлял проф. К. Кафадарян.

Подобно многим древнейшим городам Армении, Двин также имел цитадель. Комплекс царских дворцов, построенный армянскими Аршакидами на холме, становится впоследствии цитаделью возникшего вокруг него обширного города. Холм расположен на самом высоком месте окружающей территории и занимает господствующее положение в этой части Араратской долины.

Эту возвышенную часть равнины человек избрал местом своего жительства еще в эпоху энеолита (V—IV тыс. до н. э.), окружив ее стеной из колоссальных каменных глыб, остатки которой раскрыты раскопками на восточных склонах холма. Новой, еще более крупной крепостной стеной холм был обнесен в IV в., когда он стал цитаделью вновь созданного города. Цитадель занимает довольно ровное пространство на вершине холма. Свыше пятисот лет здесь находились дворцы армянских царей и правителей Армении последующих эпох—марзпанов, востиканов и т. д.

Дворцовые здания, построенные в 30-х гг. IV в. и простоявшие почти целое столетие, вплоть до падения династии Аршакидов, вряд ли сохранились в марзпанскую или в последующую эпоху. Войны, сопровождавшиеся частыми нашествиями на Двин, во время которых главные удары неприятеля направлялись в первую очередь на крепость и находившиеся здесь замки правителей, не могли не нанести им серьезного ущерба или не разрушить их вовсе. Вполне возможно, что впоследствии эти старые здания восстанавливались. Не исключено также появление в окрестностях цитадели и новых построек, отвечавших потребностям новых хозяев. Аналогичные изменения, несомненно, имели место и гораздо позднее, при арабах, и в последующие времена. Следовательно, постройки в цитадели—результат нескольких творческих периодов и

[2] С утверждением в Армении господства арабского халифата (698—700) Двин становится административным центром арабских правителей (эмиров, которых армяне называли востиканами). В то время Двин был единственным в Армении крупным городом. Однако наибольшего развития он достигает в эпоху Багратидов, в IX—XI вв. Арабские авторы с восторгом говорят о жизни цитадели, дворцах, неприступных крепостных стенах, крестообразных площадях, каменных и глинобитных зданиях, многочисленных городских воротах и предместьях. В ту пору город подвергается большим разрушениям во время землетрясений 863 и 893 гг., однако быстро восстанавливается. Подвергшись затем крупным ударам во время сельджукских нашествий, переживает известный расцвет при Захаридах (XII—XIII вв.), а после монгольских нашествий, постепенно сходит с арены и перестает существовать.

могут способствовать правильному пониманию многих вопросов формирования армянской национальной архитектуры, как и вопросов, связанных с последующими этапами развития архитектурно-строительного искусства армян.

К сожалению, раскопки выявили лишь остатки построек верхнего слоя цитадели (дворцовых, жилых, производственных и др.); постройки же интересующей нас раннефеодальной эпохи (IV—VI вв.) пока еще почти не затронуты раскопками.

Ниже цитадели, к юго-востоку и северо-западу от нее, на разных высотах простирается обширная площадь так называемой нижней крепости. По-видимому, здесь жили правители города и одновременно располагалась военная сила крепости. Вся крепость занимает почти десять гектаров; она окружена мощной стеной, включающей систему находящихся на расстоянии десяти метров друг от друга мощных башен и возведенных в ритмической последовательности до четырех десятков контрфорсов. В средневековом слое крепости контрфорсы имеют полкруглую, башни—круглую форму, а вся защитная система представляет собой сложенное из сырого кирпича глинобитное сооружение.

Башни расположены в четырех углах крепостной стены и на противоположной стороне главного входа, находящегося в юго-западной части крепости, причем по сравнению с контрфорсами они имеют довольно крупные размеры. По всей вероятности, толщина глинобитной стены доходила до 12, высота—до 15—20 м. Башни и контрфорсы, несомненно, простирались еще выше.

С целью еще большего усиления обороноспособности крепости вокруг ее стен была создана непроходимая водная преграда, имевшая у центральной части города до 30 м, а на других участках в среднем 45—50 м ширины и, по меньшей мере, 5—6 м глубины. В отдельных местах в качестве вала для рва служили естественные возвышенности, в основном же были построены искусственные плотины. Остатки рва сравнительно хорошо сохранились в южной и восточной частях крепости. Вода была проведена из реки Азат (Гарни); она текла по искусственному руслу до Двина, опоясывала стены крепости и, следуя через город к югу, вливалась в реку Аракс.

После сооружения крепости в ее юго-западной части был построен главный квартал города, где находился католикосат—религиозный центр страны. Раскопки обнаружили здесь остатки ряда сооружений—дворца католикоса, кафедрального собора (Катохике) и стоявшей недалеко от него небольшой церкви, монументального каменного здания и ряда других памятников. В застройке городских кварталов господствовала грандиозная постройка кафедрального собора. Гармонируя с асимметрично расположенными вокруг здания и окружающими их колоссальными крепостными стенами, она составляла замкнутую архитектурно-пространственную среду и создавала своеобразный ансамбль. Вокруг крепости и центрального квартала постепенно развертывалась территория города, обнесенная общими крепостными стенами.

К востоку город простирался до нынешних сел Норашен и Верин Арташат, включая значительную часть их полей; к югу на три километра, по направлению к селам Айгестан и Бзован; к западу—до границ села Далар и к северу—в сторону сел Верин Двин, Неркин Двин и Хохаберт. На северной стороне нет следов других стен кроме крепостных. Вероятно, здесь находилось одно из предместий города. Следы предместья открыты и в восточной его части.

С главными кварталами города крепость сообщалась с помощью перекинутых через опоясывающий ее канал однопролетных или двухпролетных каменных мостов. Возможно, что в отдельных местах были также и небольшие переправы (мостики). Раскопки пока определенно установили места двух крупных каменных мостов. Один, по которому поддерживалась связь с центральным кварталом города, находился на южной стороне крепости, напротив главного входа, а другой, перекинутый через канал шириной в 50 м, был двухпролетным (на месте сохранились остатки его срединной пяты).

Поскольку еще не завершены раскопки, трудно судить о градостроительных принципах, легших в основу планировочной композиции Двина (об уличной сети, расположении кварталов, «крестообразных площадях», о которых сообщают историки, и о других проблемах, связанных с застройкой города).

После раздела Армении в 387 г. между Византией и Персией город-крепость Карин (точнее *Կարնոյ քաղաքը*—«город Карин») в Западной Армении был перестроен и назван Теодосуполисом, по имени византийского императора Теодосия II (408—450). Карин в то время стал центром Западной Армении и резиденцией Комеса. В начальный период он имел слабую оборонительную систему, которая впоследствии была укреплена—сперва при императоре Анастасии (491—565), затем при Юстиниане I (527—565).

Созданный у подножия обильной водами, красиво расположенной горы, Карин в V—VI вв. был обнесен крепостными стенами

(имевшими многоступенчатое основание) и высокими башнями. Эта оборонительная система была окружена искусственными ямами, которые, подобно горным ущельям, имели большую глубину и находились в кольце мощных бастионов (маленьких замков).

Город имел водопровод и тайные подземные пути для доставки, в случае осады, топлива, корма для животных. В известной легенде о Моисее и Давиде упоминается о том, что здесь были великолепные дворцы и башни, чистые улицы, площади и рынки, вызывающие восхищение храмы и широкие городские ворота.

Карин славился многими высокохудожественными архитектурными сооружениями. И это понятно, поскольку еще в античный период такие сооружения были характерны для его районов (храм культа Анаит в области Екехяц, храм культа Михра в области Дерджан и т. д.).

Об основных градостроительных принципах Карина, Аршакавана и Двина нет сведений. Очевидно лишь, что, как и в других средневековых городах, композиционным центром у них являлась цитадель. Городские кварталы размещались в соответствии с их ролью в жизни населения. Несомненно, что на градостроительные принципы Аршакавана, Двина и Карина могли оказать влияние традиции древнейших городов Армении.

О светских постройках IV—VI вв. (жилые, общественные и производственные здания) нам известно очень мало. Сохранились лишь остатки дворца католикоса, тронного зала в Двине и плотины обширного искусственного озера на юго-восточной стороне Ерерукской базилики.

Дворец католикоса в Двине. Этот выдающийся памятник светской архитектуры—один из самых примечательных сооружений архитектурного комплекса главного квартала города. Открытый во время раскопок 1937—1939 гг., он сразу приковал к себе внимание многочисленных исследователей армянской архитектуры. Точное время постройки дворца неизвестно. На основе анализа ряда исторических событий, связанных с перенесением католикосата в Двин, К. Кафадарян относит его ко второй половине V в.[3] Будучи жилым помещением, дворец одновременно использовался и для различных церковных и светских мероприятий. В 652 г. католикос Нерсес III принял здесь императора Византии Константина.

В плане дворец католикоса представлял собой почти квадрат размером 31×32 м. По его оси восток—запад создана украшенная колоннами площадь, к которой примыкают с южной и северной стороны пять пар комнат. Площадь четырьмя парами мощных колонн разделялась на широкую (центральную) и две узкие части. Все комнаты, за исключением одной, имели самостоятельное сообщение с колонным пространством.

Главный вход дворца находился на продольной оси южного крыла, по одному дверному проему имелось также на западном и, возможно, восточном фасадах, обращенных к колоннаде.

Здание было возведено из чистотесаного туфа, уложенного на известковом растворе. В настоящее время сохранились лишь фундаменты, незначительные остатки кладки стен, на своих изначальных местах пять баз от колонн, одна капитель и обломки ряда элементов здания.

Базы по своему общему очертанию приближаются к архитектуре дохристианской (античной) эпохи, а их детали, (нижняя плита, наложенный на нее валик и т. д.) выдержаны в пропорциях, характерных для памятников эпохи раннего христианства.

Фуст колонны каменный, увенчан внушительной капителью (0,90×2,00 м), изготовленной из цельного камня. Обработан лишь фасад капители, обращенный к среднему нефу. И хотя она напоминает капители ионийского ордера, все же по характеру обработки (общий объемный контур капители, украшенные пальметками волюты, стиль орнаментов абаки и т. д.) сильно отличается от них и тесно увязывается с традициями местного искусства.

Для воспроизведения пространственно-объемной композиции двинского дворца католикоса большой интерес представляет выяснение значения его колонного пространства и кровли.

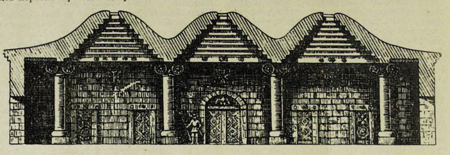
На основе изучения сохранившихся на месте остатков (расстановка колонных баз, формы капители) часть исследователей (Н. Токарский) считает, что центральное пространство представляло собой открытый двор, украшенный колоннами и не имевший покрытия, а пространство между колоннами и противоположными стенами имело плоское деревянное покрытие. По мнению Н. Токарского, выемка в верхней части капители указывает на то, что на каменные столбы укладывались крупные деревянные балки, которые вместе с противоположными стенами несли всю тяжесть покрытия.

[3] Того же мнения придерживается В. М. Арутюнян. Н. М. Токарский и С. Х. Мнацаканян считают дворец католикоса в Двине произведением VII в., а О. Х. Халпахчьян—V в.

Согласно этой точке зрения, две группы по пять комнат, расположенные по обеим сторонам колонного пространства, представляли самостоятельные здания. Последние сообщались между собою с помощью крытых переходов коротких фасадов двора.

нейшем, получив большие повреждения во время сильного землетрясения 893 г., был отремонтирован и превращен в мечеть.

Интересен также зал, обнаруженный в 1962 г. на восточной стороне вершины цитадели Двина. Зал этот, по мнению К. Г. Кафадаряна, был построен в тридцатых годах четвертого века и являлся «тронным залом» армянских царей Аршакуни.



Двин. Патриарший дворец. Реконструкция В. М. Арутюняна.

Другие исследователи рассматривают это пространство как центральный зал, соединивший между собою две группы комнат, причем некоторые из них (К. Кафадарян) находят, что поскольку зал по плану похож на плановые формы базиликальных зданий, его перекрытие соответствовало постройкам этого типа. Существует и другая точка зрения (В. Арутюнян), согласно которой зал имел перекрытие, аналогичное перекрытию народных жилищ типа «азарашен» («согомакаш»).

Последняя точка зрения и составленный на ее основе проект реконструкции первоначального вида дворца представляются наиболее вероятными.

Благодаря равенству расстояний между колоннами в продольном и поперечном направлениях, в центральной части зала получаются три одинаковых квадрата, на каждом из которых, предположительно, возвышалось по одному пирамидальному куполу с ердиком в центре, образованному последовательно поднимавшимися деревянными многоугольниками. Предполагается, что так именно колонный зал был перекрыт тремя одинаковыми, следующими друг за другом деревянными куполами.

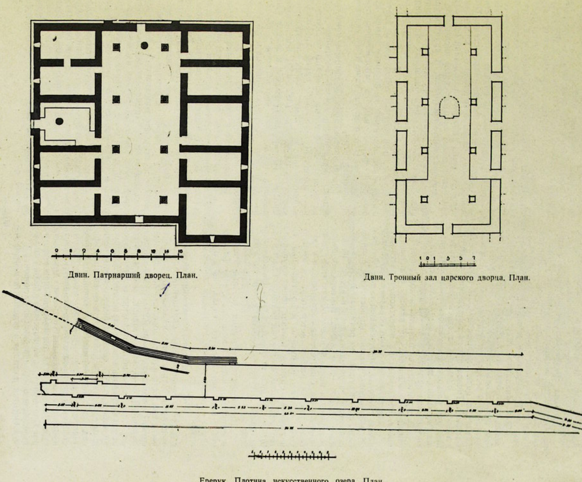
Подобные купола встречаются также в постройках типа народных жилищ. Позже (X—XIII вв.) эта форма появляется в трапезных монастырских комплексов, в притворах и т. д.

В первоначальном виде дворец католикоса сохранился, вероятно, до IX в., а в дальнейшем

Зал имеет прямоугольный план размером 12,5×28,25 м, который посредством двух пар опор был разделен на два малых и один большой неф. Предполагается, что сохранившиеся в центре главного нефа остатки строения принадлежали пьедесталу царского трона. Здание, судя по всему, служило не только для собраний делового характера, но и для торжественных обедов и пиров. Оно имеет ориентацию с востока на запад. К сожалению, от этой примечательной постройки сохранились лишь отдельные части ее пола и фундамента.

Обнаруженные в разных местах архитектурные детали, относящиеся к XII—XIII вв., показывают, что строительная жизнь в Двине продолжалась до позднего средневековья.

Дворцы католикосов сооружались также в Вагаршапате и Аштишате. Аштишатский дворец имел такое замечательное строение и находился в такой живописной местности, что, по свидетельству историка V в. Павстоса Бузанда, посетивший его в IV в. некий высокопоставленный сановник, «...прогуливаясь *по большой красивой площади от палат до часовен святых* (курсив наш.—*А. С.*) и завидев прекрасное расположение местности, откуда открывался чарующий вид, исполнился зависти и угрожающе сказал: «Кто же предоставил эти места лицам в женском одеянии, а не мужчинам?... Мы снесем все и построим



Двин. Патриарший дворец. План.

Двин. Тронный зал царского дворца. План.

Ерерук. Плотина искусственного озера. План.

здесь царский дворец». К сожалению, ни об Аштишатском, ни о Вагаршапатском дворцах пока конкретно ничего не известно.

Плотина Ерерукского искусственного озера. Находится недалеко от столицы Багратидов Ани, в историческом поселке Ширака Ереруке, приблизительно в 200 м к юго-востоку от Ерерукской базилики.

Это уникальное гидротехническое сооружение было открыто в 1958 г. во время раскопок, проведенных Управлением по охране памятников Госстроя и Институтом искусств Академии наук Армянской ССР (рук. А. А. Саинян). Точное время сооружения плотины неизвестно, однако ее структура и найденные при раскопках археологические материалы (керамика, монеты) позволяют отнести ее ко времени не позднее V—VI вв.

В строительстве плотины использован тесаный местный анийский камень оранжевого цвета, сложенный на известковом растворе.

Искусственное озеро образовалось из-под речки, некогда протекавшей к реке Ахурян по небольшому ущелью на восточной стороне базилики. Крупная по размерам плотина, построенная перпендикулярно к руслу речки, имеет свыше 120 м длины. На верхних склонах ущелья плотина имеет общую стену толщиной 4,4 м. Она тянется непрерывно и в глубине ущелья разветвляется, образуя вторую стену в виде вогнутого многоугольника. С внутренней стороны плотина имеет ступенчатое устройство, а снаружи цельную плоскость, 0,25—0,35×0,65 м обработанную пилястрами, которые отстают друг от друга на 5,00—6,00 м.

Интересна конструкция двойных стен в центральной части плотины. Здесь фасады обеих стен, как той, что направлена к озеру, так и стоящей за ней, построены из тесаного камня.

С особой тщательностью обработан фасад стены второго ряда, обращенный к озеру, от которой сохранились остатки одной пилястры и три ряда кладки довольно большой высоты. Нижний ряд имеет 0,95—1,11 м высоты, второй—0,76—0,81 м, верхний—0,55 м. Вряд ли стена подобной конструкции создавалась с целью придать этой части плотины большую прочность, ибо незачем было с таким большим старанием обрабатывать ее внешний фасад и тут же закрывать его какой-то массой (заполняющей пространство между двумя стенами и еще более укрепляющей эту часть плотины). Очевидно, здесь была другая постройка, связанная с использованием вод озера. Подлинное ее назначение, быть может, выяснится после завершения раскопок.

Остатки плотины в отдельных местах достигают 2,50—3,00 м высоты. Стало быть, поверхность раскинувшегося перед нею озера составляла несколько гектаров.

Несомненно, озеро создавалось с хозяйственными целями (оросительными и другими), однако строение фасада обращенных к озеру прибрежных крепостных стен соседнего базиликального здания (базы с изящными очертаниями контрфорсов, обработка плоскостей стен и т. д.) показывает, что от внимания современников не ускользнуло гигиеническое значение этой огромной водной поверхности, как и сила ее эстетического воздействия. Полезное у них разумно сочеталось с красивым, вокруг чудесной постройки базилики был создан самобытный архитектурный ансамбль[4].

Мемориальные постройки. В архитектуре Армении эпохи раннего феодализма возник ряд замечательных мемориальных памятников (надгробия, обелиски, воздвигнутые по разным поводам, стелы и т. д.).

Стелы представляют собой плиты, вертикально поставленные на крупные камни кубической формы или на многоступенчатые пьедесталы. И те и другие чаще всего украшались орнаментом.

Среди надгробных памятников примечательны вкопанные в землю постройки (типа катакомб), из которых известны великолепные гробницы армянских царей Аршакидов в Ани-Камахе и в замке Ангех, построенная католикосом Сааком (387—439) под храмом Рипсиме (Вагаршапат) низкая и темная усыпальница, надгробие, поставленное в Ошакане над могилой Месропа Маштоца и такие же памятники в селе Ардви, в селе Ахц Аштаракского района, в селе Зовуни и т. д.

Усыпальница в Ахце. Описывая разрушения, совершенные в 364 г. персидскими войсками в крепости Ани, в области Даранагяц, Павстос Бузанд пишет: «Они рыли могилы армянских царей, храбрых мужей Аршакуни, и кости их увозили в плен. Не смогли вскрыть лишь усыпальницу царя Санатрука, представлявшую собою огромное, неимоверно крепкое и искусное сооружение». Далее Бузанд сообщает, что армяне отбили кости своих царей, «отвезли и захоронили их в укрепленном селе Алдзк в гаваре Айрарат, в одном из узких и труднодоступных ущелий большой горы Арагац».

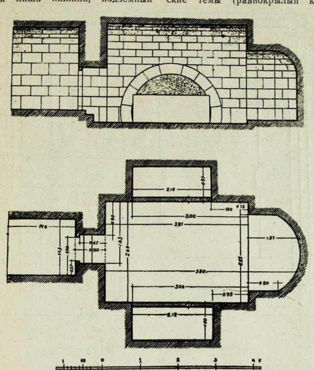
Таким образом, в шестидесятых годах IV в. была создана новая усыпальница армянских Аршакидов. Возможно, что она имеет известную общность с прочными и искусно

[4] О некогда существовавшем к востоку от базилики пруде местные жители сообщили Н. Марру и Т. Тораманяну.

построенными руками армянских мастеров усыпальницами в Ани-Камахе и может дать представление также о них.

Усыпальница в Ахце была двухэтажной. От нее остался лишь нижний, подземный

Вход находится в западной части; его камни с обеих сторон, а также камни на фасадах прямоугольных ниш украшены многочисленными рельефами на религиозные и светские темы (равнокрылый крест в круглой



Ахц. Усыпальница Аршакидов. Разрез и план.

этаж. Стены сохранившейся части каменные, покрытие—сводчатое, арки имеют сильно акцентированное подковообразное очертание. Подковообразен также свод у преддверья. Подобные перекрытия имеются и в Вагаршапате, в наиболее древних постройках нижнего этажа храмов VII в. Рипсиме и Гаяне. План подземного этажа усыпальницы в Ахце имеет крестообразную композицию; от небольшого пространства ее центральной части (3,81× 2,66 м) к востоку расположен вогнутый проем апсиды, к северу и к югу—по одной прямоугольной нише, где и были погребены кости царей.

рамке, известный сюжет «Даниил в логове львов», сцены борьбы со зверями, различные животные, птицы и т. д.).

Двухэтажная усыпальница Зовуни находится в исторической области Ниг, которую, согласно Апаранской греческой надписи, царь Трдат II пожаловал в III в. князьям Гнтуни.

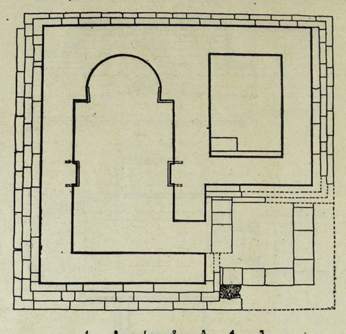
В Зовуни существовал ряд примечательных исторических памятников, из которых сохранились лишь развалины купольного храма, однонефной церкви, двухэтажной усыпальницы и небольшой часовни при нем.

Для того, чтобы три последних памятника не остались под водою вновь созданного

Апаранского водохранилища, они перенесены в том же виде на возвышенность, находящуюся на восточном краю села.

По общему замыслу усыпальница и часовня при ней являются уникальным памятником средневековой армянской архитектуры. По плану он представляет квадрат размером 9,37×9,39 м. На северной его стороне расположена часовня, а на южной—двухэтажная усыпальница и созданные на его продолжении сени зала. Сени, повторяя в плане прямоугольную форму плановой композиции всего комплекса, имеют соответственно фасадам часовни и усыпальницы соотношение «золотого сечения».

Богатый интерьер имела часовня при усыпальнице. Стиль обработки ее отдельных деталей (капители, украшенные листьями аканта и орнаментированные равнокрылыми крестами, базы, имеющие горизонтальную обработку, и т. д.), схожий со стилем добавленных в V в. деталей первоначальных сооружений христианского культа в Армении—храмов Касаха и Текора, является продуктом той же эпохи, в которую были сделаны эти добавления.



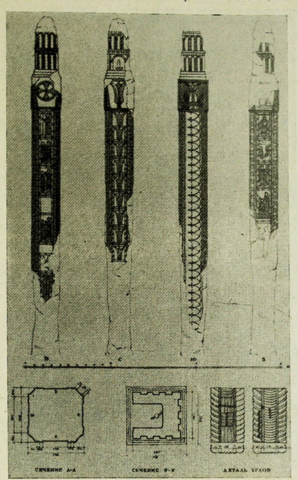
Зовуни. Усыпальница. План.

Памятник носит имя св. Вардана. Он сооружен в память павшего в 451 г. в Аварайрском сражении полководца Вардана Мамиконяна. В примыкающей гробнице похоронен, по всей вероятности, погибший вместе с Варданом Мамиконяном соратник его Тачат Гнтуни.

Из мемориальных построек этой эпохи примечателен также Одзунский памятник. Он входит в архитектурный комплекс купольной базилики исторического села Одзун (Туманянский район), являющийся произведением, по меньшей мере, VI в. С какой целью был воздвигнут памятник (на могиле или по какому-либо другому поводу), неизвестно.

Одзунский памятник построен из гладко

обтесанного светло-розового камня. Разработанная двумя арками, в стройных пропорциях, его постройка подымается над высоким пьедесталом, украшенным ступенями, и венчается богатым карнизом. Выше карниза сохранились остатки архитектурных деталей, составляющих продолжение памятника.



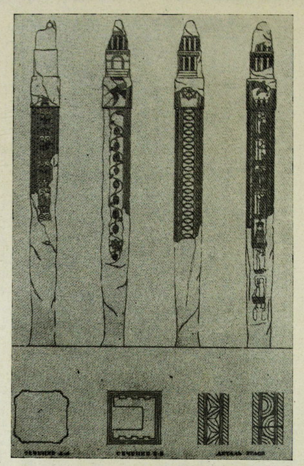
Одзун. Надгробный памятник. Детали стелл. Обмер О. Акопяна.

В проемах арок размещено по одной стеле высотой 4 м, украшенных орнаментом и прямоугольных в сечении. На западном, главном и восточном фасадах камней представлены различные сцены, связанные с распространением христианской религии. Предполагается, что рельефы западных фасадов (богоматерь, крещение Иисуса, Иисус, сидящий на троне, апостолы, византийский император

Константин с сестрой) символизируют утверждение христианской религии в Византии. Рельефы восточных фасадов связаны с историей распространения христианства в Армении Григором Лусаворичем и царем Трдатом и созданной вокруг нее легенды (превращение Трдата в свинью, излечение его после принятие христианской религии, создание постройки над могилой девы Рипсиме и т. д.).

На других фасадах изображены геометрические и растительные орнаменты. Характер орнаментов и строительное искусство подтверждают правильность той точки зрения, что памятник целиком сооружен не позднее VI вв.

Подобные обелиски, различной формы и



Одзун. Надгробный памятник. Детали стелл. Обмер О. Акопяна.

размеров, имеются почти у всех культовых и мемориальных памятников IV—VI вв.

Культовые постройки. Ко времени провозглашения христианства государственной религией Армении (301) в стране существовали многочисленные постройки языческого культа. Распространение новой религии сопровождалось ожесточенной борьбой против язычества. Трдат III и основатель армянской церкви Григор Пахлавуни («Лусаворич») при поддержке правительственных войск разрушали очаги языческой религии и на их местах воздвигали первые храмы нового культа.

В Аштишате—главном центре языческой религии—была создана «первая и большая армянская соборная церковь». Многие новостройки христианского культа воздвигались на фундаментах разрушенных капищ. Сохранилось сведение, что недалеко от Аштишата для новой церкви, построенной на месте разрушенного капища, была принята форма плана языческого храма. «Ибо церковь была основана на том же месте, тех же размеров, но только они [язычники] молились на запад».

Очевидно, что план языческого храма имел прямоугольно-продольную структуру, причем алтарь находился в его западной части. При строительстве христианских храмов он был перенесен на восточную сторону молитвенного зала.

Не только плановая, но и пространственно-объемная композиция языческого храма в основном удовлетворяла требованиям, которые предъявлялись первым постройкам христианского культа. Для того, чтобы во всех местностях страны быстро создать центры нового культа, иногда просто «освящали» языческие храмы и превращали их в церкви.

Первые культовые постройки эпохи раннего христианства представляли собой залы совершенно простой прямоугольно-продольной формы. При небольших размерах они имели только четыре стены с плоским деревянным или сводчатым (каменным) покрытием; если же строились залы большей вместимости, то вдоль их продольных стен воздвигалось несколько рядов пилонов (или колонн), чтобы посредством создаваемых между стенами дополнительных опор облегчить применение упомянутых выше покрытий. Внутренняя пространственная композиция этих храмов составляет органическое целое с их внешними объемами.

Значение здания, его идейное содержание зодчие стремились выразить архитектурно сдержанными, а в эмоциональном отношении довольно сильными средствами—при помощи гладких стен. Стена, ее лицевой многоцветный камень, фактура камня являлись в этих постройках основным средством архитектурной выразительности. Художественная выразительность здания достигалась тем, что стенам придавалось несколько сильных архитектурных акцентов (многоступенчатый стилобат, богато разработанный карниз), особенно путем взаимной обусловленности и гармонии этих плоскостей как между собою, так и в отношении пропорциональностей всей композиции и отдельных деталей постройки.

Первоначальная простая постройка христианских храмов с течением времени постепенно видоизменялась. Получая различные дополнения в виде новых архитектурных форм и деталей, она становилась основой для создания новых типов культовых построек.

В IV—V вв. в восточной части молитвенных залов иногда создавались одна-две, а в отдельных постройках даже четыре вспомогательные комнаты—две на восточной и две на западной стороне. Большей частью эти комнаты были двухэтажными. Из канонов католикоса Саака (387—439) и второго Двинского церковного собора (555) следует, что в начальный период (IV—V вв.) восточные комнаты являлись летним жилищем старшего священника или его помощника. Впоследствии (VI—VII вв.) они служили также местом хранения церковной утвари, а позже перестали быть помещениями для жилья (наряду с хранением утвари там совершались различные требы).

Комнаты западной стороны появились позже и использовались как место для покаяния. Для лиц, не принявших крещения и совершивших определенные преступления, в начальный период распространения христианской религии отводилось специальное место, где они каялись некоторое время и после этого получали доступ в общий молитвенный зал.

В большей части христианских храмов местом для кающихся служили передние (нартексы), расположенные у западного фасада молитвенных залов. По-видимому, в армянских постройках для этой цели служили не только комнаты, примыкавшие к западной части молитвенных залов, но и украшенные колоннами или арками внешние залы. Подобными помещениями располагали как малые (однонефные), так и большие (трехнефные) храмы и даже некоторые купольные постройки.

Примечательно, что в большинстве этих памятников внешние залы (галереи) являлись добавлениями, сделанными впоследствии. Очевидно, что необходимость в них возникла после создания первоначальных построек, но когда—точно неизвестно.

Принятые на первом Никейском вселенском

соборе (325) обязательные для всех церквей постановления включали и закон относительно кающихся. Армянская церковь как участница этого собора также должна была применять этот закон. Следовательно, необходимость строительства наружных галерей могла возникнуть, по крайней мере, со второй четверти IV в. По свидетельству историка V в. Казара Парпеци, в Армении такие залы существовали в 80-х гг. V в., что можно считать самым поздним периодом их появления. В дальнейшем необходимость сооружения внешних колонных залов отпадает. Храмы конца VI—начала VII вв. (Аван, VI в.; Рипсиме, 618 г.; Гаяне, 630 г.) строились без них.

В ту эпоху подобные залы появляются и в соседних странах, принявших христианство (в Грузии—в Болнисском Сионе, 478/9—493/4 гг., в Цхароставской базилике, V—VI вв., в Сирии—в Рувее, V—VI вв., в Турманине, V—VI вв. и т. д.).

Сохранились памятники, внешние залы которых с восточной стороны имеют полуциркульные ниши (апсиды-хораны). По-видимому, эти побочные хораны, подобно аналогичным постройкам Месопотамии, в будничные дни служили для треб или же предназначались для отправления обеден.

Происшедшие в V в. изменения в социально-экономической и культурной жизни Армении выдвинули необходимость новых архитектурных замыслов. Вместо узкого и вытянутого, часто расчлененного отдельными нефами молитвенного зала продольной постройки появляется широкая и собранная, более цельная и выразительная композиция, а в монументальных культовых постройках—и ранее известный в Армении купол.

Внедрением купола подчеркивается вертикальная ось здания, вокруг подкупольного пространства постепенно сосредоточивается вся внутренне-объемная структура храма. Создается новая объемно-пространственная система культовой постройки: будучи ее композиционным центром, купол становится основой для разнообразных типов купольных храмов.

Наряду с купольными постройками, которые появляются на базе продольных храмов IV—V вв. (купольная базилика, купольный зал, продольный трехапсидный храм), возникает совершенно новая пространственно-объемная композиция (тип крестообразной центральнокупольной постройки).

Многие из древнейших храмов (которые еще больше связываются со строительным искусством языческой эпохи) вначале либо не имели окон, либо они были очень маленькие. После принятия христианства в старых зданиях, чтобы получить обильный свет, прорезывали стены, а в новых создавали многочисленные окна, которые отличались большими размерами, прямоугольным разрезом в горизонтальном направлении и подковообразным завершением. Окна имели характерные для искусства раннехристианской эпохи совершенно просто обработанные бровки либо окаймляющие их на всю высоту наличники.

Во всех этих храмах главный вход находится на западном, остальные—на южном и очень редко на северном фасаде. (Только в Цицернакаване и Танаате главный вход находится на южном фасаде). Входы наиболее древних храмов имеют простую форму, покрыты цельной перемычкой (тимпаном, закрывающим проем) и по сравнению с средневековыми храмами имеют большие размеры.

Примечательно устройство перемычки. Между перемычкой и верхней стеной по ширине входа оставлено свободное пространство в 3—4 см, а в центре кладки, расположенной над перемычкой, поставлен клинообразный (замковый) камень. Впоследствии (вторая половина IV—начало V в.) лицевые стороны перемычки украшаются резьбой, а вокруг входного проема создается интересная композиция портала. С двух сторон проема воздвигаются по одной или по две пилястры, на них ставится орнаментированная общая капитель, а продолжающаяся от них разгрузочная подковообразная арка берется в богато обработанный фронтон.

На капителях более древних храмов (IV в.) изваяны интересные варианты стилизованного листа аканта, напоминающие своим общим видом обработку и пропорции капители коринфского ордера. Позднее (V—VI вв.) на капителях появляются равнокрылые кресты, часто окруженные пальмами.

Композиционным центром рельефов, созданных на перемычках, служит крест—символ христианской религии. С обеих его сторон изваяны птицы (голубь) или другие животные (лань, овца), представленные в окружении пальм и вместе со всей композицией заключенные в своеобразный венец, сплетенный из гармоничного сочетания гроздьев и листьев винограда. Композиция созданного вокруг креста орнамента напоминает известную в свое время картину, выражавшую в символической форме определенную религиозную тематику.

Рельефы с подобным сюжетом отдельно или в центре общей композиции имеются как на капителях культовых построек и мемориальных сооружениях Армении той же эпохи,

так и на аналогичных памятниках других христианских стран (в Грузии—на Болнисском Сионе, в Византии—на отдельных саркофагах храма св. Виталия в Равенне и других местах).

Орнаментированная часть перемычки часто окаймляется рамкой, созданной из следующих друг за другом в ритмичной последовательности гроздьев и листьев винограда, причем в Армении данная композиция находит широкое распространение на многих памятниках средневековой архитектуры.

Интерьер наиболее значительных храмов оформлялся росписью и мозаикой. Об этом свидетельствуют сохранившиеся на стенах и различных деталях ряда построек (Текор, Ерерук, Касах, Ахц) остатки древнейших росписей, как и выявленные во время раскопок некоторых узловых памятников (Эчмиадзин, Двин) остатки стенной росписи и мозаики.

К сожалению, и стенная роспись, и мозаика, подверженные быстрому разрушению, не оставили на полуразрушенных памятниках, прошедших через полутоpатысячелетние испытания, таких следов, чтобы можно было коснуться их содержания.

На тесаных камнях стен большей частью сохранились лишь первый, чрезвычайно тонкий слой росписи (предкраска) и местами следы розового, белого или зеленого цвета. Признаки окраски имеются и на внешних стенах отдельных храмов. На некоторых архитектурных деталях (капитель галереи, Касах) заметен вчерченный в пальмы равнокрылый крест. Л. Н. Дурново справедливо связывает эти пальмы с урартским искусством.

Во время раскопок, произведенных в начале нынешнего века в Двине, среди обломков мозаики был обнаружен лик богоматери, а в Эчмиадзине— большое количество кубиков мозаики, имеющих богатую цветовую гамму. Кубики изготовлены из естественных камней, преимущественно из смальты, часто позолоченной.

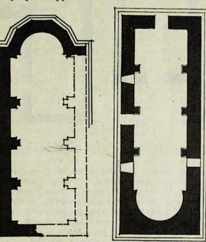
Таким образом, первые храмы христианского культа, имевшие совершенно простую форму, постепенно видоизменялись и достигли более сложной ступени формирования базиликальных построек.

От этой эпохи известны свыше нескольких десятков выдающихся построек: из однонефных—Джарджарис, Лернакерт (Ширванджук), Танаат, Карнут (Дираклар), Оганаванк, Егвард, Гарни и т. д.; из трехнефных—Касах, Эчмиадзин, Текор, Ерерук, Двин, Аштарак, Егвард, Цицернакаванк, Зовуни, Ахц и т. д.

Познакомимся с несколькими характерными памятниками, дающими представление об уровне архитектурно-строительного искусства рассматриваемой эпохи и процессе его дальнейшего развития.

Однонефный храм Джарджариса. Расположен на северном подножье горы Арагац, в нынешнем селе Джарджарис Апаранского района. Это одна из самых крупных однонефных построек Армении. В настоящее время находится в полуразрушенном состоянии—сохранились лишь остатки северной и восточной стены.

Для постройки храма использован местный серый туф, перекрытие каменное, кровля черепичная. Стены толстые, основная несущая масса—раствор внутри стен; камни стенной кладки играют по существу облицовочную роль. В ряде мест, как снаружи, так и изнутри, камни выпали, но стены держатся благодаря раствору.



Планы однонефных церквей: а) в Джарджарисе; б) в Лернакерте.

План представляет собой прямоугольный зал размером 6,62×17,63 м, завершенный с восточной стороны обширной апсидой. Изнутри апсида имеет акцентированное подковообразное завершение, а снаружи представляет собой многоугольник с пятью гранями в плане. От пилястр продольных стен зала идут подковообразные арки, которые и поддерживали сводчатое покрытие. Апсида глухая, без окон, что является редкостью для культовых пост-

роек Армении эпохи раннего христианства.

На центральной грани апсиды, где должен был находиться оконный проем, высечен характерный для искусства эпохи раннего христианства равнокрылый крест, взятый в ичный карниз, рельефы раннехристианской эпохи и т. д.) это, несомненно, постройка IV—V вв.

Однонефный храм в Лернакерте. Это, пожалуй, единственный образец однонефных построек раннехристианской эпохи, сохранивший почти в нетронутом виде всю свою пространственно-объемную композицию. Храм построен в селе Лернакерт Артикского района.

План имеет простую форму в соотношении приблизительно 1:3 (8,2×22,4 м) и прямоугольный зал с сильноакцентированной подко-

а б в г

Планы однонефных церквей: а) в Егварде; б) в Танаате; в) в Карпуте; г) в Гарни.

круглую рамку, что уже само по себе свидетельствует о древнейшем происхождении памятника. Пространственно-объемная композиция здания покоится на стилобате, который на двух фасадах имеет три, на восточном фасаде—две и на северном—одну ступень. Северная стена не имеет ни одного проема, она целиком глухая. На восточном фасаде сохранились остатки модульонов главного карниза. На поверхностях внешних и внутренних стен здания (на внешней стороне северной стены, на остатках карниза апсиды, на равнокрылом кресте и т. д.) заметны следы каштановой, прозрачно-розовой краски.

Время постройки Джарджариса, как и других многочисленных памятников раннехристианской эпохи, точно не установлено. Однако судя по плановой и пространственно-объемной композиции, по обработке деталей (массивные Т-образные пилястры, подковообразные подпружные арки, импосты древнейшей формы, обработанный модульонами арха-вообразной апсидой в его восточной части. Если многогранный объем апсиды предыдущего памятника из внутренней постройки зала выступает наружу, то здесь апсида и восточный фасад храма взяты в общую стену и вместе с залом составляют органическое целое. По сравнению с Джарджарисом, план храма Лернакерта имеет более четкую, законченную структуру.

Внутреннее пространство зала с помощью трех пар пилястр разделено на четыре равных отсека, что облегчает постройку сводчатого покрытия.

Общий объем храма возвышается над массивным стилобатом и венчается богатыми фронтонами на коротких фасадах. Всей своей обработкой фронтоны (окаймленный с трех сторон и украшенный модульонами карниз, способ построения карниза и т. д.) определенно перекликаются с аналогичными деталями архитектурного искусства античной эпохи. На гладком фоне стены главного (западного)

фасада создана четкая структура входа, а над ним пара таких же простых окон с вогнутым завершением.

Общая композиция и обработка деталей дает основание относить здание к одним из первых в Армении храмов христианского культа. Не исключено, что первоначально оно было языческим капищем.

Однонефный храм Танаата. Построен в селе Аравус Сисианского района. По сравнению с постройками Джарджарисского и Ерлакертского храмов Танаат имеет более сложную структуру и, несомненно, отражает последующую ступень формирования однонефных храмов раннехристианской эпохи.

Кроме зала, имеющего соотношение 1 : 2 (6,85×13,55 м), и подковообразной ниши апсиды, храм на южной стороне апсиды имеет комнату с неправильным планом, а на продолжении последней, по всей длине молитвенного зала—внешний колонный портик.

Стены здания толстые, камни в основном играют облицовочную роль. С течением времени у памятника рухнуло перекрытие, обвалились стены. Сохранились лишь части восточной, северной и южной стен залы, а также остатки вспомогательной комнаты. Отсутствие на продольных стенах зала пилястр, как и берущих от них начало подпружных арок, вероятно, указывает на то, что перекрытие здесь было не каменное (сводчатое), как в Джарджарисе и Ширванджухе, а деревянное.

Деревянную крышу (в VI в. была заменена каменной) имел и однонефный храм в Ованаванке, построенный, по преданию, Григором Лусаворичем в IV в.

Примечательно соединение стен апсиды и смежной комнаты. В том месте, где они примыкают друг к другу, по всей длине комнаты значительно уменьшена толщина стены апсиды, и свод, покрывающий комнату, начат из-под стены апсиды. Поэтому верхняя часть этой стены садится прямо на свод. Строитель здания вряд ли допустил бы такую нагрузку на свод. Если учесть и неправильную форму плана комнаты, то можно предполагать, что она является последующим дополнением к молитвенному залу. Таково же происхождение колонной галереи.

Трехнефная базилика Касаха. Построена в поселке Апаран исторического гавара Ниг, области Айарат, являвшейся царским доменом армянских Аршакидов. В дохристианскую эпоху Апаран был одной из летних резиденций армянских царей, где находился их дворец. Касахская базилика была, по всей вероятности, дворцовой молельней.

Данных о точной дате сооружения базилики нет. Однако архитектурно-строительный анализ показывает, что она является одной из первых построек христианского культа в Армении и существовала, по меньшей мере, с начала IV в.

Строительный материал—черный и сероватый туф, покрытие каменное (сводчатое), кровля черепичная.

Вначале храм имел совершенно четкую композицию. Он состоял из одного прямоугольного продольного молитвенного зала, разделенного двумя рядами пилонов с подковообразными арками на центральный и два боковых нефа. Нефы имели сводчатое завершение, причем все они были взяты под одну общую двускатную крышу. Подобная постройка называется «восточным типом базиликальных сооружений» или «залообразной церковью».

Первоначально храм имел алтарь (хоран) прямоугольной формы. Подобные алтари существовали в раннюю христианскую и последующие эпохи не только в аналогичных постройках Армении (Арцах, Текор, Бюракан, Егвард и т. д.), но и во многих соседних и отдаленных странах (северная Месопотамия, Сирия, Африка, Скандинавия и т. д.). В упомянутом историком V в. Казаром Парпеци «Видении» Саака Партева (387—439) говорится о прямоугольном четырехугольном алтаре («Алтарь четырехугольный»).

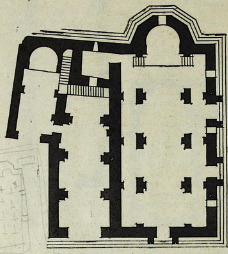
Впоследствии (вероятно, в V в.) прямоугольный алтарь был заменен нынешней подковообразной изнутри и многогранной снаружи апсидой. Об этом говорит тот факт, что фундаменты и стены молитвенного зала и апсиды явно отличаются друг от друга.

Другое добавление—это комната на северной стороне молитвенного зала, имеющая неправильный (косоугольный) план. Весь каменный свод комнаты и значительная часть ее стен без строительной связи прямо примыкают к плоскости стены зала. Вслед за постройкой комнаты последовало добавление сводчатого зала.

В настоящее время от базилики сохранились внешние стены молитвенного зала, а в интерьере—южная аркада главного нефа, многогранная апсида, остатки комнаты и внешнего зала. Сохранившаяся часть позволила воспроизвести полную картину первоначальной постройки.

Для армянской архитектуры в основном характерны логический замысел постройки, целесообразная организация пространства,

правдивая тектоника и единство пространственных и объемных решений. Лучшим ее произведениям были чужды излишества. Эти особенности, присущие классической архитектуре, как это показывает архитектура первоначальной постройки базилики Касаха, характерны были для Армении с эпохи раннего христианства (быть может, и дохристианской).



Касах. Трехнефная базилика. План.

Эта замечательная культовая постройка возведена у истоков одного из вечных родников горы Арагац, откуда берет начало река Касах. Пространственно-объемная композиция храма выделяется на фоне Арагаца и своими сдержанными, несколько суровыми архитектурными формами своеобразно гармонирует с не менее суровой природой этой горной местности.

Художественной выразительности сооружения зодчие стремились достичь с помощью нескольких скупых архитектурных акцентов, придаваемых простым плоскостям стен (стилобат, карниз) и, особенно, с помощью архитектурных пропорций.

Большой интерес представляет с этой точки зрения постройка Касахской базилики. В ней наличествует четкая система пропорциональностей как между отдельными частями общей композиции, так и между ними и композицией в целом. В качестве исходной строительной единицы как в плане, так и в пространственно-объемной постройке принят размер пилона, являющегося основным конструктивно-несущим элементом здания.

В общей постройке базилики очевидны два основных архитектурных стиля. По своему внутреннему строению, как и по внешней пространственно-объемной композиции (пропорциональность фасадов, принцип сооружения фронтона, способ постройки аркад главного нефа и т. д.) первоначальная постройка храма связывается с архитектурным искусством античной (дохристианской) эпохи, а части, привнесенные впоследствии (многогранная апсида, внешний арочный зал, украшенные колоннами парадные входы, орнаменты тимпанов и т. д.)—с искусством раннехристианской эпохи. При этом существует явная общность между архитектурной отделкой поздних пристроек и отделкой деталей аналогичных сирийских и малоазийских построек. Стало быть, добавленные части, относящиеся к первым векам принятия христианства (IV—V вв.), связываются с искусством аналогичных построек той же эпохи, а первоначальная постройка, отдаляясь от этой эпохи, приближается к архитектурному искусству дохристианской Армении.

Трехнефная базилика Ерерука. Этот памятник—одно из общепризнанных достижений не только армянской классической архитектуры, но и архитектурно-строительного искусства раннехристианской эпохи вообще. Он проливает свет на ряд коренных вопросов происхождения и дальнейшего формирования армянской национальной архитектуры и в то же время содействует правильному толкованию существовавших в свое время культурных связей Армении и взаимовлияний с соседними народами.

Здание расположено на небольшой возвышенности в северо-западной части плотины искусственного озера Ерерука. Оно сооружено из местного анийского светло-оранжевого камня и по сравнению с Касахом имеет более тонкие стены (1,14 м).

План представляет прямоугольный зал размером 11,5×26,6 м. Между комнатами, расположенными в его углах, с южной, северной и западной сторон созданы внешние арочные галереи. Вся постройка базилики окаймлена с четырех сторон многоступенчатым стилобатом. В настоящее время сохранились стены зала почти первоначальной высоты, главная апсида, смежные с нею приделы, часть стен северо-западной комнаты, остатки внешних колонных галерей и многоступенча-

тый стилобат храма. Внутреннее пространство зала тремя парами пилонов разделялось на один широкий (центральный) и два боковых нефа.

Отдельно стоявшие пилоны полностью уничтожены временем; на стенах храма сохранились лишь соответствующие пилонам пилястры и несколько камней из аркад главного нефа, начинающихся с пилястр западной и восточной стен.

Остатки стены, огибающей юго-западный угол главного нефа (с запада на юг), показывают, что на аркадах главного нефа были воздвигнуты стены, в которых по всей вероятности, были устроены окна для освещения центрального пространства залы. Три окна главного нефа, построенные на западном фасаде и имеющие изящные очертания и пропорции, освещали центральную часть зала.

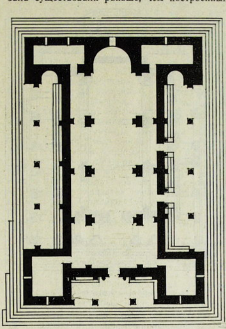
Следовательно, главный неф во всем своем объеме был поднят вверх с боковых нефов, и зал имел так называемое «базиликальное сечение». Как показывают сохранившиеся в восточном углу малого северного нефа вогнутые камни нижнего ряда перекрытия, малые нефы имели сводчатые покрытия из туфа. Таким же способом были покрыты угловые комнаты. Однако вопрос о том, какое перекрытие имел центральный неф—сводчатое или деревянное, пока остается не решенным.

Чтобы придать аркаде и главному нефу еще большую величественность и торжественность, пилоны поставлены на специальную площадку, расположенную выше пола боковых нефов на 40 см.

Общая, плановая и пространственно-объемная композиция базилики составляет органическое единство, которое, однако, создавалось не сразу. Например, последующим дополнением является передняя западного фасада. Сохранившиеся здесь подпружные арки и выступающие над ними нижние ряды свода без всякой строительной связи примыкают к стене зала, вследствие чего закрыты продолжения окон зала и окаймляющие их проемы наличники. Если принять во внимание всю высоту свода передней, то нетрудно заметить, что эти окна должны были целиком остаться в толще раствора свода. Следовательно, окна зала, скрытые за сводом передней, а значит и весь зал, существовали гораздо раньше, чем смежная с ними передняя.

Независимо от многоступенчатого стилобата, идущего по всему внешнему периметру храма, у внешних стен зала существуют три ступени.

На северном фасаде верхняя из трех ступеней наполовину, а две нижние полностью взяты под каменный пол колонного зала, и таким образом построен многоступенчатый стилобат, начинающийся с горизонта этого пола. Очевидно, что ступени у внешних стен зала существовали раньше, чем построенный

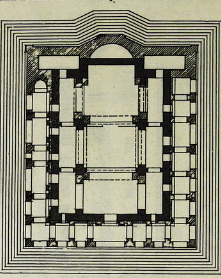


Ерерук. Трехнефная базилика. План.

над ними пол и многоступенчатый стилобат. Иначе незачем было с такой тщательностью обрабатывать ступени у внешних стен зала и затем покрывать их полом. Добавление многоступенчатого стилобата и пола, несомненно, было вызвано тем, что впоследствии построили колонную галерею. Если допустить, что многоступенчатый стилобат был построен одновременно с залом и примыкающими к его внешним стенам ступенями, то первоначальный пол колонной галереи должен был оказаться в глубокой яме между многоступенчатым стилобатом и ступенями, примыкающими к внешним стенам зала, что вряд ли было возможно.

Следовательно, многоступенчатый стилобат, как и построенный над ступенями у внешней стены пол и возвышающаяся над

ним колонная галерея—позднейшие добавления. То же самое было на южном фасаде. Такое предположение справедливо и в отношении комнат западного фасада.



Текор. Трехнефная базилика. План.

Совершенно ясно, что если отделить от общей композиции Ерерука позднейшие добавления (западную, северную и южную колонные галереи, многоступенчатый стилобат и, возможно, западные комнаты), то здание получит несравненно более простой вид (две комнаты с восточной стороны и один прямоугольный зал).

По мнению академика И. Орбели, был реконструирован и восточный фасад. Если восточные комнаты построены одновременно с залом, то здание приблизится ко второму периоду формирования Текора, если же они окажутся позднейшими добавлениями, примет совершенно простой вид Қасахской базилики.

Без этих добавлений здание отдаляется от аналогичных сирийских памятников (Турманин, Қалб-Лузе), с архитектурой которых в своем наличном виде имеет определенную общность.

Добавления сделаны с большим мастерством, с чувством меры и художественным вкусом. По существу, было создано соответствующее духу времени новое, более сложное и цельное сооружение.

Планово- и пространственно-объемная композиция базилики показывает, что и после перестройки наиболее торжественной и господствующей ее частью являлся, как и у однотипных памятников, западный, т. е. главный, фасад. Последний имеет симметричную обработку; комнаты, расположенные в его южном и северном углах и стоящие намного впереди западной стены, образовали перед залом обширную площадь. На этой площади располагается арочная галерея, где ритмичный ряд подковообразных арок гармонично сочетается с устремленным ввысь трехнефным залом, образуя постепенно возвышающуюся архитектурно-пространственную единую композицию.

Большая эмоциональная сила сообщена и южному фасаду. Величественно возвышаясь над многоступенчатым стилобатом, мощная аркада внешней галереи в двух концах взята в глухие стены угловых комнат и, создавая оживленную игру света и тени, гармонировала с общей плоскостью южной стены зала.

Стройные пропорции и сочные детали парадных входов, открытых на оранжевом фоне южной стены, и следующих над ними окон и отдельных деталей архитектурных форм даже в полуразрушенном состоянии сохранили силу своего художественного воздействия, доставляя и сегодня эстетическое наслаждение зрителю.

В отличие от тяжелых по своим пропорциям средневековых памятников аналогичного назначения, общая постройка базилики получила торжественный вид и оставляет впечатление светского здания. Она приближается больше всего к периптериальным (украшенным с четырех сторон колоннадами) храмам языческого культа античной эпохи.

Архитектурные детали базилики (наличники, капители, базы и т. д.) обработаны с тонким художественным вкусом. В отличие от простой структуры капителей других пилястров зала, капители пилястров, примыкающих к апсиде, как и капители внутренних и внешних апсид, имеют богатую отделку. На их фасадах изображены характерные для искусства ранней эпохи христианства равнокрылые кресты (по одному, иногда по два), взятые в круг и обрамленные устремленными ввысь красиво изваянными ветками пальмы.

Соответственно деталям храмов Текора и Қасаха пилястры пилонов парадных входов венчаются своеобразными капителями, напоминающими образ и пропорции капители коринфского ордера. С искусством античной

эпохи связываются и другие детали. Фусты колонн внешних галерей подобно фустам Гарнийского языческого храма имеют энтазис. Существует некоторое сходство между базами колонн внешних галерей Ерерука и так называемыми «атическими» базами колонн Гарнийского храма.

Некоторые детали базилики (капители пилястров, соединяющих три окна западного фасада главного нефа, волюты капителей колонн аркады, отдельные, покрытые вязью, капители и т. д.) стали первоисточником для обработки аналогичных деталей памятников последующих эпох (капителей подкупольных пилонов храма Птгни VI в., капителей колонн полукруглых апсид и пары пилястров первого этажа внешней стены храма Звартноц VII в. и т. д.). А композиция парадного входа южного фасада, либо в том же виде, либо подвергнутая частичным изменениям, появляется в многочисленных постройках армянской архитектуры последующих эпох.

Следовательно, архитектура Ерерукской базилики питалась искусством предшествующей дохристианской эпохи, находилась в определенном общении с архитектурой принявших христианство соседних народов (Сирия) и, в свою очередь, сама дала обильный материал архитектурно-строительному искусству Армении последующей эпохи.

Храм Текора. Один из узловых памятников самого раннего периода формирования армянской классической архитектуры. Будучи памятником того же периода, что и упомянутые выше постройки, находившиеся в процессе формирования, он с очевидностью показывает и последующую ступень развития архитектурно-строительного искусства Армении.

Текорский храм находится недалеко от Ани, у северного подножья крепости Текор, созданной еще в дохристианскую эпоху вблизи нынешнего села Дигор. В настоящее время храм полностью разрушен.

Жизнь на этой территории началась в далеком прошлом, приобрела значительный размах при князьях Камсараканах (V в.) и со временем, постепенно ослабевая, дошла до эпохи царствования Багратидов (X—XI вв.).

Время постройки храма точно не известно. Начертанная на перемычке его западного парадного входа строительская надпись Саака Камсаракана (V в.) приписывается времени реконструкции храма, а не основания.

Анализ архитектурно-строительного искусства храма показывает, что вначале он имел совершенно простые формы и, по-видимому, существовал с первых лет провозглашения христианства государственной религией Армении[5].

Первоначально храм представлял собой трехнефный молитвенный зал, главный алтарь которого вместе с нынешней полукруглой в плане апсидой имел прямоугольную форму. Нефы были завершены каменным сводом. Центральный, более высокий неф, освещался окнами, устроенными на продольных стенах. Следовательно, храм Текора, подобно Ерерукской базилике, имел «базиликальный разрез». Впоследствии (IV—V вв.), с учетом требований религиозных обрядов, к нему постепенно были добавлены наружные галереи, многогранная извне и вогнутая изнутри нынешняя постройка главного алтаря с примыкающими к нему комнатами, затем купол.

Нетрудно заметить, что храм Текора вместе с этими добавлениями (не считая купола) в основном принимает вид базилики Ерерука последнего периода ее формирования. С появлением же купола он вступает в последующую стадию развития базиликальных построек: создается примечательный образ купольной базилики, благодаря чему храм приобретает исключительное значение в истории развития армянской церковной архитектуры.

Как своеобразные культовые постройки, прошедшие определенный период формирования, центральнокупольные здания существовали в Армении, по меньшей мере, с V в. (Эчмиадзинский кафедральный собор). Возможно, прав Т. Тораманян, предполагая, что купол храма Текора был воздвигнут по образцу созданного в V в. купола Эчмиадзинского кафедрального собора. Но первоначальный купол Эчмиадзинского кафедрального собора не сохранился, а из древнейших куполов пока что известен купол Текорского храма, созданный, вероятно, в конце V в.

По сравнению с многообразными куполами армянской архитектуры, купол Текора имеет архаичную, чрезвычайно простую конструкцию. Ясно видно, что строители не имели еще необходимого опыта возведения купола но тем не менее осуществили свой замысел с большой изобретательностью. Покрывая куполом уже существующее здание, они увеличили межпилонные размеры продольного направления базилики, привели их в соответствие с межпилонными размерами поперечного на-

[5] Не имея возможности изучить памятник на месте, мы взяли относящиеся к нему основные материалы из исследования Тораманяна «Храм Текора» (Тифлис, 1911). По последним сведениям, развалины храма уже не существуют.

правления и таким образом получили четыре пилона, расположенные друг от друга на одинаковом расстоянии. Вслед за этим был создан подкупольный квадрат путем заполнения каменной кладкой пустого пространства углов арок, начиная от пилонов до верхнего края замкового камня. Затем, заложив в четырех углах подкупольного квадрата по камню, строители сначала создали многоугольник с восьмью неравными сторонами, а потом, постепенно подымаясь по кладке стены, идущей к центру, на определенной высоте изнутри получили многоугольник с восьмью сторонами, а снаружи сохранили четырехгранную структуру.

Т. Тораманян считает, что поскольку строители не были знакомы с принципами постройки совершенных куполов, они от сторон равностороннего многоугольника провели новые, суживающиеся (наклоняющиеся) к центру грани и получили пирамидальную конструкцию[6].

Очевидно, что строители купола использовали опыт существовавших в то время деревянных покрытий народных жилищ «азарашен» («согомакаш») либо принцип созданных по существу тем же способом каменных покрытий жилищ—долменов.

Сравнивая первоначальную структуру купола Текора с куполами последующих эпох (VI—VII вв.), можно воспроизвести процесс возникновения в Армении каменных куполов и их дальнейшее развитие. Первоначальная форма купола Текора—один из тех редких образцов, которые послужили прототипом для достигших высокого совершенства многообразных куполов армянских монументальных построек.

С добавлением купола трехнефный храм Текора был преобразован в купольную базилику, однако эта перестройка была выполнена таким образом, что создался общий контур центральнокупольной постройки. Так, для того, чтобы возможно было поднять купол из центра здания, пришлось снести пару пилонов восточной части молитвенного зала, вследствие чего сократилась длина храма. Таким образом, планово-пространственная и объемная структура здания, отдалившись от храмов продольного (базиликального) типа, получила более собранный и отвесный вид, характерный для центральнокупольных построек. Другими словами, купольная базилика приняла одновременно вид центральнокупольной постройки, что сыграло определенную роль в формировании построек этого типа.

Кроме добавлений, сделанных в IV—V вв., в Текоре производились значительные реконструктивные работы и в последующие века.

Конусообразное завершение купола, вогнутого изнутри и веерообразного снаружи, было создано не ранее X в. Подобная форма в армянской архитектуре появилась после X в. (Хцконк, X—XI вв., Мармашен, X—XI вв., Амберд—XI в.). Не исключено даже, что веерообразная конструкция купола Текорского храма явилась одним из первых образцов аналогичных покрытий или, быть может, их прототипом.

В ту же эпоху закрываются большие оконные проемы храма и на их месте создаются новые узкие и продолговатые окна с характерными для того времени орнаментированными бровками. Черепичное покрытие крыши заменяется каменными плитами.

Примечательна реконструкция подпружных арок, где вместо камней, имевших лучеобразное расположение, выложены зубчатые камни. От этого конструкция арок стала более монолитной, а сейсмостойкость сооружения—более надежной.

В такой стране, как Армения, где происходили сильные землетрясения, антисейсмические мероприятия, естественно, должны были привлечь внимание строителей. В тех пределах, которые позволяло строительное искусство эпохи, создатели первоначальной постройки храма и его последующих перестроек стремились обезопасить здание от разрушительных землетрясений. Так, например, с внутренней стороны внешних стен храма, в продольном направлении арок главного нефа, как и в последующем добавлении—купольном квадрате, были созданы антисейсмические деревянные пояса. Они устроены специально в направлении верхних краев арок; кроме того, несколько таких поясов устроено параллельно друг другу в отвесных стенах.

Подобная антисейсмическая мера, получившая за последние столетия широкое распространение в народной архитектуре, известна была армянским строителям, по меньшей мере, за полторы тысячи лет до этого.

Другим древнейшим памятником купольной базилики является Одзун. План его представляет собой разделенный на три нефа прямоугольный зал, где переход от подкупольного квадрата к кругу купола осуществлен посредством тромпов.

По сравнению с куполом Текора купол

[6] Покойный архитектор А. Акопян впервые обратил внимание на то, что наклон, напоминающий первоначальную внутреннюю конструкцию Текорского храма, имеет также внутреннюю структуру барабана храма Рипсиме, построенного в 618 г.

Одзуна имеет усовершенствованную форму и вместе с общей композицией храма составляет органическое целое. Молитвенный зал, подобно Текору, Ереруку, Двину, с трех сторон был окружен наружными галереями. Сохранившиеся на северном фасаде следы галереи, как и остатки ныне полуразрушенной галереи, примыкающие к южному и западному фасадам, ясно показывают, что наружные галереи непосредственно, без строительной связи, были приставлены к стенам храма.

Та же картина наблюдается и в соответствующих узлах парных пилястров портиков: здесь пилястры портиков, примыкающие к стенам храма, наполовину остались под пилонами наружных галерей.

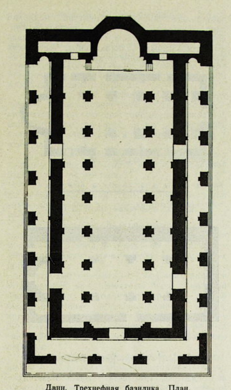
Очевидно, галереи западных, северных и южных фасадов, наподобие наружных галерей Касаха, Текора, Ерерука, Двина, полностью являются поздними добавлениями.

На северной, южной и западной стенах, в определенном отдалении друг от друга, сохранились каменные кронштейны, скрытые под сводчатым перекрытием внешней галереи. Быть может, эти кронштейны являются остатками наружного зала, имевшего более древнюю (возможно, деревянную) крышу, существовавшую до нынешнего сводчатого покрытия внешней галереи.

Подобные кронштейны имеются в постройках ранней эпохи христианства недалеко от Одзуна (Обарци, Гюлакарак и др.). При этом наблюдается определенное сходство в общем архитектурном замысле Гюлагкарака и Одзуна. Имея однонефную композицию, Гюлагкарак, подобно трехнефному храму Одзуна, с трех сторон окружен внешними залами такого же характера. Налицо очевидная общность и в обработке деталей этих построек (карниз, бровки окон и т. д.). Кронштейны древнейшего периода сохранились также на трехнефной базилике Цицернакаванка.

Точная дата сооружения церкви в Одзуне не известна. Т. Тораманян, причисляя Одзун к ряду сооружений Касаха, Текора, Ерерука, пишет: «Церковь «Одзун» (Узунлара), безусловно, является церковью V века, с наружной portique подковообразной аркой, местами с остатками надписей, сделанных первоначальными месроповскими буквами».

Однако органическое единство боковых комнат и портиков дверей с молитвенным залом, как и обработка деталей (наличники дверей, бровки окон и т. д.), показывают, что Одзунский храм должен был появиться после первоначальных сооружений Касаха, Текора, Двина и Ерерука. По своему общему замыслу



Двин. Трехнефная базилика. План.

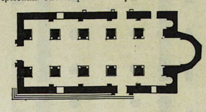
и архитектурным формам Одзун должен относиться к VI в.

В трехнефных базиликальных постройках большое значение имеет правильное определение размеров пилонов, ибо они несут на себе груз арок и следующих за ними продольных стен или подпружных арок и всего свода.

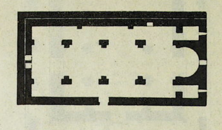
Учитывая своеобразные конструктивные возможности камня для отдельных архитектурных форм (пилон, арка, свод), строители в течение веков вырабатывали целесообразный размер поперечного разреза пилонов. Основные размеры других частей здания (высота пилонов, пролеты арок, ширина нефов, толщина стен и т. д.) обусловливались их несущей способностью.

Таким образом, на основе достигнутого уровня строительной техники в течение веков

создавалась типичная структура медленно видоизменявшейся культовой постройки данной эпохи. Такая закономерность проявлялась и в трехнефных базиликальных постройках Армении эпохи раннего христианства.



Егвард. Трехнефная базилика. План.



Аштарак. Трехнефная базилика. План.

«Единица», выражающая размер поперечного разреза отдельно стоящего пилона, которую в научной литературе принято называть «модулем», выступает в абсолютных цифрах во всех измерениях—как в плановой и пространственно-объемной конструкции, так и в отдельных частях и деталях памятников (Касах, Текор, Егвард, Ерерук, Аштарак и т. д.). Несмотря на то, что эти здания имеют различную величину и размеры их аналогичных частей отличаются друг от друга в абсолютных цифрах, число их модулей, как правило, совпадает.

Так, почти во всех храмах толщина внешних стен составляет 0,75 модуля; ширина малых нефов от пилястры продольной стены или от плоскости стен до главного нефа равна 1 модулю; западная пилястра аркад главных нефов вместе со стеной—1 модулю; размер поперечного разреза пилонов— 1 модулю; пролет арок главных нефов—2—3 модулям; высота подпружных пилонов аркад главного нефа—2—3 модулям; высота пилонов подпружных арок главных нефов—4—5 модулям; внутренняя высота трехнефной части храмов—6—7 модулям; внешняя высота храмов—6,5—7,8 модулям; в купольных базиликах расстояние от пола до внутренней вершины купола составляет 11—11,75 модуля.

Между размерами пилона и остальных частей и деталей здания создана такая связь, что все части по отношению друг к другу, как и по отношению ко всему зданию, находятся во взаимной обусловленности и гармонии. Таким образом, наряду с обеспечением прочности строения храма создана устойчивая система пропорциональностей между «единицей» (модулем) пилона, выражающей целесообразный размер, общей постройкой храма и его деталями.

«Модульная система», характерная для базиликальных построек Армении, позволяет раскрыть строительный принцип созданных на ее основе храмов. Достаточно сказать, что зная продольный размер пилона, можно без всяких абсолютных размеров воспроизвести структуру храма со всеми его частями и деталями.

В свое время «модульная система» получила настолько широкое распространение, что при пристройке здания и различных добавлениях пропорциональность создавалась на основе упомянутой строительной единицы, принятой в первоначальной композиции (в Касахе—порталы, в Ереруке—западные вспомогательные комнаты и наружные галереи, в Текоре—наружные галереи, купол и т. д.).

Этот способ строительства в своеобразной форме лежит также в основе купольных базилик (Одзун VI в., Гаяне—630 г.), представляющих вторую ступень развития трехнефных базиличных храмов.

Несомненно, все это явилось продуктом архитектурно-строительного искусства, достигшего высокой ступени развития. Аналогичный строительный принцип был разработан и в греко-римской классической архитектуре античной эпохи, где за исходную точку был принят нижний диаметр отдельно стоящей колонны. Таким образом был построен и языческий храм в Гарни. Этот строительный принцип, выявленный в трехнефных базиликальных постройках Армении раннехристианской эпохи, представляет большой научный интерес не только для армянской, но и всеобщей истории архитектуры.

В раннехристианский период создается и примечательный тип «купольного зала», древ-

нейшим образцом которого является так называемый **храм Погос-Петроса в Зовуни.**

Строительная жизнь в Зовуни началась в далеком прошлом. В раннем средневековье здесь уже существовала большая группа архитектурных построек, явившихся результатом высокоразвитого архитектурного искусства.

От них сохранились остатки созданной в первые десятилетия IV в. изящной культовой постройки, часовня, возведенная в память Вардана Мамиконяна, а также купольный храм, имеющий исключительное научное значение.

Первоначальная структура купольного храма подверглась ряду переделок, однако полученные при раскопках новые материалы дают возможность воспроизвести его первоначальный вид и выяснить картину основных переделок.

План храма представляет собой продольный зал размером 9,06×14,83 м; на двух его массивных пилонах, выступающих на северной и южной стенах, когда-то покоился купол.

Для воспроизведения картины первоначальной композиции храма и основных переделок большой интерес представляет внутренняя структура здания.

1. Нижняя часть углубления апсиды (от основания, включая два ряда, находящиеся выше пола нынешнего алтаря) имеет сильно акцентированный подковообразный вид, характерный для построек раннего периода христианства, а выше него меняется как форма кладки углубления апсиды, так и степень подковообразности. Очевидно, что верхняя часть углубления апсиды—позднейшее добавление.

2. У северной и южной стен, расположенных между несущими купол пилонами, под нынешним каменным полом храма сохранилось по одной базе от пилонов первичной постройки молитвенного зала, которые имеют вид, характерный для аналогичных деталей Текора и Касаха.

Понятно, что паралельно северной и южной стенам молитвенного зала, под сводами, переброшенными от одного до следующего подкупольного пилона, сооружение какого-либо другого пилона с конструктивной точки зрения было бы совершенно излишним и бессмысленным.

Ясно, что древнейшие пилоны были сооружены раньше, чем подкупольные пилоны.

3. В узле соединения прилегающего к апсиде южного пилона и юго-восточного угла стен молитвенного зала сохранился один из первичных входов молитвенного зала, сильно отличающийся от формы нынешних входов здания.

Часть перемычки входа и половина проема, окаймленного тесаными камнями, находятся за кладкой пилона, другая половина проема заполнена кусками расколотого камня без раствора и запирающимися перед ним кладками позднего периода.

Очевидно, что прилегавший к апсиде южный пилон—позднейшее добавление к существовавшему до его сооружения входу и, следовательно, ко всей стене молитвенного зала, составлявшей органическое единство с этим входом.

Древнейшие остатки входов существуют также у внешних фасадов южной и западной стен молитвенного зала.

4. Северный пилон апсиды, как и все ряды пилонов западной стены, без строительной связи прилегают к поверхностям соответствующих стен.

Следовательно, подкупольные пилоны, а также пилоны восточной и западной стен молитвенного зала являются по отношению к первоначальному сооружению последующим добавлением.

Нетрудно заметить, что без этих пилонов молитвенный зал перестает быть купольной постройкой и благодаря внутренней сильно акцентированной подковообразной апсиде, прямоугольному простому виду и характеру обработки деталей становится сооружением типа продольных храмов раннехристианского периода.

Известно, что наиболее быстро разрушающейся и часто восстанавливаемой частью памятника является южный фасад здания. Так было и в Зовуни. Южная его стена, ещё до возведения купола, во время перестройки была отодвинута к залу на 38 см. Если это добавить к нынешней ширине храма, равной 9,06 м, то первоначальная ширина молитвенного зала составит 9,06+0,38=9,44 м. Сравнительная таблица ширины армянских молитвенных залов раннего периода христианского культа показывает, что в Зовуни она почти в полтора раза превышает ширину молитвенных залов самых крупных однонефных построек и имеет (с незначительной разницей) размер, характерный для наиболее древних трехнефных сооружений эпохи (Аштарак, Касах, Цицернакаванк).

До покрытия куполов Зовуни имел, несомненно, подобно упомянутым выше храмам, трехнефную композицию. Однако интересно, что по отношению к первоначальной постройке молитвенного зала Зовуни позднейшим добавлением является также апсида,

На 1,78 м к северу от апсиды, независимо от ее многоступенчатого стилобата, имеется такой же стилобат более древнего происхождения. Он составляет продолжение стилобата северной стены молитвенного зала храма. Восточное продолжение этой стены разрушилось, она повернута на 90 градусов к югу и присоединена к объему апсиды, добавленной к восточной же части молитвенного зала. Следовательно, продолжение северной стены молитвенного зала не современно апсиде, а сам молитвенный зал, в начальный период имевший большую длину, был впоследствии укорочен, вследствие добавления апсиды.

Очевидно, что без апсиды молитвенный зал получил бы вид простого продолговатого помещения, направленного с запада на восток. Такую структуру имели и армянские языческие храмы, часть которых была «освящена» и использована в качестве первых христианских храмов. Та же участь постигла Зовуни; храм Погос-Петрос, будучи по своей первоначальной композиции капищем, впоследствии был преобразован в храм христианского культа.

Итак, в конце III или в начале IV вв. «освященный» языческий храм, вновь подвергшись перестройке, получил купольную структуру. Установлению времени сооружения купола помогла строительная надпись, высеченная на южном фасаде северо-восточного подкупольного пилона: «Христе боже, помяни князя Григора Гнтуни...»

По мнению признанного специалиста армянской эпиграфики Седрака Бархударяна, надпись сделана в период между V—VII вв. Следовательно, самое позднее время возведения купола должно быть отнесено к VII в.

После возведения купола храм получил композицию «купольного зала», однако он отличается от памятников подобного типа, созданных в Армении в VI—VII вв. и позднее (Птгни—VI в., Аруч—VII в., Ширакаван—конец IX в. и т. д.).

Древнейший характер планового и объемно-пространственного строения храма Зовуни, как и наличие в нем деталей, свойственных более раннему христианскому периоду (IV—V вв.) показывают, что возведение купола в Зовуни должно было иметь место не ранее, чем в конце V в. (после возведения купола в Текоре), и не позднее постройки храма в Птгни во второй половине VI в.

Таким образом, с конца V и до первой половины VI в. в Армении создается один из самых распространенных и самых значительных типов средневекового архитектурного искусства—образ «купольного зала».

Этот факт отвергает точку зрения отдельных авторов, пытающихся с помощью одних лишь «стилистических анализов» перенести появление в Армении такого типа строений на триста лет вперед, т. е. на конец IX в. Вместе с тем он полностью подтверждает мнение крупнейшего востоковеда И. Стржиговского, который считал законченный облик «купольного зала» в Аруче произведением VII в. Указывая на то, что архитектурное искусство могло создать предпосылки для формирования однородных сооружений, И. Стржиговский приходит к заключению, что в Армении «...сама архитектурная форма могла ведь возникнуть уже в VI веке».

Научное значение купольного храма Зовуни выходит за рамки национального архитектурного искусства. Воспроизводя подобно узловым памятникам типа Эчмиадзина, Текора, Двина некоторые наиважнейшие этапы формирования армянской классической архитектуры, купольный храм Зовуни имеет определенное значение для правильного воспроизведения хода зарождения и формирования тождественных сооружений общего архитектурного искусства раннего средневековья[7].

К важнейшим памятникам указанной эпохи принадлежит и выявленная Н. Токарским небольшая прямоугольная постройка в Вохчаберде. Считая ее произведением V в., Н. Токарский в объяснении к проекту восстановления памятника пишет о форме его покрытия, что «это был полуциркульный сомкнутый свод со срезанными над тромпами ребрами».

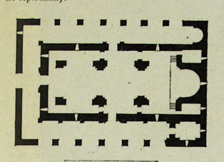
Кафедральный собор Эчмиадзина—один из древнейших памятников христианского искусства. Возвышаясь над глубиной веков, этот интереснейший памятник прошел через беспрерывные испытания временем, многократно подвергался большим разрушениям, иногда превращаясь почти в груду развалин. Несмотря на это, его вновь и вновь возвращали к жизни, перестраивали и он получал соответствующие духу времени новые оттенки, новый облик.

Строение Эчмиадзинского кафедрального собора отражает несколько важнейших узловых периодов развития армянской архитектуры, олицетворяет собой живую историю, рас-

---

[7] Считая молитвенный зал и пилястры Погос-Петроса одновременно созданной композицией, Т. Тораманян считает их произведением V в. Той же точки зрения придерживается и Г. Овсепян, однако дату сооружения памятника он относит к V—VI вв.

сказывающую о раннем периоде формирования армянской национальной архитектуры. Благодаря этому он занимает исключительное место в многовековой истории архитектурно-строительного искусства Армении (и не только Армении).



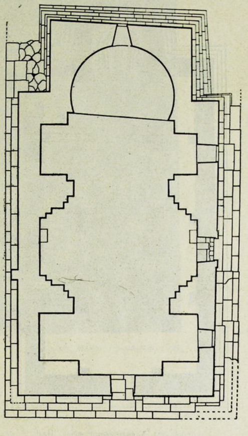
Одзун. Купольная базилика. План.

Выбор места постройки кафедрального собора, как и сама постройка, согласно созданной вокруг нее легенде, осуществлены по указанию сошедшего (эчк) с неба Единородного (миацин), откуда и произошло название храма—«Эчмиадзин».

По Агатангеосу (V в.), храм был основан царем Трдатом III и Григором Лусаворичем в первые годы провозглашения христианства государственной религией Армении. Спустя около восьмидесяти лет, во время разрушений, учиненных в Армении персидским царем Шапухом II, здание получило серьезные повреждения. При католикосах Нерсесе (353—373) и Сааке (387—439) в храме дважды проводились восстановительные работы. По-видимому, при сложившейся в то время напряженной политической и экономической обстановке (войны, затем падение армянской государственности, народные движения за восстановление независимости страны, тяжелое экономическое положение и т. д.) не было возможности произвести основательную реконструкцию храма. Лишь в конце V в., когда развернулось строительство в городах Двин и Вагаршапат, начинается его основательная перестройка.

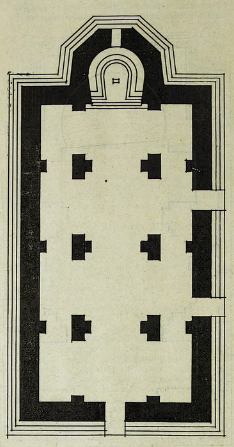
Современник этих работ историк Казар Парпеци сообщает, что «...с исключительным великолепием **возобновил**, начиная с фундамента, устаревшую постройку предков своих храбрый полководец армян Мамиконян Ваган».

Из этого свидетельства следует, что первоначальная постройка кафедрального собора пришла в такое состояние, что Ваган Мамиконян вынужден был основательно перестроить ее. Так именно истолковывали сообщение Парпеци многие специалисты, в том числе и архитектор Тораманян. Аналогичное заключение вытекает из сообщения историка



Зовуни. Церковь Погос-Петроса. План.

VII в. Себеоса. Стало быть, на месте первоначальной постройки храма, разрушенной до основания в конце V в., было сооружено новое здание.



Эчмиадзин. Кафедральный собор. План IV в.

Какую же форму имел храм в своем первозданном виде, или в конце V в., к какому периоду относится постройка ныне существующего собора? Эти вопросы в течение долгого времени приковывали к себе внимание многих исследователей. При этом высказывались самые различные предположения и даже представлялись конкретные проекты (Дюбуа, Тораманян).

Определенный свет проливают на эти вопросы предпринятые Управлением по охране памятников и Институтом искусств Академии наук Армянской ССР раскопки (рук. А. Саинян), проводившиеся в 1955, 1956 и 1959 гг. параллельно с работами по реконструкции кафедрального собора. Во время раскопок под нынешней постройкой собора открылись остатки более древнего сооружения.

Под базами подкупольных пилонов оказались базы древнейшего здания, около них — плиты пола той же эпохи и фундаменты баз, а внутри нынешней восточной апсиды храма — нижние ряды древнейшей апсиды.

Под каждым подкупольным пилоном установлено наличие баз двух различных построек. Обе стороны верхних баз, обращенные к подкупольному пространству, имеют большую ширину (1,28—1,29 м), чем две другие стороны (0,89—0,97 м).

Это означает, что соответствующим сторонам пилонов, несущим основную тяжесть купола и подкупольных арок, было дано большее сечение, нежели сторонам, воспринимающим лишь относительно небольшой вес подпружных арок. Все четыре стороны баз профилированы. Несомненно, верхние базы были установлены как базы купольного сооружения.

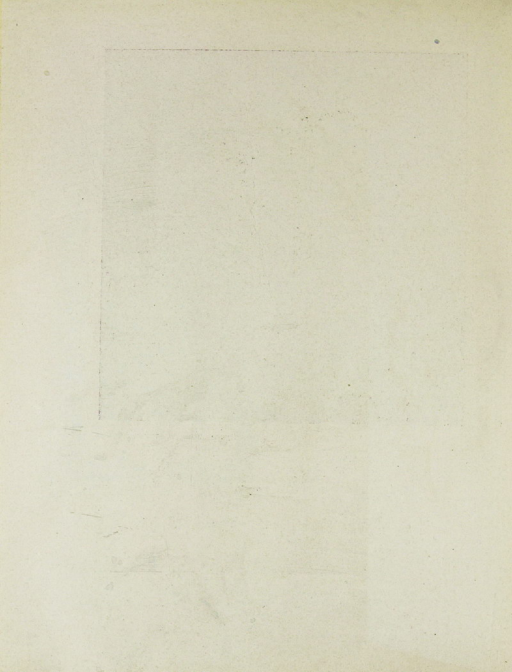
Три стороны нижних баз (направленные на восток, запад и к центральной части купола) по длине равны между собой и имеют довольно большие размеры, а одна из сторон каждой базы (направленная к северной и южной стенам) значительно уже других.

Понятно, что для трех одинаковых сторон пилонов, поднимающихся с нижних баз, предусматривались и одинаковые арки. Здесь не предусмотрены купол и подкупольные арки. Следовательно, на пилонах, соответствующих нижним базам, были перекинуты арки, способные поддерживать только свод. Пилоны подобного назначения имелись в культовых сооружениях раннехристианского периода — армянских (Касах, Аштарак), сирийских (Рувеа), малоазийских (Бинбиркилисе), грузинских (Болнисский Сион) и т. д. Но эти памятники, как известно, являются не купольными сооружениями, а сводчатыми базиликами. Несомненно, нижние базы Эчмиадзинского собора, расположенные под купольными пилонами, в отличие от верхних, принадлежали сводчатому базиликальному сооружению.

Имеются также определенные различия

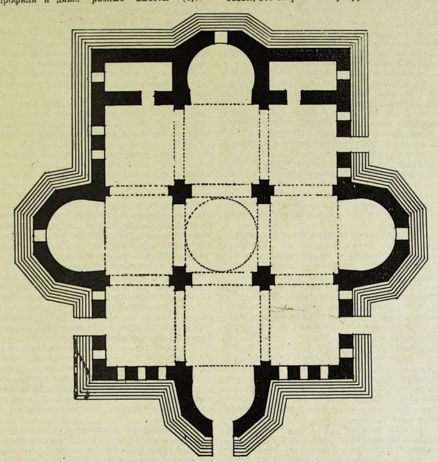


Одзун. *Мемориальный монумент.*



в характере обработки профилей верхних и нижних баз. Нижние базы имеют одинаковые высоту (31—0,32 м) и профиль, верхние—одинаковый характер обработки, но различные профили и даже разные высоты (0,41—

Очевидно, верхние базы устанавливались в то время, когда нижние уже существовали. Следовательно, до начала строительства здания, которое соответствовало верхним базам, все старое было разрушено; оставались



Эчмиадзин. Кафедральный собор. План V в.

0,58 м). Профили нижних баз просты в своих очертаниях, более архаичны и приближаются к обработке баз других сооружений IV в., а профили верхних баз—к аналогичным постройкам V в.

лишь базы отдельно стоящих пилонов, на которых возводились подкупольные пилоны нового здания. Фактически строители нового сооружения до основания перестроили старое здание, о чем сообщает современник (возмож-

но, очевидец) Казар Парпеци, историк V в., впоследствии ставший настоятелем нового храма.

Стало быть, верхние базы по своей общей конструкции принадлежат купольному зданию, по стилю соответствуют аналогичным деталям V в., а их положение с точностью раскрывает картину реконструкции конца V в. Отсюда следует вывод, что сооружение баз, как и соответствующего им здания, должно быть отнесено к 80-м гг. V в.

Если это так, то остатки сохранившейся более древней постройки принадлежали зданию, которое было разрушено Мамиконяном как «пришедшее в ветхость строение времен... своих предков». Но это было не что иное, как первоначальное сооружение кафедрального собора. Остатки его (апсида-алтарь и четыре базы), по-видимому, были сохранены из религиозных соображений.

План центральнокупольного сооружения, имея композицию, отличную от продольного типа, не мог быть целиком поставлен на фундаментах первоначального строения. Конечно, строители не могли оставаться безразличными к собору, основанному «руками просветителя».

Вписав старую апсиду в новую, они сохранили святая святых христианских храмов— главный алтарь. В то же время на прежних базах строители подняли купол—основную часть нового храма.

Поскольку остатки древнейшего здания принадлежат изначальному сооружению собора, а его базы (следовательно, и возвышающиеся на них отдельно стоящие пилоны) принадлежали сводчатой базилике (о чем свидетельствуют и остатки древней апсиды), то первоначальная постройка кафедрального собора, подобно другим храмам христианского культа (Касах, Аштарак и т. д.), также имела базиликальную конструкцию со сводчатым покрытием. Естественно, Эчмиадзинский кафедральный собор по существу не мог иметь иную структуру, чем аналогичные постройки той же эпохи.

Исходя из этого, Т. Тораманян писал: «Нельзя предположить для построенного Лусаворичем кафедрального собора какую-либо иную форму, чем плановая композиция Касаха, Текора, Аштарака и других подобных храмов». Такого мнения придерживаются и другие исследователи армянской архитектуры. Какой же конкретный вид имела эта постройка? К сожалению, фундаменты по всему ее периметру не сохранились, и невозможно восстановить картину плана. Фундаменты древнейшего здания были выложены из тесаных камней, как обычные стены. Так были выложены также фундаменты Касахской базилики (IV в.), центральнокупольной композиции кафедрального собора (V в.), Звартноца (VII в.) и т. д. Поскольку новый план кафедрального собора не совпадал со старым, при сносе стен старого здания разрушили и убрали также и каменные фундаменты. Однако строительные принципы аналогичных памятников Армении эпохи раннего христианства позволят дополнить недостающие части старого здания и полностью воспроизвести как его плановую, так и пространственно-объемную композицию.

В основе этого принципа лежала модульная система, а модулем для каждого здания, как это мы видели, был пилон (поперечный разрез толщины пилона)—основная несущая часть здания.

Значит, если известна толщина пилона, можно без всяких абсолютных размеров воспроизвести всю композицию здания с его деталями. К счастью, известен не только размер пилонов кафедрального собора. Сохранившиеся от первоначальной постройки храма остатки составляют основную секцию главного нефа. Другими словами, на своих первоначальных местах сохранились базы четырех подпружных пилонов главного нефа, которые показывают как размеры поднимающихся с этих баз пилонов, так и размеры начинающихся с них пролетов арок. Но особенно интересно, что в основе этого отсека лежит та же модульная система. Более того, этот отсек и соответствующий отсек Касахского храма, более близкого по времени к кафедральному собору, имеют одинаковые пропорции, несмотря на различные абсолютные размеры.

Следовательно, зная лишь ширину малого нефа (этот размер на всех памятниках эпохи равен одному модулю) и пропорции планов аналогичных храмов (большей частью они равны 1 : 2), механическим повторением отсеков можно получить внутреннюю картину плана первоначальной постройки кафедрального собора.

По такому же принципу воспроизводится объемно-пространственное построение храма. По всей вероятности, его перекрытие не имело базиликального разреза, подобно аналогичным западным сооружениям, а все его три нефа имели общее перекрытие, принадлежавшее к так называемому восточному типу базиликальных сооружений. Такое перекрытие имеет также Касахская базилика, с которой, как мы видели, тесно увязываются пропорции остатков первоначального строения Эчмиадзинского храма.

Для воспроизведения объемно-пространственного построения достаточно иметь лишь высоту отдельно стоящего пилона, который как в Касахе, так и в Аштараке и даже в купольных сооружениях Одзуна и Гаяне равен трем модулям.

Принимая высоту пилонов равной трем модулям и возведя на них характерные для своего времени подковообразные арки, получим аркатуру главного нефа, а начиная с последнего—подпружные арки и свод. Таким образом создается строение главного нефа. Далее, определив уклон общего покрытия посредством графического построения фронтонов аналогичных сооружений, выясняем высоту малых нефов и получаем общую картину объемно-пространственного построения храма. Таким образом, полностью воспроизводится как плановая, так и объемно-пространственная композиция первоначального сооружения собора.

С выявлением первоначальной структуры кафедрального собора выясняется **композиция самого древнего из известных памятников армянской классической архитектуры. Тем самым подтверждается существование в Армении базиликальных сооружений уже в начальный период принятия христианской религии.**

Построенное в 480 г. здание, по предположению архитектора Т. Тораманяна, имело снаружи прямоугольную форму, а внутри—четыре крестообразно расположенные апсиды и приделы в их углах. В середине VII в. католикос Нерсес III якобы разрушил все приделы и апсиды и пристроил снаружи многогранные апсиды, в результате чего получилось существующее ныне здание, крестообразное изнутри и снаружи[8].

Материалы раскопок показывают, что перестроенное в 480 г. здание имело другую форму и его плановая композиция впоследствии не подвергалась изменению. Как уже сказано, все четыре стороны созданных в 480 г. баз имеют профили. Если бы здание имело упомянутый вид, то две из четырех сторон должны были быть вделаны в узлы стен между апсидами и примыкающими к ним помещениями. Естественно, что этого не могло быть. К чему было обрабатывать с большой тщательностью четыре стороны всех баз подкупольных пилонов и непосредственно погребать их попарно в растворе противоположных стен? Понятно, что тут мы имеем дело с базами отдельно стоящих пилонов, которые в свое время были видны с четырех сторон. Значит, против них не было стен, как не было и угловых комнат. Все это исключает возможность существования композиции, вчерченной в прямоугольную форму с четырьмя апсидами и угловыми комнатами.

Во время ремонтных работ в храме, когда была снята штукатурка с нынешних подкупольных пилонов и начинающихся с них арок, выяснилось, что кроме упомянутых баз 480-х гг. сохранились и соответствующие им пилоны, некоторые из импостов пилонов и подкупольные арки. То есть за исключением купола сохранилось все подкупольное сооружение, составляющее главную композиционную ось храмов V в.

Согласно Себеосу (историк VII в.) и Драсханакертци (историк X в.), кафедральный собор в начале VII в. имел деревянный купол, который католикос Комитас (615—628) заменил каменным. Трудно сказать достоверно, принадлежал ли деревянный купол зданию V в. или им заменили каменный купол после каких-то разрушений.

Нынешний купол—результат более поздней перестройки (быть может, XVII в.).

Несомненно одно: сохранившиеся внутри нынешних подкупольных пилонов подкупольные пилоны V в. и начинающиеся с них арки были созданы для каменного купола и все здание было каменным.

Чтобы полностью воспроизвести цельный образ этой каменной постройки, на месте был произведен сравнительный анализ между подкупольными пилонами V в. и начинающимися с них арками, с одной стороны, и нынешними внешними стенами храма, апсидами и их деталями, с другой. В результате выяснилось следующее. Одинаковые размеры пилястров соответствующих фасадов внешних стен кафедрального собора и пилонов V в., которые сохранились внутри нынешних пилонов, правильное расположение их по отношению друг к другу, как и одинаковый характер (стиль) обработки их баз показывают, что первоначальная постройка внешних стен храма и выступающие из них пилястры современны подкупольным пилонам V в. и их деталям (базы, импосты) находящимся внутри нынешних подкупольных пилонов. Вместе с тем органическое единство кладки наружных стен и выходящих из них апсид; общность обработки деталей (баз) этих стен и апсид, а также отсутствие стен либо фундаментов, проходящих перед апсидами вдоль наружных стен, свидетельствуют о том, что наружные стены храма и выходящие из них многогранные апсиды принадлежат единовременно

[8] Эту точку зрения не разделяют Н. Марр, Н. Токарский и др.

созданному сооружению. Единство подкупольных пилонов V в., наружных стен и апсид показывает, что здание представляет собой цельное сооружение, созданное в конце V в. Со зданием храма составляют органическое единство и приделы.

Все это доказывает, что нынешняя кресгообразная постройка Эчмиадзинского собора создана не при католикосе Нерсесе III в VII в., а почти за два века до него, при Вагане Мамиконяне (в 480-х гг.). Следовательно, в V в. в Армении уже был создан законченный образ крестообразной центральнокупольной постройки.

Сказанное дает достаточно ясное представление о ходе развития культовых сооружений Армении эпохи раннего средневековья (IV—VI вв.).

Некоторые из них в свое время являлись языческими храмами, другие были воздвигнуты на фундаментах разрушенных капищ, а остальные представляли собой новостройки, созданные под воздействием этих памятников. Известное количество этих построек сохранилось до наших дней. По своему строительному принципу (более четкая модульная система), по общей пространственно-объемной композиции, архитектурным формам и обработке отдельных деталей они несут на себе яркий отпечаток архитектурно-строительного искусства дохристианской (античной) эпохи (трехнефная Касахская базилика, храм Текора).

В начальный период принятия христианской религии эти храмы состояли из молитвенного зала и простой (вероятно, прямоугольной) постройки алтаря. Первое видоизменение, которому они подверглись, выразилось в постройке на месте древних алтарей нынешних апсид, полукруглых изнутри и многогранных снаружи (Касах, Текор).

Следующая ступень перехода от первоначальных простых сооружений к более сложным связана с добавлением вспомогательных комнат. Часть их оставалась без подобных изменений (Лернакерт, Джарджарис, Оганаванк, однонефная и трехнефная постройки Егварда и т. д.), к другим были пристроены по одной (Карнут, Касах и т. д.) или по две комнаты (Текор, Двин и др.). В одних случаях эти комнаты, появляясь вместе с первоначальной постройкой храма, пока еще оторваны от его общей структуры (Ерерук), а в других случаях составляют с ним неразрывное единство (Аштарак, Цицернакаванк).

Далее видоизменения храмов эпохи раннего христианства связаны с добавлением внешних колонных или арочных галерей. Часть храмов остается свободной от этих добавлений (Лернакерт, Цицернакаванк, Егвард), другие получают их при одном фасаде молитвенного зала (Карнут, Одзун, Касах и т. д.), третьи—при двух (однонефная постройка Егварда) или трех фасадах (Гюлагарак, Текор, Ерерук, Двин).

С добавлением колонных галерей плановая форма отдельных памятников получает более собранный вид, а пространственно-объемная композиция при помощи постепенно подымающихся объемов становится стройной и выразительной: создается более сложный и совершенный образ базиликальной постройки (Ерерук).

Формирование построек христианского культа происходит в тесном общении с архитектурой народов сопредельных стран, принявших христианскую религию, в первую очередь с архитектурой сирийских и малоазийских народов. При этом характерные для искусства сирийских и малоазийских народов отдельные архитектурные формы и детали (внешние колонные галереи, башнеобразные комнаты, некоторые бровки окон и т. д.) в армянских постройках выступают как последующие добавления.

В раннехристианскую эпоху общность между архитектурным искусством армянского, сирийского, малоазийских и кавказских народов в основном относится к этим добавлениям, сделанным в IV—V вв.

Следующий, основной, период развития базиликальных сооружений христианского культа связан с появлением у них куполов.

Из известных нам фактических материалов следует, что каменный купол появился в монументальных постройках Армении, по крайней мере, с V в. Не исключено, конечно, что попытки возведения куполов в армянской архитектуре делались и в более раннюю эпоху.

Некоторые базиликальные постройки раннехристианской эпохи оставляли без куполов (Касах, Егвард, Ерерук, Цицернакаванк и, вероятно, почти все древнейшие однонефные постройки), а другие покрывали ими, применяя различные способы.

В одном случае на отдельных частях основательно разрушенного здания создавался образ центральнокупольного храма, имеющего изнутри и снаружи равнокрылую крестообразную структуру, причем подкупольный квадрат покоится на расположенных в центре зала четырех отдельно стоящих пилонах (Эчмиадзинский кафедральный собор, V в.).

Впоследствии эта форма храмовой постройки либо повторялась (Багаран), либо, неоднократно совершенствуясь и видоизменя-

ясь, явилась основой для ряда центральноку-польных построек, ставших самыми характерными памятниками армянской национальной архитектуры. Развитие шло по-разному. Идя по одному пути, зодчие попросту сняли из плановой схемы Эчмиадзина подкупольные пилоны, расчленявшие молитвенный зал, сохранив прежнюю плановую форму, и получили более цельную пространственно-объемную композицию постройки (Мастара). В другом случае, чтобы получить молитвенный зал с небольшим пространством, они сохранили как изнутри, так и снаружи идею крестообразной постройки, сильно уменьшили подкупольное пространство по сравнению с апсидами, составляющими крылья креста, и создали новый вид крестообразной центральнокупольной постройки (Аламан и др.).

Идя по третьему пути, композиционную схему постройки, имевшую крестообразную форму, зодчие взяли в один общий прямоугольник и в свободных пространствах, образовавшихся между крыльями креста, поместили по одной комнате (Аван, Рипсиме и т. д.); либо же крестообразную четырехапсидную композицию вместе с помещенными между крыльями креста комнатами вчертили в приближающийся к окружности многоугольник и таким образом создали тип постройки, крестообразной изнутри и многогранной снаружи (Гарни).

Под влиянием купольной постройки, крестообразной как снаружи, так и изнутри, базиликальные сооружения раннехристианской эпохи перестраивались и становились основой для крестообразных сооружений другого типа—своеобразной композиции трехапсидных храмов (добавление северной и южной апсид и купола в Двинской трехнефной базилике). Впоследствии эта форма стала одним из общеизвестных типов храмов VII в. (Талинский собор).

В другом случае, не подвергая большой перестройке первоначальную постройку базиликального здания, подняли над ним купол (Текор), создав тем самым примечательный тип купольной базилики. Впоследствии по этому образцу были построены новые купольные базилики (Одзун).

Наконец, развитие купольных базилик и однонефных построек привело к созданию образа «купольного зала», где с помощью расширения центрального нефа трехнефной базилики устраняется расчлененность внутреннего пространства и центральная часть молитвенного зала становится более обширной и цельной.

С помощью соединения пилонов с продольными стенами создается более жесткая, с конструктивной точки зрения, система, способная не только нести тяжесть купола, но и противодействовать силам землетрясения.

Таким образом, в эпоху раннего феодализма (IV—VI вв.) в Армении создается содержательная богатая архитектура. Унаследовав архитектурно-строительное искусство эпохи рабовладения, охватывающей почти целое тысячелетие, армянский народ благодаря новым архитектурным формам и выразительным средствам, новым конструктивно-тектоническим замыслам и возможностям строительной техники развернул широкую строительскую деятельность. Уже в эту эпоху создается ряд основных типов армянской классической архитектуры—однонефные и трехнефные базиликальные постройки, купольная базилика, крестообразная центральнокупольная постройка, купольный зал, дворцы, различные виды мемориальных построек и т. д. Высокохудожественная архитектура этих сооружений, возведение многожанровых построек, как и имевшиеся в различных частях страны старые и новые города, крепости и княжеские замки знаменуют собой новый, более высокий этап развития архитектурно-строительного искусства Армении.

ГЛАВА IV

АРХИТЕКТУРА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ VI—КОНЦА VII ВВ.

Со второй половины VI в. армянская архитектура вступает в новый этап своего развития. Начинается эпоха, ознаменованная в истории народа упорной борьбой за свою самобытную национальную культуру. Именно в период этих бурных исторических событий, когда, казалось, должен был умолкнуть молот каменщика, возводятся сооружения, явившиеся великолепными творениями армянского зодчества.

Через всю многовековую историю Армении красной нитью проходит стремление ее народа сохранить свою национальную независимость, отмеченное многими восстаниями против иранского и арабского владычества.

Иран и Византия были едины в своем стремлении поглотить Армению и армян, ассимилировать их в своем государстве. С этой целью они прибегали к военным мероприятиям и административным реформам. Подобная политика Византийской империи ярко проявилась и в отношении других стран Востока (Египет, Сирия), и не следует удивляться, что вопрос о «единой или двуединой сущности Христа» после Халкедонского церковного собора 451 г. послужил лишь поводом к распаду монолитной с виду «вселенской» церкви. Церкви Востока примкнули к монофизитству, к нему присоединилась затем и армянская церковь. Принятие в этих условиях монофизитства и окончательный разрыв догматических связей с византийской церковью явились сильнейшей реакцией против политики империи и приобрели для армян глубокий политический смысл. Даже Иран, осознав невозможность насильственного распространения в Армении зороастрийской религии, коренным образом изменил свою политику, оказывая определенное содействие армянской монофизитской церкви. Ей предоставлялось право на сбор налогов, и это приносило церкви значительные материальные средства. Не случайно, что с тех пор армянская церковь располагает широкими возможностями для строительства монументальных сооружений. С другой стороны, первостепенное значение приобретает и становится барьером против проникновения халкедонитства движение за идейное обоснование существования независимой и самобытной армянской церкви. Середина VI в., а точнее 554 г., дата второго Двинского собора, стала поворотным пунктом в развитии армянской культуры, в частности, архитектуры. Полный и окончательный разрыв с Византией и ее церковью, принятие ряда постановлений, направленных к возвеличиванию местных святынь и обоснованию идеологических основ самостоятельной армянской церкви, оказали положительное влияние на развитие архитектуры культовых сооружений.

Со второй половины VI в. возникает мощное движение, имевшее целью возвеличивать и прославлять национальные святыни и традиции. Распространение получает практика выявления «мощей» местных святых. Усиливается культ Григория Просветителя. На мемориальных памятниках появляются его изображения, создаются агиографические легенды, славившие его деятельность, а в местах, связанных с его жизнью, сооружаются величественные храмы.

В 40-х гг. VII в. начинаются арабские нашествия, падает некогда мощное Сасанидское государство. 1-го октября 640 г. арабы захватывают столицу Армении Двин. В этой исторической ситуации Византия не приходит на помощь армянам. Несмотря на это, армянские войска во главе с выдающимся полководцем Теодоросом Рштуни ведут упорные бои против намного превосходивших сил арабского халифата.

Даже в этой весьма тяжелой обстановке Византия, продолжая свою традиционную политику, по-прежнему связывает обещанную

Армении помощь с вопросом о принятии ею халкедонитства.

Между тем Теодоросу Рштуни удается заключить с арабами договор на сравнительно приемлемых условиях. Империя отвечает на это набегами на западные области Армении, а император Константин, прибыв в Двин во главе многотысячной армии, организует в кафедральном соборе города богослужение по халкедонитскому обряду. Однако Рштуни с помощью арабов очищает Армению от византийских войск и восстанавливает прежний порядок, хотя вскоре падает жертвой коварного насилия со стороны тех же арабов, стремившихся окончательно овладеть Арменией.

Во второй половине VII в. Армения все еще сохраняет внутреннюю автономию, но не надолго. С конца века халифат в корне меняет свою политику, и над страной окончательно нависает тяжелое арабское иго.

В ответ на это в 703, 750, 755 гг. по всей стране прокатилась мощная волна народных восстаний. Однако все они были жестоко подавлены арабами. Экономика страны пришла в упадок, было прервано монументальное строительство. Не случайно, что неизвестно ни одного более или менее значительного сооружения, относящегося к VIII в.

* * *

В истории армянской архитектуры V—VII вв. имеют особое значение. Это был период формирования архитектурной культуры раннего средневековья и завершения развития основных композиционных форм.

Богатая архитектура предшествующей эпохи подготовила блестящий взлет купольной архитектуры VII в., какого не знала в это время ни одна другая страна, за исключением соседней Грузии. Дело в том, что в VII в. сошло с арены истории некогда могучее Сасанидское государство, Сирия давно уже стала широким театром военных действий для арабских завоевателей, а в Византийской империи приостановилось более или менее значительное строительство.

В Армении же высокий уровень архитектуры сохранился до конца VII в., когда усиление арабского владычества привело страну на край катастрофы, и строительство здесь приостановилось почти на 150 лет.

ГРАЖДАНСКОЕ ЗОДЧЕСТВО

В VI—VII вв., как и в предшествующий период, административным центром страны был Двин—богатый и многолюдный город Передней Азии, где скрещивалось несколько путей международной торговли. Летописные сведения и археологические раскопки позволяют восстановить общую картину исторической жизни этого города, который на протяжении целого тысячелетия был одним из значительных центров Армянского нагорья. Несмотря на огромный ущерб, нанесенный Двину в результате войн, он непрерывно перестраивался, его высокие стены постоянно укреплялись.

Арабские историки с восхищением пишут об этом торгово-ремесленном центре, а материалы раскопок подтверждают правильность их сообщений.

Армянское нагорье являлось как бы укрепленным районом для всей северной части Передней Азии, и не случайно, что в течение веков, начиная от урартов до монголов, все завоеватели стремились захватить его, овладеть этой естественной твердыней. Армянский народ, ведя упорную борьбу против иноземных захватчиков, создал здесь многочисленные укрепления и мощные крепости. Гарни, Артагерс, Арцап и Ани были известны еще в древности, но сохранили свое значение и в VII в.

К сожалению, от светских сооружений этого периода до нас дошло очень мало. Многочисленные летописные сведения упоминают о замках и дворцах нахараров, но пока нам известны лишь остатки дворцовых комплексов Двина, Звартноца и Аруча. Поскольку эти постройки в основном имели деревянные перекрытия, а в дни военных невзгод служили главной мишенью при нападениях врагов, становится понятным, почему они так быстро разрушались. Кроме того, если народ сохранял развалины культовых сооружений, восстанавливал их, то пострадавшие гражданские постройки часто разбирались по частям и вскоре вовсе исчезали.

* * *

Материалы, обнаруженные раскопками, говорят о наличии в армянской гражданской архитектуре определенных и устойчивых стилевых традиций. В этом отношении особенно примечательна общая композиция дворцовых сооружений, где, как правило, по обеим сторонам центрального, имеющего вытянутые пропорции, обширного зала размещались сравнительно небольшие комнаты, которые, в свою очередь, окружались открытыми галереями. Эта основная композиция, восходившая к урартским дворцам (Эребуни) и имевшая

определенную общность с иранскими дворцовыми сооружениями, в том или ином виде прослеживается в течение всего средневековья. Следует отметить, что мастера смело компоновали отдельные элементы композиции. Интересным примером является дворец в Двине, возведенный в начале VII в., а также дворцовые сооружения Звартноца и Аруча, памятников 40—60-х гг. VII в.

Дворец в Аруче был возведен князем Григором Мамиконяном в 70-х гг. VII в. Как в двинском дворце, так и здесь композиционным центром сооружения является колонный зал, по обеим сторонам которого расположены сравнительно небольшие комнаты. Дворец был перекрыт деревом, причем центральный зал, по всей вероятности, был покрыт последовательно расположенными друг за другом куполами-азарашенами. Если в Двине зал имел более вытянутые пропорции и был перекрыт тремя азарашенами, то в Аруче несравненно меньшая длина зала потребовала всего лишь два купола. По длине северной стены дворца расположена открытая колонная галерея.

Композиция зала, покрытого последовательно расположенными азарашенами, имеет глубокие корни в народной архитектуре. В XII—XIII вв. она нашла свое отражение в монастырских трапезных (Агарцин, Ахпат), проявлялась в народных жилых домах XIX в. и сохранилась до наших дней. С такими же вековыми традициями связаны открытые колонные галереи, известные еще с глубокой древности. Тесная связь с выработанными в народной архитектуре элементами очевидна и в отдельных архитектурных формах упомянутых монументальных сооружений. Об этом свидетельствуют капители дворцов Двина и Аруча, формы которых так отчетливо связываются с формами, используемыми и сегодня в архитектуре народного жилья.

Несравненно более сложно разработан дворцовый комплекс Звартноца, сооруженный в 40—50-х гг. VII в. Здесь, кроме двух больших залов, имелись жилые и подсобные комнаты, баня, давильни для винограда, колодец и другие хозяйственные сооружения.

К югу от храма располагалось большое дворцовое сооружение. Оно состояло из девяти комнат и было окружено открытыми сводчатыми галереями. В юго-восточной части храма сохранились остатки небольшой зальной церкви, построенной, по всей вероятности, в V в. Здесь же находилась баня; дым и горячий воздух, проходя под полом купален и подогревая их, удалялись через трубы, проложенные в стенах.

Другое крыло дворцовых сооружений, тянувшееся с севера на юг, составляли комнаты, расположенные по обе стороны входа. Среди них—личные покои католикоса и непосредственно примыкавший к ним сводчатый зал. Южнее этого зала, перпендикулярно к нему, размещался другой зал с некогда деревянным перекрытием. В западной его части находились кухня и ряд комнат. Весь комплекс был окружен стенами, усиленными башнями. Южное его крыло полностью разрушено, и поэтому трудно определить, где она кончалась.

Особый интерес представляют давильни в юго-восточной части комплекса с площадками для отжимки винограда и расположенными между ними круглыми и квадратными ямами.

Наиболее значительное помещение западного крыла—это вытянутый с востока на запад сводчатый тронный зал с размещенными к северу жилыми комнатами. Отсюда отдельный ход вел к большой нише в восточной части тронного зала, где, по-видимому, помещался трон католикоса.

Арки, опиравшиеся на три пары массивных пилонов, охватывали это сооружение с севера и юга, а образовавшиеся между ними сводчатые ниши предназначались для сидения.

Зал, по всей вероятности, освещался окнами, размещенными на торцовых стенах и в верхней части северной стены.

Несомненно, постройки восточного крыла были завершены после 659 г., когда Нерсес вернулся из Тайка, согласно упоминанию историка Себеоса. Видимо, тогда и была перестроена восточная часть большого южного дворцового здания.

В 200—250 м к юго-востоку от архитектурного комплекса сохранились остатки оборонительной стены толщиной около двух метров. Теперь стена прослеживается на расстоянии всего нескольких сот метров (она когда-то окружала весь комплекс). От этих фундаментов сохранились лишь отдельные отрезки. По Себеосу, основал его католикос Нерсес, который предварительно провел сюда воду и покрыл садами это обширное пространство.

КУЛЬТОВОЕ ЗОДЧЕСТВО

Определяющим направлением армянского монументального зодчества начиная с середины VI в. становятся купольные сооружения. При этом особое развитие получают центричные композиции, в рамках которых разрабатывается целый ряд принципиально новых решений.

Значительный прогресс переживают типы сооружений, созданные на основе синтеза продольных и центричных композиций, в то время как базиличные, сводчатые типы постепенно сходят с арены и к концу VI в. почти полностью исчезают.

Зальные композиции. Однонефные зальные и трехнефные базиличные композиции господствовали на всем протяжении IV—V вв. Сохранившиеся от интересующей нас эпохи сооружения (как и почти все сооружения IV—V вв.) не имеют точной датировки. Исходным для определения времени возведения служат их наличные архитектурные формы. Они значительно отличаются от более ранних форм прежде всего наличием небольших апсид в приделах, возникших, по-видимому, после второго Двинского собора 554 г. К более поздним формам относятся арочные карнизы и раструбы окон, формы, вовсе неизвестные в более ранних памятниках и получившие определенное распространение во второй половине VI в. и позднее. Указанные черты характерны для ряда однонефных зальных церквей северных районов страны, и прежде всего для памятников области Ташир (Куртан, Гюлагарак, Обарци, Вардаблур и т. д.). Примечательно, что в этих сооружениях еще имеются некоторые черты более ранних памятников—крытые деревом галереи и наружные апсиды, т. е. формы, полностью исчезнувшие к концу VI в. Трехнефные базилики, возведенные в интересующую нас эпоху, не сохранились. Но именно в эту эпоху завершилось строительство трехнефной базилики в Цицернакаванке и подверглась основательной реконструкции трехнефная базилика в Егварде.

Цицернакаванк, по-видимому, был основан в первой половине VI в., причем строительство не было завершено и от этого периода сохранилась лишь выложенная из базальта нижняя часть стен высотой около 3 м. Вся верхняя часть памятника, возведенная из беловатого известняка, относится, судя по архитектурным формам, ко второй половине VI в. Не современна древней части и вся опорная система. Примечательно, что сооружение с самого начала не имело пилястр и, вероятно, в древности было перекрыто деревом. Наиболее интересной частью памятника является прямоугольное помещение над апсидой, открывающейся во внутрь храма троечастной аркадой. Трудно сказать, для чего предназначалось это почти совершенно изолированное помещение; не исключено, что здесь хранились мощи святых. Аналогичных комнат в других базиликах не встречается.

К интересующей нас эпохе относится и основательная реконструкция трехнефной базилики в Егварде, у которой сохранились лишь нижние части стен. Реконструкция имела целью заменить деревянное перекрытие сводчатым, что видно из добавления новых пилонов, шаг которых не совпадает с шагом более ранних пилястр.

Наши исследования показывают, что перестроена также вся восточная часть сооружения, ибо если западные пилоны просто прижаты к западной ровной стене храма, то здесь мощные выступы, соответствующие пилонам главного нефа, возведены уже вместе с бемой и фланкирующими ее малыми апсидами.

Это свидетельствует о том, что вся восточная часть храма возведена вместе с пилонами главного нефа и, несомненно, относится ко второму его строительному периоду.

Следовательно, если первоначальное сооружение можно отнести к V в., то его реконструкцию следует датировать временем не ранее середины VI в., т. е. не раньше второго Двинского собора, когда получают распространение небольшие апсиды. Такой вывод подтверждается и наличием довольно глубокой бемы перед апсидой храма—элемента, получившего распространение лишь в VII в.

В этой связи особый интерес представляет отсутствие первоначальных пилястр на западной стороне. Видимо, в древности отсутствовала аркада главного нефа, и деревянное перекрытие несли завершающие щипцы поперечных троечастных аркад. Егвардская базилика своей опорной системой резко отличалась от обычных сводчатых трехнефных базилик и представляла собой совершенно новое решение.

Строительный анализ сооружения говорит о наслоении двух строительных периодов, о том, что VI—VII вв. можно датировать лишь капитальную перестройку храма.

Есть все основания для предположения, что аналогичное конструктивное решение имели и некоторые трехнефные базилики (Ерерук), а также и однонефные зальные церкви.

В VII в. строительство новых зальных композиций сильно сокращается, единичные примеры в основном имеют мемориальный характер (Пемзашен, Каренис).

Центричные композиции. В развитии культовых сооружений VI—VII вв. ведущая

роль принадлежала центричным композициям. В течение второй половины V и первой половины VI в. был создан ряд центричных типов, послуживших основой для последующего развития архитектурной мысли. Созданные сооружения восходили к формам народного зодчества, причем два основных типа жилья (одноячейковый тип, где деревянный купол опирался на внешние стены, и тип с четырьмя центральными подкупольными столбами) нашли прямое отражение в монументальных центричных композициях. Именно этим путем еще в V в. были созданы купольные квадраты (Вохджаберд), простые тетраконхи (Црвиз) и более сложное решение типа Эчмиадзинского храма с четырьмя центральными опорами.

Дальнейшее развитие шло в основном путем усложнения тетраконховых композиций (Мастара, Рипсиме), тогда как тип Эчмиадзина почти не применялся.

Наиболее типичным, объединяющим все разнообразие приведенных решений, являлся принцип размещения купола на квадратном основании. Примечательно, что получившие на Западе столь широкое распространение конструкции купола на круглой или восьмиугольной основе в армянской средневековой архитектуре нашли меньшее применение. Тот факт, что развитие купольных сооружений в Армении шло самобытным путем и в их основе лежал принцип построения деревянных куполов народного жилого дома, подтверждается на примере одного из первых подобных сооружений—каменного купола Текорского храма, в котором проявлена система форм, характерная для деревянного купола.

Для погашения горизонтальных распоров купола и подкупольных арок армянские мастера разработали целую систему упорных ниш. Конструкция таких ниш не была новостью для армянских зодчих VI в. В принципе это те же апсиды, которые были хорошо известны в предшествующий период. Однако в изменившихся композиционных условиях они внесли совершенно новое содержание в армянскую купольную архитектуру, став одним из его основных элементов.

Следующий этап развития связан с усовершенствованием подкупольного перехода и разработкой тромповых конструкций. То обстоятельство, что армянские тромпы, как правило, веерообразны, в то время как тромпы сасанидских памятников сложены из поперечных камней, а византийские тромпы—в основном покрытые конхами ниши, не оставляет сомнений, что все они—результат различных путей развития.

Среди купольных памятников, датируемых V в., наиболее простым является церковь Вохджаберда, где купол опирается прямо на квадрат внешних стен. От VI—VII вв. до нас дошли несколько десятков памятников, имеющих в плане простую крестообразную композицию. В памятниках этого типа центральный квадрат, как правило, с четырех сторон имеет упорные ниши, выше которых расположен купол, венчающий всю композицию.

Упорные ниши бывают либо полукруглыми, покрытыми конхами, либо имеют прямоугольную конфигурацию, завершающуюся полуциркульным сводом. Памятники в Црвизе, Арзни, Манканоце и Агараке со всех сторон имеют полукруглые упорные ниши. В таких памятниках, как Аламан и Талин, западная упорная ниша получила прямоугольную конфигурацию, причем последующее развитие этого типа привело к варианту, где, кроме восточной апсиды, все крылья креста прямоугольны и покрыты полуциркульными сводами (Кармравор, Кош и т. д.).

Упорные ниши снаружи либо «буквально» повторяют внутреннюю полукруглую композицию (Црвиз), либо же получают прямоугольную (Талин), часто также многогранную конфигурацию (Аламан). Покрытые сводами прямоугольные крылья креста обычно завершаются двускатной кровлей, а конхи, венчающие полукруглые или многогранные упорные ниши, имеют шатрообразное покрытие.

В сравнительно более крупных памятниках добавляются приделы, размещенные по обеим сторонам восточного крыла креста (Агарак, Кош и т. д.). Примечательно, что наличие приделов значительно меняет обычные пропорции и в отдельных случаях служит основанием для разработки новых вариантов. Ни одно из этих сооружений не повторяет уже известные решения—каждое из них имеет именно ему одному присущие формы. Так, Пемзашен отличается своеобразным убранством, в Талине сохранилась принятая до VII в. в базиличных сооружениях внешняя апсида, в Лмбате боковые прямоугольные крылья креста покрыты не сводом, а конхой, и т. д.

Церковь в Арзни. Памятник находится в селе Арзни, недалеко от Еревана. По своим плановым формам это небольшой тетраконх, взятый в восьмигранный абрис наружных стен. Возведен из черно-коричневого туфа, причем обычный трехступенчатый цоколь заменен квадратной платформой, что в армянском зодчестве встречается довольно редко. Внутреннее пространство образовано простым примыканием четырех равных апсид—упор-

ных ниш. Единственный вход размещен на западной стороне. Окна, расположенные на северном, южном и восточном фасадах,—круглые, имеют сильный раструб во внутрь и вытесаны в одном цельном камне.

Интересны высеченные таким же образом главные тромпы. По размерам они почти в два раза меньше стороны вписанного в подкупольный квадрат правильного восьмиугольника. Это привело к резкому неравенству сторон барабана.

Арзни—определенная ступень на пути создания надежных тромповых конструкций. Возведенный, по-видимому, в середине VI в., этот памятник представляет значительный интерес с точки зрения развития строительного искусства раннесредневековой Армении.

Талин, малая купольная церковь. На территории Талина сохранилась небольшая церковь Богоматери, построенная в первой половине VII в. князем Нерсесом Камсараканом. Памятник возведен из красно-коричневого туфа и по своей плановой композиции представляет трикон с несколько вытянутым западным рукавом и бемой перед восточной апсидой. Снаружи все рукава прямоугольны, а на западной стороне северного рукава, как пережиток открытых апсид древних базилик, в толще кладки устроена небольшая открытая апсида. Памятник имеет два входа, причем оба размещены в западном рукаве. Главный вход с хорошо разработанным портиком расположен на западной стороне, а небольшой дополнительный вход пробит на южной стороне западного рукава.

Подкупольное пространство не квадратное, а прямоугольное. Это обусловило неравносторонность барабана и несколько растянутую форму купола, что, однако, не помешало созданию нормального двухрядного подкупольного перехода.

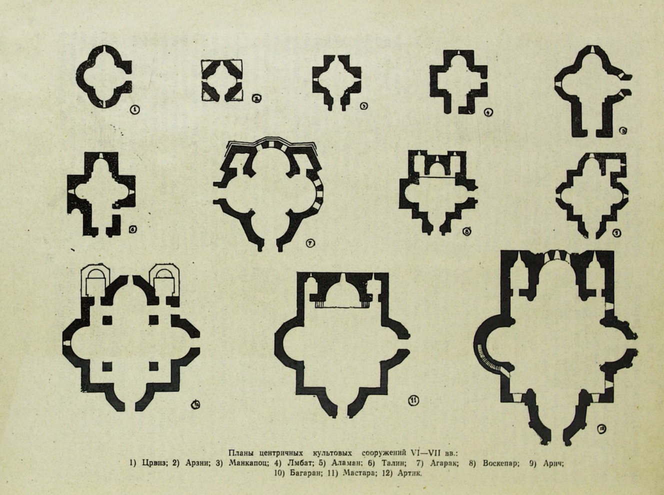
Своеобразны формы наружного подкупольного основания. Взамен обычного квадратного оно имеет форму неправильного двенадцатигранника. Вряд ли можно сомневаться, что этим мастера стремились предотвратить нависание углов основания над углами примыкания рукавов креста. Что касается архитектурного декора, то он вполне созвучен с формами, распространенными в первой половине VII в.

Церковь Кармравор. В числе упомянутых памятников своими своеобразными пропорциями выделяется церковь Кармравор (Аштарак). Это изящное сооружение (6×7,5 м) дошло до нас почти в нетронутом виде. На нем с VII в. сохранилась черепичная кровля. По своей плановой композиции это простое крестообразное сооружение с апсидой, расположенной в восточном крыле креста. Снаружи крылья креста покрывают двускатные кровли, над которыми возвышается венчающий всю композицию низкий восьмигранный барабан. По своим плановым формам к Кармравору приближается церковь Лмбат. Однако ее внешняя объемная композиция разработана иначе, в ней прослеживается иная архитектурная манера, хотя налицо большая стилистическая общность, характерная для памятников VII в.

Дальнейшее развитие центричных систем шло по пути увеличения внутренних размеров сооружений, что, однако, нельзя считать механическим увеличением абсолютных размеров крестообразных композиций. Дело в том, что огромный опыт, накопленный мастерами в ходе разработки этого наиболее распространенного типа, не мог не привести к выводу о нецелесообразности значительного увеличения их абсолютных размеров. И не случайно, что все дошедшие до нас памятники этого типа имеют малые размеры. С другой стороны, ни увеличение длины рукавов, ни размещение бем перед апсидами, ни удлинение западных рукавов не могли дать желаемых результатов. Армянской архитектуре вообще были чужды системы с резко выступающими компонентами, в частности сооружения типа простого креста, где длина рукава в несколько раз превышала его ширину, как это присуще некоторым памятникам Византии (Антиоха). В Армении развитие центричных систем шло по пути увеличения центрального подкупольного пространства, т. е. диаметра купола, причем все остальные компоненты и в конструктивном, и в композиционном отношении были подчинены именно этому стремлению.

Теперь мы легко можем установить, что механическое увеличение абсолютных размеров простых крестообразных сооружений действительно было чревато серьезными опасностями. Дело в том, что в этом случае распор подкупольных тромпов приходился бы не на стены апсид, а на верхнюю часть конхи. Поэтому такие важные конструктивные элементы, как стены апсид, оказались бы выключенными из системы статического равновесия сил. В малых сооружениях все обстояло гораздо проще, ибо распоры были небольшими и действовали недалеко от стен апсид.

Становится ясным, что при резком увеличении диаметра купола прежняя расстановка сил уже не могла быть сохранена и боковые апсиды должны были быть размещены так, чтобы вся масса их кладки, и в особенности их стены, приняли на себя горизонтальные



Планы центричных культовых сооружений VI—VII вв.:
1) Црвиз; 2) Арзни; 3) Манкапоц; 4) Лмбат; 5) Аламан; 6) Талин; 7) Агарак; 8) Воскепар; 9) Арич;
10) Багаран; 11) Мастара; 12) Артик.

распоры главных тромпов подкупольного перехода. Именно этим путем была разработана система Мастары, в которой так ярко проявилось замечательное инженерное мышление армянских зодчих. Она характеризуется исключительным единством объемных форм, широким, просторным интерьером и огромным куполом, господствующим над всем внутренним пространством. До нас дошли всего четыре памятника этого типа—Мастара, Воскепар, Артик и Арич, возводившиеся в течение целого столетия. Так, если храм в Мастаре возведен во второй половине VI в., то Арич может быть датирован уже второй половиной VII в.

Храм в Мастаре. Памятник находится в центре одноименного села. Он оставляет исключительное впечатление своими мощными, едиными объемами, где многогранные упорные ниши и составляющие с ними органическое целое угловые части стен создают надежную опору, на которой покоится несколько тяжелый купол, завершающий композицию. Совершенно иное впечатление оставляет интерьер храма. Ничто не расчленяет его, и над обширным внутренним пространством (11,20×12 м) господствует широко раскинувшийся купол огромных размеров. Основанием для него служат упорные ниши и перекинутые между ними большие тромпы.

Выше арок апсид и тромпов проходит второй арочный пояс, опирающийся на небольшие профилированные кронштейны. Он должен был выравнивать пролеты упорных ниш и угловых тромпов, создать восьмиугольную промежуточную опору с равными пролетами. Несколько выше арок, по осям их антрвольт, размещены восемь сравнительно небольших тромпов, переводящих восьмигранник в шестнадцатиугольное основание барабана купола. А еще выше, по верхнему срезу барабана, в местах пересечения граней, размещены выдолбленные в одном цельном камне 16 небольших тромпов, составляющих непосредственное основание полусферы купола.

Принцип выравнивания пролетов размещенных ниже элементов посредством дополнительного арочного пояса, впервые примененный в Мастаре, не забывается и впоследствии; несколько позже с его своеобразной интерпретацией встречаемся в другом выдающемся сооружении раннесредневековой Армении—Аване.

Примечательны декоративные лучи-нервюры, опускающиеся по поверхности сферы купола. Не имея конструктивного значения, они призваны создать иллюзию перспективно поднимающихся вверх масс, смягчить чувство тяжести и нависания купола. Надо отметить, зодчий достиг желаемого эффекта. Огромный купол кажется легким и, охватывая все внутреннее пространство, создает торжественное и радостное настроение. Интересно, что 12 лучей сгруппированы по три в главных направлениях света, образуя как бы спускающийся с небес и осеняющий прихожан огромный крест.

Экстерьер храма решен сдержанно и даже скупо. Небольшие приделы, выступающие в нижней части восточного фасада, вовсе не нарушают гармонию масс. Портики входов размещены по центрам западного и южного фасадов. Лучше сохранился западный портик, где арку несли размещенные по обеим сторонам входа пучки из четырех полуколонок. Значительный интерес представляет декоративная разработка центра западного рукава храма. По обеим сторонам центрального окна размещены полуколонки с капителями в виде птиц. На них опирается богато разработанный архивольт арки, а еще выше размещена небольшая, с полукруглым верхом, довольно глубокая ниша. Трудно сказать, для чего была она предназначена. Возможно, здесь, на темном фоне ниши размещался рельефный крест или рельеф святого, а еще более вероятно—рельеф ктитора храма. Рельефы ктиторов на западных фасадах храмов наблюдаются веком раньше в Текоре; здесь по обеим сторонам крестообразной ниши были размещены рельефы двух ктиторов, причем налицо и символика в виде птиц—павлинов, пьющих из чаши святую воду.

К сожалению, ни древние авторы, ни надписи, эпиграфически характерные для V—VII вв., не позволяют уточнить датировку сооружения. Однако архаичность композиции и конструктивных решений, в особенности выравнивающая аркатура переходного пояса, несомненно, послужившая прообразом для более сложного перехода в возведенном в конце VI в. Аване, декоративные элементы сооружения дают все основания датировать памятник третьей четвертью VI в.

Аналогичную композицию имеет большой храм в Артике, сооруженный не ранее второй половины VII в. и несущий на себе определенное влияние декоративных форм Звартноца. К сожалению, памятник дошел до нас в полуразрушенном виде. Однако и то, что сохранилось, свидетельствует о зрелости построившего его мастера. Особенно удачно разработаны восточная стена и расположенные там две ниши.

Двумя другими памятниками этого типа являются храмы в Воскепаре и Ариче. Крылья

в Воскепаре прямоугольны, а все сооружение заметно приближается к небольшим крестообразным церквам. В Ариче композиция сохранила свои основные черты, хотя в результате использования широкопролетных парусов устранена расчлененность боковых апсид и теперь они теснее связаны с купольным пространством.

Армянские архитекторы, создавшие в сооружениях типа Мастары мощные единые интерьеры, не могли не заметить некоторую расчлененность их внешних объемов. Несомненно, они знали, что в стране, подверженной активному воздействию сейсмических сил, эта расчлененность в конце-концов отрицательно скажется на устойчивости сооружений. И отнюдь не случайно, что зодчие ищут средства для усиления здания в целом. Они достигли этого путем добавления угловых комнат, что одновременно позволило заключить все сооружение в прямоугольный абрис внешних стен и получить единый монолитный объем. Понятно, что это явилось лишь конструктивной частью вопроса. Помимо того, каждое культовое сооружение должно было удовлетворять специальным требованиям церкви, ибо не допускалось никакого отклонения, никакого нарушения заранее предусмотренных требований. В памятниках рассматриваемой эпохи западные комнаты обычно отсутствуют, за исключением сооружений типа Рипсиме. Поэтому можно предположить, что храмы подобного типа строились только в тех местах, где западные комнаты нужны были по обрядовым соображениям.

Храм в Аване. Древнейшим датированным памятником из сооружений этого типа является храм в Аване, построенный католикосом Иоанном (591—609). В то время Армения вновь была разделена между Ираном и Византией, которая основала в Аване, недалеко от Двина, новый, на этот раз халкедонитский католикосат.

О датировке Авана следует отметить следующее. Халкедонитский католикосат в Аване был создан сразу после раздела Армении в 591 г. Несомненно, тогда же началось строительство нового кафедрального собора, причем его местоположение почти на самой границе, недалеко от центра антихалкедонитской армянской церкви, было выбрано по сугубо политическим соображениям. Однако едва прошло одно десятилетие, как в 602 г. иранские войска начали крупные военные действия и вскоре захватили почти всю Армению. Католикос Иоанн, взятый в плен в г. Карине, умер в 609 г. Как сообщает историк Себеос, тело его привезли в Аван и похоронили рядом с возведенным им храмом.

Возникает вопрос, когда же было завершено строительство храма? Обычно он датируется периодом правления католикоса Иоанна. Между тем после 602 г. в Аване не могло быть и речи о какой-либо строительной деятельности, к тому же после захвата этого пограничного городка бывший халкедонитский католикосат подлежал немедленному упразднению. Это произошло непосредственно после начала военных действий, о чем свидетельствуют грузинские источники. Так, грузинский историк IX в. католикос Арсений отмечает, что католикос Мовсес прогнал сторонников Иоанна. А тот факт, что сам Мовсес умер в 604 г., не оставляет сомнения, что захват халкедонитского католикосата произошел именно после начала военных действий персов.

Все это приводит к выводу, что Аван возведен в течение 591—602 гг., т. е. его строительство фактически было завершено в конце VI в.

Весьма примечательна плановая характеристика Авана. Его внутренняя тетраконховая композиция включена в прямоугольную конфигурацию внешних стен, а в углах размещены круглые комнаты, перекрытые куполами. От центрального квадрата в эти комнаты ведут четыре круговые ниши-проходы, которые по существу играют роль упорных ниш и обеспечивают устойчивость самого купола. Несомненно, эти упорные ниши, имеющие диагональное расположение, более надежны и более устойчивы, чем прямоугольные участки внешних стен сооружений типа Мастары. Таким образом, купол в Аване поддерживают не четыре, а восемь (хотя и неравных) упорных ниш, что оказало существенное влияние на повышение общей устойчивости сооружения.

Не случайно, что хотя в других памятниках, возведенных после Авана, угловые комнаты имеют уже прямоугольные конфигурации, упорные ниши-проходы, расположенные в диагональном направлении, полностью сохраняют свои первоначальные формы.

В Аване еще нет свойственных другим памятникам этого типа наружных треугольных ниш, которые дают возможность не только избежать образования в углах апсид сплошных масс, но и с помощью окон, расположенных в их наклонных сторонах, обеспечить освещение интерьера. Однако в Аване расположить окна возможно было только в апсидах, а это не могло обеспечить удовлет-

ворительное освещение интерьера. По-видимому, храм освещался, и довольно сильно, через барабан купола, и 16-гранный купол Рипсиме, по-видимому, имел свой прототип уже в Аване.

В Аване переход от прямоугольного подкупольного пространства к круговому основанию купола был осуществлен с помощью диагонально расположенных и постепенно выступающих арок. Однако эти арки наравне с арками апсид служат лишь основанием для совершенно нового элемента—паруса, до этого не встречавшегося в армянских памятниках. Вероятно, Аван—первый памятник, в котором обнаруживается решительный шаг к применению парусного перехода. К сожалению, весь верх памятника разрушен, и теперь трудно судить о конструктивных особенностях самого купола. Но при всех случаях нельзя согласиться с утверждением, будто Аванский храм имел еще пять куполов снаружи. Купола, венчающие круглые угловые комнаты, расположены ниже перекрытия сооружения.

Аванский храм сыграл принципиальную роль в развитии не только композиционных форм культовых сооружений, но и раннесредневековой инженерной мысли; это относится, в частности, к каменным конструкциям, которые, в свою очередь, явились важной предпосылкой при возведении сооружений. Выше указывалось, какой толчок получило развитие каменных конструкций в связи с переходом к строительству купольных сооружений. В отличие от купольных сооружений, древние базилики с их простыми конструктивными формами не выдвигали каких-либо сложных инженерных проблем. Если памятники типа простого креста ограничивались двухрядным тромповым переходом, то с увеличением диаметра купола требовались уже принципиально новые решения. Особенно четко это проявляется при сопоставлении конструктивных решений и каменных конструкций таких узловых памятников, как Мастара и Аван.

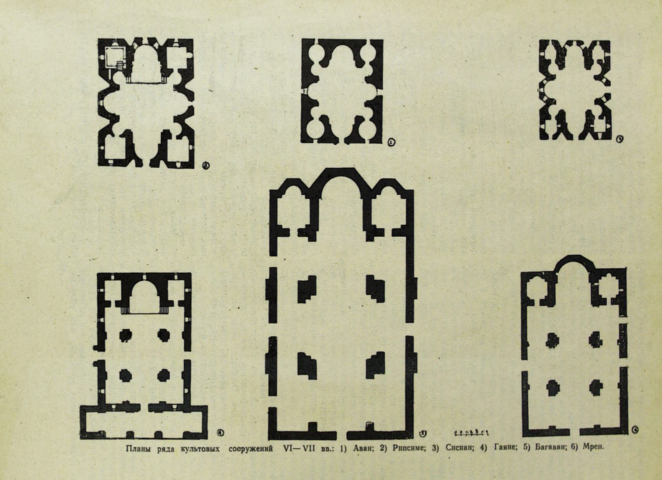
Тот факт, что пролеты угловых участков Мастары по размерам почти не уступали пролетам апсид, а в Аване проходы в 3/4 упорные ниши были почти в два раза уже апсид, не мог не сказаться на разработке его подкупольных переходов.

Дело в том, что в Мастаре достаточен был лишь один ряд промежуточных арок, чтобы получить правильное восьмигранное основание и через него шестнадцатигранное основание барабана купола. В Аване же требовался не один, а, видимо, два или даже три ряда промежуточных арок, так как упорные ниши и апсиды храма по своим размерам резко отличались друг от друга. Однако зодчий Авана умело вышел из создавшегося положения. Разместив одинарные арки над угловыми 3/4 упорными нишами (так, чтобы верхние кромки этих арок находились на одном уровне с верхом лицевых арок апсид), он заполнил все промежуточное пространство сферической кладкой и получил своеобразный арочно-парусный комбинированный переход. Конечно, эта конструкция была далека от точно циркульных парусных переходов второй половины VII в. и больше походила на прямоугольник с сильно загнутыми сторонами, полученными на основе сочетания кругов различных радиусов. С эстетической точки зрения комбинированная форма не совсем удовлетворяла предъявляемым к ней требованиям, зато в конструктивном отношении она обладала бесспорными преимуществами. Дело в том, что несколько неправильную форму имела лишь кромка паруса, которая фактически не несла никакой нагрузки и завершалась подкупольным кольцевым карнизом. Хорошо известно, что зодчие VI—VII вв. решительно избегали загрузки краев парусных переходов и, как правило, стены барабана значительно отодвигали вглубь, непосредственно опирая их на мощные подкупольные арки. Именно такие решения мы видим в ряде памятников VII в., где применены либо комбинированные, либо чисто парусные переходы.

С точки зрения развития каменных конструкций особый интерес представляет угловой переход Авана. Здесь над аркой, переброшенной выше конхи круговой ниши, размещена другая арка, являющаяся частью парусного перехода. И если лицевые камни надконховой арки вертикальны, то камни верхней арки имеют тот же наклон, что и парус, и образуют серповидный выступ относительно нижней арки. Нетрудно заметить, что здесь применены все основные принципы встречающихся впоследствии комбинированных переходов—арочно-тромповых и арочно-парусных.

В армянском зодчестве VI—VII вв., кроме Авана, имеется целый ряд других сохранившихся однотипных сооружений—Арамус, Рипсиме, Таргманчац, Гарнаовит, Сисаван, Зорадир[1] и др. Наиболее ранний из них—Арамус. Это небольшое сооружение, возведенное на землях, исконн принадлежавших католикосскому дому, отличается целым ря-

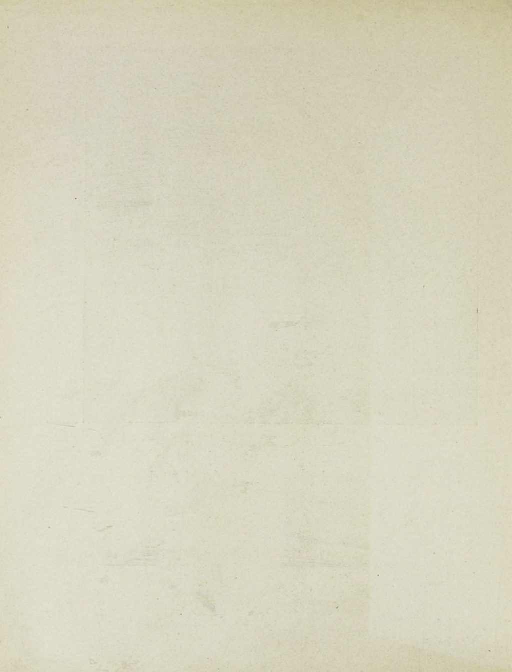
[1] *Tomaso Breccia Fratadocchi.* La Chiesa di S. Ejmiacin a Soradir Roma, 1971.



Планы ряда культовых сооружений VI—VII вв.: 1) Аван; 2) Рипсиме; 3) Сисиан; 4) Гаяне; 5) Багаван; 6) Мрен.



Аруч. *Восточный фасад храма VII в.*



дом архаических черт. Датируется оно временем строительства Аванского храма.

Храм Рипсиме. Разработанная в Аване композиция имела решающее значение для строительства храмов подобного типа. Впрочем, в Рипсиме был произведен ряд преобразований, которые послужили примером для всех других храмов, построенных после него.

На том месте, где, согласно преданию, Рипсиме была предана мученической смерти, в V в. стояла усыпальница, об общих формах которой можно составить представление по рельефу на южной стеле Одзунского монумента. Здесь представлены эпизоды легенды о распространении христианства в Армении, и не случайно, что тут же мы видим изображение усыпальницы Рипсиме. Своими общими формами это сооружение вплотную подходит к известным еще в античную эпоху двухэтажным усыпальницам (Пальмира) и определенно свидетельствует о существовании подобного типа сооружений и в Армении.

Во время армяно-иранских войн, происходивших в IV в., памятник был разрушен, однако в конце века Саак Партев восстановил его. Он простоял до 618 г., когда католикос Комитас возвел на этом месте великолепный храм, разместив его главную апсиду над подземной частью усыпальницы. В интерьере храма сохранилась строительная надпись Комитаса. Другая надпись высечена на западном фасаде. Храм дошел до нас без каких-либо существенных реконструкций. Лишь в XVII—XIX вв. были перестроены каменная кровля и щипцы рукавов, цоколь, разрушены портики, к западной части пристроена колокольня, а интерьер покрыт известковой штукатуркой.

До недавнего времени бытовало мнение, будто наличный купол храма построен впоследствии. Однако в 1959 г., во время расчистки штукатурки (архитектор Гр. Акопян), подтвердилась принадлежность купола VII в. Открылись такие присущие этому периоду признаки, как фаски рядов и в особенности многочисленные идентичные знаки мастеров по камню как в нижней части памятника, так и на самом куполе. Открылись также выполненные с большим мастерством уникальные тромповые переходы, конструктивные формы которых весьма примечательны. Интересно, что и здесь пояс перехода завершается кольцевым карнизом. В памятниках раннесредневекового зодчества Армении внутренний кольцевой карниз появляется лишь там, где налицо элемент парусного перехода. Кольцевой карниз имеет большое конструктивное значение—он не только завершает кромку паруса, но и позволяет незаметно для глаза отодвинуть во внутрь стены барабана и не загружать наиболее слабые консольные углы парусов. Не случайно, что ни в одном памятнике с чисто тромповым переходом нет подобного кольца. Определенным основанием для его применения в Аване, Рипсиме и Таргманчаце, несомненно, послужила и прямоугольная конфигурация подкупольного пространства. В указанных памятниках подкупольное кольцо несколько вытянуто в направлении север—юг, и если в Рипсиме на севере и юге внутренняя стена барабана находится почти на уровне подкупольных арок апсид, то на западе и востоке она значительно заходит за этот рубеж. Данный отступ целиком скрыт сильным выносом подкупольного кольцевого карниза, благодаря чему подкупольное пространство снизу кажется строго симметричным. Разумеется, ничего подобного не могло быть ни в Гарнаовите, ни в Сисаване, где подкупольное пространство представляет собой точный квадрат, а переход осуществлен чисто тромповыми конструкциями.

По плановому замыслу Рипсиме повторяет в основном композицию храма Авана, однако угловые комнаты здесь не круглые, а квадратные, к тому же каждый из внешних фасадов разработан двумя большими широкими нишами.

В однотипных памятниках (Аван, Арамус, Гарнаовит и др.) край полукружия апсид обычно находится на одной линии с внешними границами угловых комнат (хотя и есть сантиметровые различия в ту или другую сторону). Совершенно иная картина на восточном фасаде Рипсиме. Здесь апсида несколько выступает вперед, благодаря чему стало возможным размещение боковых окон. В Сисаване трапециевидные в плане ниши были заменены треугольными, что позволило, при значительной их глубине, отказаться от выступа апсиды и даже не прерывать полукруг навершия окон.

Единые и внушительные объемы, созданные с помощью четырех апсид и такого же количества расположенных между ними трехчетвертных ниш, венчаются огромным, светлым куполом, господствующим над всем интерьером. Спускающиеся с его вершины декоративные лучи и находящийся у основания купола пояс из концентрических кругов расчленяют поверхность огромной полусферы.

Гармоничное единство масс доминирует и в экстерьере сооружения, где над основными объемами тетраконха, над его мощными щипцами возвышается многогранный призематический барабан купола. Перестройки последующих веков коснулись именно верхних

частей, однако и в современном виде храм оставляет неизгладимое впечатление, ибо его общая конфигурация полностью сохранила первозданную силу и величие. Несомненно, зодчий применил принцип объемного построения всего сооружения, чем собственно и объясняется исключительное единство всех его форм. Не оставлены без внимания и отдельные фасады сооружения; в частности глубокие ниши, расчленяющие плоскости стен, придают особое звучание каждому фасаду храма, подчеркивая и раскрывая его внутреннюю четырехапсидную композицию. Они дали возможность избежать в сооружениях подобного типа излишней массы кладки и значительно увеличить количество окон. Незабываемое впечатление производит резкое противопоставление света и тени, которое создается на этих гладких стенах, не отягощенных мелкими деталями.

Храм Рипсиме явился прообразом ряда других сооружений этого типа. К ним относятся изящная постройка Таргманчацванка и величественные храмы в Гарнаовите и Сисаване. Из этих памятников сравнительно хорошо сохранился храм в Сисаване, возведенный в конце VII в. сюникским князем Коазатом при содействии епископа Овсепа Первого и монаха Тодороса, рельефные изображения которых с соответствующими надписями помещены внутри храма под куполом, между малыми тромпами. Другое рельефное изображение, помещенное на западном фасаде, снабжено надписью: «Хранитель церкви Ованнес». Несомненно, изображение принадлежит преемнику Овсепа Первого епископу Ованнесу, который, по всей вероятности, и завершил строительство храма. Исследование показывает, что строительство храма было завершено не позднее 695 г. Такой датировке полностью соответствуют его архитектурные формы, имеющие много общего с формами, получившими распространение во второй половине VII в. Зорадир сильно перестроен, однако здесь налицо и ряд архаичных черт—повторение некоторых древних конструктивных форм и декоративных мотивов, среди которых выделяются тромповые переходы угловых ниш, почти в точности повторяющие аналогичные формы храма Рипсиме. Но если в Рипсиме эти веерообразные переходы вполне конструктивны, то здесь, примененные при очень небольшом пролете, они оставляют впечатление нарочитого подражания, декоративного мотива, завершающего конхи ниш.

Сооружения типа Рипсиме как бы завершают один из путей развития четырехапсидных храмов. Все памятники этого типа, возведенные после храма Рипсиме, по существу лишь повторяют ту же композицию. Это обстоятельство указывает на то, что в данный тип храма, до конца разработанный и усовершенствованный, нельзя было внести что-либо новое. Развитие должно было идти другим путем. Примечательно, что храмы подобного типа встречаются только лишь в Армении и Грузии. Так, в начале VII в. в Мцхете при участии армянских мастеров строится храм Джвари, а спустя некоторое время армянский архитектор Тодосак воздвигает Атени—второй величественный памятник, имеющий аналогичную композицию.

Храм в Багаране. Храм был воздвигнут в 624—631 гг. на месте древнего языческого святилища, превращенного после принятия христианства в крупный культовый центр новой религии. При выборе плановой композиции этого сооружения велико было значение Эчмиадзинского храма.

В Багаранском храме основное место занимает составленная четырьмя центральными пилонами крестообразная композиция, которая значительно возвышается над другими частями и находит свое яркое отображение во внешних объемах. Именно в этом и заключается принципиальное отличие Багарана. В Эчмиадзинском храме угловые прямоугольные участки занимают значительное место, имеют свои отдельные входы и в них открывается большинство окон. В этих условиях вполне закономерно и их различие в объемных построениях. Приземистому объему Эчмиадзина в Багаране противопоставлена устремленная ввысь трехъярусная композиция, где первый ярус составляют выступающие апсиды и угловые прямоугольные выступы, второй ярус—крещатый верх, а третий—купол. Новым и решающим фактором в создании этой оригинальной композиции явился, конечно, резко выступающий крестообразный объем.

Известный до этого крещатый верх культовых сооружений Армении в Багаране получил новое звучание. Резко приподнятый и образовавший второй ярус храма, он стал новым и равноправным композиционным элементом как в интерьере, так и в экстерьере сооружения. Именно в устремленности вверх и в трехъярусной композиции заключается своеобразие этого интересного памятника. Принцип его построения получил блестящее развитие несколько позднее в совершенно ином типе сооружения—Звартноце.

Звартноц. В середине VII в. армянская архитектура переживает бурный подъем, в разных уголках страны один за другим появ-

ляются монументальные храмы. Возведение ряда сооружений в этот период было тесно связано со строительной деятельностью католикоса Нерсеса III, и не случайно, что историография присвоила ему почетное звание «Строитель». Нерсес происходил из села Ишхан области Тайк, одной из вотчин князей Мамиконянов. Будучи глубоко образованным человеком и обладая большой храбростью, он удостоился высокого чина полководца византийской армии и по характеру своей деятельности побывал во многих странах. В 30-х гг. VII в. Нерсес становится епископом северозападной провинции Армении Тайка, а в 641 г.—католикосом страны. Вскоре после этого, вероятно, в 642—643 гг., недалеко от Вагаршапата, на том месте, где встретились, по преданию, Григор Просветитель и царь Трдат, он основал один из шедевров армянского зодчества—храм Звартноц.

Католикос Нерсес умер в 662 г. Возведенный им памятник простоял триста лет. Звартноц разрушился в промежутке между 930—1000 гг. в результате землетрясения. Из развалин постепенно растаскивались камни, и к концу XIX в. место это представляло собой громадный холм, где под толстым слоем наносной земли скрывались остатки некогда величественных сооружений. Раскопки были начаты в 1900 и завершены в 1907 г. Местность, где был возведен храм, первоначально представляла небольшое возвышение, скаты которого с востока, севера и, частично, с запада были обработаны строителями храма в виде многогранного, ступенчатого стилобата.

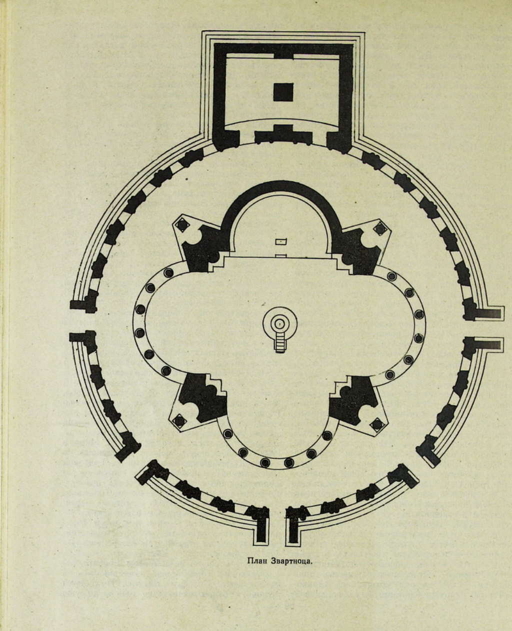
Плановая композиция храма представляет сквозной тетраконх значительных размеров, охваченный кольцевой галереей. Апсиды тетраконха, кроме глухой восточной, образованы шестью мощными колоннами. В углах примыкания апсид размещены четыре массивных пилона сложной конфигурации, против которых с внешней стороны установлены отдельно стоящие колонны. Вся композиция окружена кольцевой стеной, круглой изнутри, которая имела многогранный внешний абрис (количество граней равнялось 32). С восточной стороны к кольцевой стене примыкает возведенная впоследствии прямоугольная пристройка. Храм построен в основном из светло-коричневого и серого туфа. Высота рядов—50—70 см. Для крепления отдельных элементов колонн применялись залитые свинцом железные штыри. Камни обработаны очень тщательно, и даже фундаменты стен выложены из почти чистотесаных камней. От стен сохранилась лишь нижняя часть—два ряда внутренней кладки, которым снаружи соответствует кольцевой цоколь. Стена была разработана полуколоннами: парными снаружи и одинарными изнутри. Пять входов размещены в главных и диагональных направлениях и отмечены портиками. От центрального, по-видимому, ротондального сооружения сохранилась лишь его нижняя часть, углубленная в землю, куда с западной стороны вели специальные ступени. Здесь, по всем данным, хранились мощи Григория Просветителя.

Многогранные объемы первых двух ярусов были разработаны декоративной аркатурой, а третий ярус, соответствующий объему купола,—высокими, треугольными нишами, известными еще по формам храма в Мастаре. Все ярусы венчались карнизами, имеющими сильный наклонный вынос. Кровля была черепичной; купол снаружи имел сферическую конфигурацию. В южной части фасада, по всей вероятности, в ряду круглых окон, были размещены солнечные часы.

Звартноц являет собой пример высокой строительной культуры. Следы точных разбивочных линий можно видеть и сегодня на базах, пилястрах и карнизах памятника.

Научное изучение Звартноца тесно связано с именем выдающегося исследователя армянского зодчества Тороса Тораманяна. В 1904 г. он участвовал в раскопках храма и уже через год опубликовал проект его реконструкции. По Тораманяну, кольцевая галерея была двухэтажной, причем второй этаж освещался круглыми окнами, размещенными по периметру здания. Второй ярус храма был образован верхними частями тетраконха, а последний был охвачен кольцевой стеной, являвшейся продолжением стены внутренней галереи. Третий ярус сооружения—купол, 16-гранный барабан которого, по мнению Тораманяна, был оформлен, как и первые два яруса, глухой аркатурой. Проект Тораманяна вызвал немало споров, однако они в основном прекратились после того как Н. Я. Марр в 1906 г. нашел в Ани модель возведенного в начале XI в. однотипного храма св. Григория (Гагикашена), в котором общее наружное решение совпало с формами проекта реконструкции Звартноца, составленного Тораманяном. Однако и после этого некоторые исследователи не соглашались с важнейшими узлами этого проекта. Дело в том, что у Тораманяна оставался открытым вопрос о лестницах, ведущих на второй этаж его реконструкции, в хоры.

Другим спорным моментом проекта реконструкции Тораманяна является второй ярус храма. По его мнению, внутренний тетраконх был охвачен еще одной, но уже



План Звартноца.

круговой стеной, по периметру которой и были размещены 32 окна. Однако примечательно, что из них лишь 12 могли освещать внутреннее пространство храма. Остальные 20 окон, в сущности, ложны—открываются в пустые, неиспользуемые помещения; получились они вследствие охвата центрального тетраконха указанной круговой стеной.

С критикой проекта Тораманяна выступил проф. А. Кузнецов, предложивший свой эскиз реконструкции, где второй ярус храма имеет тетраконховую композицию. Другой исследователь—Т. Марутян создал вариант реконструкции с винтовыми деревянными лестницами, ведущими к угловым сегментовидным пространствам второго яруса. Но такое решение не имеет ничего общего с вековыми традициями армянского зодчества.

Исследования приводят нас к выводу, что Звартноц не имел хора, как и все памятники армянского зодчества вообще. Вероятно, отсутствовала также указанная в реконструкции Тораманяна кольцевая стена, охватывающая внутренний тетраконх, а второй ярус имел не ротондальную, а тетраконховую композицию, аналогично многим сооружениям V—VII вв. (Эчмиадзин, Мастара, Багаран, Артик, Арич и т. д.).

С другой стороны Звартноц, возможно, имел не чисто парусный, а комбинированный подкупольный переход, причем из сохранившихся камней удалось собрать значительную часть одного из тромпов[2].

И тем не менее нельзя не видеть, что незначительное количество сохранившихся камней второго яруса не исключает возможности того, что в Звартноце клиновидные камни принадлежали не тромпам, а наружным нишам, что второй ярус снаружи имел не тетраконховую, а ротондальную композицию. В этом случае большие парные ниши позволили бы без особого труда согласовать внутренний тетраконх с наружным абрисом ротондальной стены.

Треугольные ниши, попарно размещенные в углах тетраконха, резко облегчили бы отдельно стоявшие колонны, создавая четко акцентированные узлы на фасаде второго яруса храма. Так, по-видимому, и был решен возведенный в начале XI в. в Ани однотипный Гагикашен, причем именно этим нишам принадлежали открытые во время раскопок Гагикашена клиновидные камни тромпов. Они не могли быть размещены в подкупольных переходах, так как в Гагикашене эти переходы были парусными.

Конечно, конструктивная возможность реконструкции второго яруса Звартноца в виде ротонды с нишами еще не решает проблему. Возникает вопрос стилистической направленности, и вот тут-то и нельзя не видеть, насколько твердо входит тетраконховый вариант реконструкции Звартноца в ряд хорошо известных объемных построений простых тетраконхов VII в. и насколько трудно представить в этом ряду ротондальную композицию. Вместе с тем нельзя не видеть, до какой степени логично выглядит строго ротондальная форма Гагикашена среди памятников уже другой эпохи, другого стилистического направления.

Проблема истоков композиционного решения Звартноца занимала многих ученых, и по этому поводу высказан целый ряд мнений. Наши исследования показывают, что эти истоки следует искать не в отдельных конкретных сооружениях византийского зодчества, а на путях выяснения тех проблем, которые стояли перед зодчими и Византии, и Сирии, и Кавказа. Одной из них являлось увеличение внутреннего пространства центричных сооружений. В византийском зодчестве оно решалось в основном путем охвата галерей центрального, подкупольного пространства. Обычно это были купольные октагоны. Попытки заменить октагон тетраконхом не привели к желаемым результатам (Селевкия, Босра и др.), и галерея, как и все здание, перекрывалась деревом. Впервые проблема каменного перекрытия подобных типов сооружений была решена в Звартноце. И если в византийских памятниках налицо лишь два композиционных элемента (внутренний тетраконх и наружная стена), то в Звартноце добавлен и третий элемент—кольцевая опора, охватывавшая внутренний тетраконх и служившая основанием для свода кольцевой галереи.

Основным ядром Звартноца является равноконечный тетраконх, хорошо известный в армянском зодчестве задолго до VII в. (Црвиз, Эчмиадзин, Мастара и др.). Трехъярусная композиция храма также имеет непосредственных предшественников в армянском зодчестве, в частности, храм в Багаране, возведенный в 624—231 гг.

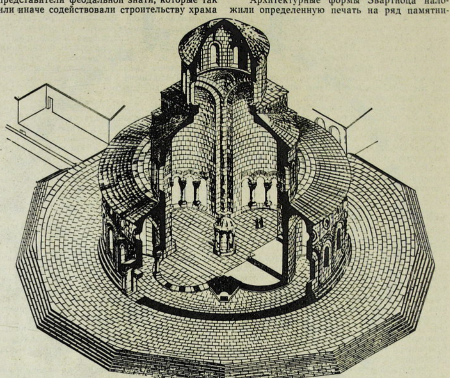
Декоративные формы храма отличаются пластичностью выполнения и имеют свои корни в вековых традициях армянского зодчества. Это относится и к капителям с волютами, и к огромным капителям с орлами. Однако наряду с этим встречаются мотивы, явившиеся

[2] Возможность такого комбинированного перехода полностью подтверждается арочно-парусным переходом Авана. В Звартноце нижняя арка могла быть легко заменена лобовой аркой врезанного в парус тромпа.

отголосками античных форм (архивольт аркады внутренней колоннады наружной стены). Примечательны исполненные с большим умением архивольты окон, в углах пересечения которых размещены фигуры людей, держащих в руках инструменты мастеров по камню. Однако это не мастера, строившие храм, а представители феодальной знати, которые так или иначе содействовали строительству храма надписей до нас в нетронутом виде дошла лишь одна—Иоанн. Края всех остальных скульптур сильно обломаны, а надписи утрачены безвозвратно.

* * *

Архитектурные формы Звартноца наложили определенную печать на ряд памятни-



Разрез Звартноца.

и символически изображены как его строители. Не следует забывать, что Звартноц строился в VII в., когда имена зодчих обычно не упоминались. Даже Себеос, очевидец строительства, ни слова не говорит о зодчем Звартноца. Вряд ли в этих условиях могли найти место на храме рельефы не только зодчего, но и рядовых мастеров (числом 32). Рельефы изображали конкретных личностей, а на краях камней были высечены их имена. Из этих ков, построенных после него в том же VII в., как и на композиционные формы многоапсидных сооружений, столь распространенных в X—XI вв. Примером этого может служить церковь в Ишхане (Тайк), родном селе Нерсеса. От нее до нас дошла лишь аркатура восточной апсиды, которая была включена в построенную на том же месте в IX в. грузинскую церковь. Памятник сооружен, по всей вероятности, не до того, как Нерсес стал

католикосом (как это принято в литературе, хотя для этого нет никаких доказательств), а после. Храм был возведен в течение тех шести лет (653—659), когда Нерсес, оставив Двин и получив материальную помощь от Византии, нашел убежище в родном Тайке. Неудивительно поэтому, что в Ишхане нашла место разработанная в Звартноце композиция.

Та же композиция, хотя и в более упрощенном виде, нашла свое выражение в одном из выдающихся сооружений Агванка (Кавказской Албании), расположенном в селении Лякит Кахского района Азербайджанской ССР. Появление здесь композиции Звартноца нельзя считать случайным, так как хорошо известно, какие тесные отношения существовали между армянской и агванской церквами и какую роль сыграла армянская церковь в распространении христианства в Агванке.

Композиция тетраконха с круговым обходом впоследствии, в X в., нашла свое отражение и в грузинской архитектуре, в храме Бана, а на стыке X—XI вв. Звартноц фактически повторен в Ани, в Гагикашене.

Звартноц оказал определенное влияние на формирование целого ряда памятников армянской архитектуры VII в., причем это проявилось как в общей объемной разработке, так и в мотивах декоративного убранства. С этой точки зрения очень интересен построенный в 659 г. католикосом Нерсесом храм в Гарни, четырехапсидный изнутри и многогранный снаружи. Подобно Багарану и Звартноцу, он также был трехъярусным. Многогранный объем первого яруса, видимо, охватывал апсиды и угловые комнаты, второй ярус составляли примыкавшие к подкупольному квадрату прямоугольные объемы, покрытые двускатной наклонной крышей, а третий ярус составлял купол храма. Общая композиция сооружения вместе с расположенными в его четырех углах комнатами наглядно свидетельствует о его связи с храмами типа Рипсиме. Влияние Звартноца чувствуется и в общей объемной разработке многоапсидных храмов, построенных во второй половине VII в.

Нельзя забывать, что в конструктивном отношении наиболее простым решением было водружение купола на круговое или восьмигранное основание. Традиции эти восходят еще к древневосточным сооружениям (Куинджик), и до нас дошло немало примеров армянского жилья, где деревянный купол опирался не на 4, а на 8 колонн. В Армении круговые в плане и, вероятно, перекрытые ложными куполами сооружения встречаются еще в доурартскую эпоху (Ардар Давид) и на рубеже старой и новой эры (Паракар). Вряд ли можно сомневаться, что «колодец» Хор-Вирапа, где, по преданию, томился Григорий Просветитель, не что иное, как одно из подземелий древнего Арташата—круглое в плане и перекрытое куполом сооружение. По принятии христианства оно превращается в одну из наиболее чтимых святынь армянской церкви и над ним возводят соответствующее надземное сооружение (открытый балдахин, а возможно, часовню). Балдахинообразные мемориальные сооружения, хорошо известные в античном Риме (и, несомненно, бытовавшие и в древней Армении, как можно судить по балдахину в Ани), не были забыты и в раннехристианский период. Свидетельство тому—открытое четырехколонное арочное завершение башнеобразной усыпальницы Рипсиме (IV в.). Двенадцатигранный стилобат более крупного ротондообразного сооружения—основание креста Григория Просветителя в центре Эчмиадзинского собора, к сожалению, не сохранился, но был зафиксирован и обмерен Шарденом еще в XVII в.

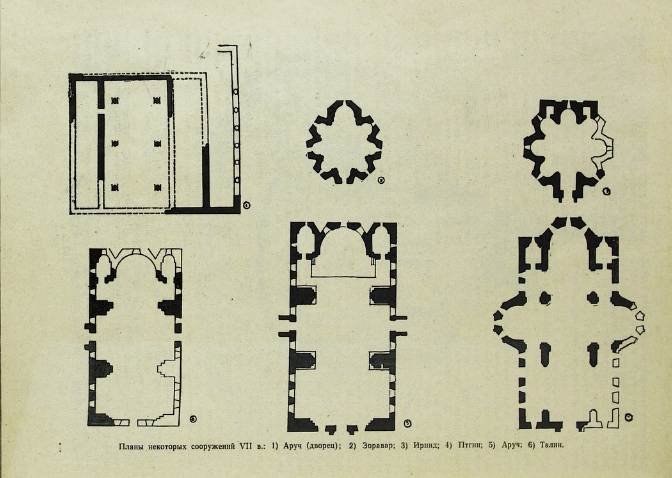
Сооружение над Хор-Вирапом в 640 г. было разрушено арабами. Через несколько лет, в 641—642 гг. его восстановил католикос Нерсес III Строитель.

О первоначальных формах указанного памятника можно судить по описанию арабского историка Ал-Мукадаси (X в.). Он пишет, что это было приземистое купольное здание на восьми колоннах, в апсиде которого было размещено изображение богоматери.

Таким образом, еще задолго до многоапсидного храма Зоравара в Армении существовали купольные сооружения о восьми колоннах. С другой стороны, несомненно, что если при небольших размерах вся композиция была вполне конструктивной, то при расширении диаметра купола опоры должны были быть заменены так хорошо знакомыми армянским мастерам упорными нишами. Аналогичное решение в VI в. применено в Аване, где вокруг основного подкупольного пространства были сгруппированы восемь, хотя и неравного пролета, упорных ниш.

Именно так был создан Зоравар, синтез нескольких центричных систем, логичный шаг на пути развития купольных композиций Армении.

Церковь Зоравар. Сооружение выделяется четкой разработкой конструктивных узлов. Хотя восточная апсида имеет сравнительно больший диаметр, чем другие упорные ниши, однако это обстоятельство вовсе не нарушает гармоничности композиции. Восемь подку-



Планы некоторых сооружений VII в.: 1) Аруч (дворец); 2) Зоравар; 3) Иринд; 4) Птгни; 5) Аруч; 6) Талин.

польных арок, горизонтальные распоры которых нейтрализуются примыкающей к каждой из них упорной нишей, создают ту надежную основу, на которой и покоится купол со своим барабаном, круглым изнутри и 12-гранным снаружи.

Зоравар возвел князь Григор Мамиконян (662—685). Храм принадлежит к числу наиболее выдающихся памятников армянской архитектуры VII в. Плановое решение его нашло определенное выражение во внешних фасадах, где восемь широких треугольных в плане ниш позволяют облегчить инертные массы стены и в то же время являются наиболее выразительными элементами экстерьера храма.

В Ириндe четкая композиция Зоравара несколько нарушается наличием восточных приделов и западной прямоугольной части, хотя принципиально это мало затрагивает общий замысел в целом. Правда, внешние фасады разработаны здесь сравнительно богаче, а глухая аркатура окаймляет такие же глубокие треугольные ниши, как и в Зораваре.

Композиция многоапсидных храмов получила широкое распространение и в последующие века, причем особенно ярко она проявилась в ряде памятников Ани X—XI вв.

СИНТЕЗ ЦЕНТРИЧНЫХ И ПРОДОЛЬНЫХ КОМПОЗИЦИЙ

До сих пор мы рассматривали центричные типы. Однако в раннесредневековом армянском зодчестве весьма значительны и сооружения, созданные на основе синтеза центричных и продольных композиций.

Исследования показывают, что купол получили все основные типы зально-сводчатых сооружений—как однонефные залы, так и трехнефные с четырьмя пилонами и трехнефные с тремя и более парами пилонов.

Процесс этот имел длительное развитие, в результате которого выкристаллизовались ясные и четкие формы. С одной стороны, именно синтезированные типы давали возможность значительно увеличить внутреннее пространство, не прибегая к увеличению диаметра купола, но с другой стороны, водружение тяжелого каменного купола на отдельно стоящих опорах, в условиях сильной сейсмики страны, было связано с огромными трудностями.

Крестово-купольные храмы. Синтез продольных и центричных композиций в VI—VII вв. получил широкое распространение и в Византии. Купол здесь водружался над центральным нефом базилики, причем одной из характерных сторон этих сооружений являлось наличие непрерывных сводов боковых нефов. Кроме того, здесь к подкупольным аркам своды примыкали лишь с запада и востока (свод главного нефа), тогда как с севера и юга подкупольное пространство замыкалось стеной, как правило, разработанной множеством окон (храм Софии в Фессалонике, церковь в Никее, Каср-ибн-Вардан).

В Армении разработка синтезированных типов с самого начала пошла по иному пути—главным здесь было обеспечение в условиях сильной сейсмики устойчивости купола. И поэтому не случайно, что схема купольной базилики, где купол поддерживался сводами лишь с двух сторон, была решительно отвергнута. Была создана система, где вся центральная часть сооружения решена по принципам центральнокупольных храмов — продольный неф базилики был пересечен поперечным нефом—трансептом, а подкупольные арки поддерживали своды со всех четырех сторон. Длинные боковые нефы были расчленены, и в центре храма образовалось доминирующее над всем внутренним пространством крестообразное ядро. Именно так был создан крестовокупольный тип, на основе которого возведены все без исключения армянские памятники. Поэтому применение термина «купольная базилика» относительно армянских памятников просто неверно—все известные армянские сооружения представляют собой не что иное, как **классические композиции крестово-купольного типа.**

Как показывает исследование, тип этот впервые был разработан уже в V в. именно в Армении. Древнейший памятник этого типа—Текорский храм. В строительстве сооружения, по-видимому, был перерыв вследствие военных действий в 70-х гг. V в. Нижняя часть, до 13 рядов кладки, была возведена из розового туфа. Продолжали же стройку из белого известняка, причем самым важным явилось то, что сводчатая композиция была заменена купольной. Не трудно видеть здесь влияние строившегося в те же годы Эчмиадзинского храма—центричного сооружения, хотя и с деревянным куполом. В Текоре купол был уже из камня, хотя сохранял еще многие характерные черты деревянных куполов. Он опирался на четыре уже новых мощных пилона. Но самое главное—для обеспечения устойчивости купола поперечные своды были размещены и к северу и к югу от подкупольного пространства, как это было характерно для центричных сооружений. Именно так в Текоре и была создана композиция, которая легла в

основу всего дальнейшего развития сооружений этого типа раннего средневековья[3].

Храм в Мрене. Величественная купольная базилика в Мрене дошла до нас без каких-либо реконструкций, на ней сохранилась даже черепичная сферическая кровля купола. Вследствие противоречивости сведений, которые сообщают историки, и дефектности строительной надписи, датировка основания храма затруднена. Наши исследования показывают, что этот храм был основан во время правления католикоса Комитаса, по всей вероятности, в 623 г. После анализа надписи и расшифровки лакун акад. И. А. Орбели пришел к выводу, что строительство его было завершено в годы правления Давида Сааруни (639—640).

Основой композиции являются четыре мощных подкупольных пилона, размещенных в средней части прямоугольного пространства, несколько вытянутого в направлении запад—восток. К этой основной части с востока примыкает апсида, по обеим сторонам которой размещены два довольно больших квадратных придела. Апсида даже несколько выступает за уровень восточной стены, напоминая многогранные апсиды древних базилик. Примечательно, что сечение пилонов также напоминает аналогичные элементы базиличных композиций. Над всем внутренним пространством сооружения господствует купол, поднимающийся над четко и ясно решенным поясом перехода. Последний состоит из четырех больших и восьми малых, прекрасно разработанных тромпов. Внутри сфера купола украшена 12-ю декоративными лучами. Особый интерес представляют рельефы над западным и северным входами в храм.

Над западным порталом представлена многофигурная композиция, где в первом ряду размещены рельефные изображения Христа, апостолов Петра, Павла и Григория Просветителя, а по обеим сторонам этой группы представлены ктиторы храма—князья Камсараканы. Наверху, во весь рост, изображены архангелы Гавриил и Михаил. Рельеф над северным входом представляет сцену водружения креста—символ распространения христианства в Армении. Известно, что когда в начале IV в. в стране огнем и мечом искоренялось язычество, когда царь Трдат, Григорий Просветитель и их сторонники разрушали и сжигали языческие храмы, на их развалинах водружались изображения высоких крестов как символ победы новой религии над язычеством. По всей вероятности, рельеф этот изображает именно одну из таких сцен. В центре представлен глава нахарарского рода Камсараканов, который водружает крест в своих владениях, а слева и справа от него помещены изображения Трдата и Григория Просветителя. Этому предположению вполне соответствуют как наличие большой разницы между размерами фигур, так и изображение коня слева от царя (символ гражданской власти) и семиствольного древа жизни (символ церкви) справа от Григория Просветителя.

Храм Гаяне. Политика армянской церкви, направленная на возвеличивание местных святынь, в начале VII в. нашла свое воплощение в ряде замечательных храмов, которые возведены в местах, связанных с именами Григория Просветителя, царя Трдата, Рипсиме, Гаяне и др. Еще в IV в. на южной окраине древнего Вагаршапата, где погибла Гаяне (сподвижница Рипсиме), была построена небольшая, по-видимому, двухэтажная усыпальница. В 630 г. ее снесли, а на ее месте католикос Езр приступил к строительству величественного храма ее имени.

По сравнению с ранее заложенным Мреном, данное сооружение означало определенный шаг на пути приближения к центричным композициям. Наиболее ярко это проявилось в формах его подкупольных пилонов, имеющих уже «центричную» конфигурацию.

Храм выделяется исключительной четкостью архитектурного замысла. Четыре центральных пилона поставлены почти в центре отведенного для мирян квадратного пространства, а крестообразная композиция перекрытия, созданная подкупольными арками и соответствующими им сводами, находит свое яркое выражение во внешних объемах сооружения.

Если интерьер храма дошел до нас без значительных изменений, то этого, к сожалению, нельзя сказать о его внешних формах. В XVII в. подверглись перестройке все скаты перекрытий, были резко усилены их уклоны, что привело к значительному отходу общего облика здания от характерной для VII в. спокойной уравновешенности форм. К XVII в. относится появление галереи на западной стороне храма. О строителях Гаяне и других рассмотренных выше памятников нет никаких достоверных данных. Исключение в этом отношении составляет лишь Багаванский храм,

[3] Примечательно, что в X—XIII вв. тип этот в Армении не получал почти никакого развития, и можно отметить лишь единичные памятники (собор в Ани). Между тем тот же крестово-купольный тип в IX в. проник из Армении в Византию и вскоре стал господствующим типом не только в Византии, но и во всех странах православной церкви.

в строительной надписи которого упоминается имя архитектора Исраела Горахчеци и дата постройки—631—639 гг. В пылу догматической борьбы противники стесали имя ктитора храма, однако анализ летописных данных и самой надписи приводит нас к заключению, что ктитором этого величественного храма, построенного в центре принадлежавшей церкви провинции, был епископ Тайка Нерсес, занявший через несколько лет, в 641 г., трон католикоса.

Место для постройки Багаванского храма было избрано не случайно. Еще в языческие времена здесь находился крупный культовый центр, по преданию, разрушенный Григорием Просветителем, который построил на его месте христианскую церковь.

В VII в., когда строительство культовых сооружений получило значительное развитие, в Багаване появился один из самых значительных армянских храмов, который по своим размерам (46×27) почти не имеет равного среди памятников этой эпохи.

В развитии композиционных решений культовых сооружений видное место занимает синтез центричных и трехнефных базилик, где количество пилонов достигало трех или более пар. Присущая этим сооружениям несущая опорная система не была приспособлена для несения тяжелого купола. С другой стороны, удлиненность пропорций вовсе не способствовала утверждению доминирующего положения купола. Со всеми этими проблемами столкнулись зодчие при попытках водрузить купол над трехнефной базиликой с тремя парами пилонов. Как было отмечено выше, древнейшие примеры не сохранились, и наиболее ранним памятником является Одзунский храм. Именно на этой основе были созданы храмы Двина и Талина.

Стремление получить сооружение с обширным внутренним пространством привело к новому решению, которое, хотя в основном и восходит к крестовокупольным сооружениям, значительно отличается от них наличием ряда своеобразных черт.

Если в Одзуне, возведенном по всем данным в середине VI в., при сохранении удлиненных пропорций и узкого интерьера, купол имел небольшие размеры, то при реконструкции обширной базилики Двина распор огромного купола, конечно, не могли нейтрализовать лишь одни внешние стены храма. Не случайно, что армянские мастера и здесь применили хорошо известный прием погашения горизонтальных усилий посредством мощных упорных ниш, что и привело к созданию той своеобразной композиции, которую мы наблюдаем в Двине. Здесь несколько сокращена длина древней базилики, что, конечно, нельзя считать случайным, ибо новый пространственный доминант композиции—купол не мог охватить все пространство огромного сооружения, а при сохранении прежних пропорций он фактически потерял бы свое доминирующее положение[4]. Как увидим ниже, в однотипном храме Талина, возведенном во второй половине VII в., зодчие с самого начала учли эти положения.

Двин, кафедральный собор. У самых стен цитадели Двина еще в древности был создан крупный культовый центр, который стал резиденцией католикоса во второй половине V в. Наиболее значительным сооружением здесь была трехнефная базилика, которая сгорела во время восстания 572 г. В 607 г. правитель Армении Смбат Багратуни, используя старые фундаменты, на этом же месте возвел новый купольный храм. Были использованы фундаменты северной, западной и южной стен, причем с востока сооружение было значительно укорочено. Новая постройка была рассчитана на доминирующее положение купола, и в связи с этим появилась принципиально новая несущая система, состоящая из мощных центральных пилонов и упорных ниш. Именно так была разработана эта оригинальная композиция, где «базиличные» пропорции так своеобразно сочетаются с характерными для центричных композиций упорными нишами. К сожалению, от этого некогда выдающегося сооружения остались лишь первые ряды стен, а местами лишь одни фундаменты. И тем не менее даже ее плановая структура представляет большой интерес. Несомненно, именно это сооружение послужило прототипом для появления во второй половине VII в. огромного храма в Талине.

Храм в Талине. По своей плановой композиции это вытянутый прямоугольник с выступающей восточной апсидой, по обеим сторонам которой размещены почти квадратные приделы, имеющие свои небольшие апсиды. Мощные пилоны делят внутреннее прост-

[4] Аналогичное явление наблюдалось и во время реконструкции однонефных зальных церквей, пропорции которых порой бывали еще более вытянутыми. Именно так было при реконструкции однонефной зальной церкви V в. в Зовуни, где мастера значительно сократили восточную часть, возвели новую апсиду, а с внутренней стороны добавили две пары мощных подкупольных пилонов.

ранство на три нефа, а по обеим сторонам подкупольного пространства, с севера и юга, к стенам примыкают полукруглые изнутри и многогранные снаружи широкие упорные ниши. Храм имеет пять входов: один на западном фасаде, по два—на северном и южном. Входы в приделы открываются в боковые нефы. Памятник отличается наличием больших, широких окон. Это один из наиболее хорошо освещенных храмов VII в. Несколько отодвинутые на запад приделы привели к удлинению западного рукава, что непосредственно сказалось на общих формах сооружения.

Широкий главный неф, перекрытый высоким сводом, направляет взор посетителя к главной апсиде храма, к доминирующему над всем центральным пространством куполу. Паруса создают плавный переход к подкупольному кольцу, над которым и возвышается высокий двенадцатигранный барабан купола, разработанный как изнутри, так и снаружи глухой аркатурой.

Памятник отличается богатством декоративных форм. Особо выделяются выступающие апсиды с их изящной аркатурой и многочисленными, нигде не повторяющимися формами бровок окон. С еще большим мастерством разработан западный фасад сооружения, где на глади стены четко выделяются две высокие, треугольные в плане, глубокие ниши. Внутри ниш размещены парные колонны, на капителях которых, вероятно, в свое время стояли кресты или плиты с рельефами ктиторов храма. Ниши эти, в отличие от ниш, встречающихся на восточных фасадах сооружений (Птгни, Артик), не имеют какого-либо конструктивного значения. В последующие века аналогичный подход еще более усиливается; на рубеже IX—X вв. можно встретить памятники, где ниши появляются на всех четырех фасадах сооружений. Примечательно, что некоторые бровки и карнизы храма были покрыты красной и белой краской. Этой богатой разработке внешних фасадов было созвучно и красочное оформление интерьера сооружения. Стены храма в свое время украшала замечательная роспись, от которой до нас дошли лишь отдельные разрозненные фрагменты.

Купольные залы. Выше мы рассматривали системы, созданные на основе синтеза центричных и трехнефных композиций. Однако не менее примечателен также синтез с однонефными, зальными сооружениями. Последние имели еще более вытянутые пропорции, в связи с чем зодчие при реконструкции значительно сокращали длину этих строений. По-видимому, так именно возникла купольная зала в Зовуни.

В отличие от трехнефных композиций здесь не было отдельно стоящих пилонов, следовательно, распор и тяжесть купола должны были восприниматься приставными пилонами или упорными нишами. Варианты с такими нишами приближали эти композиции к простым крестообразным сооружениям (Малая церковь в Артике, середина VI в.; церковь вблизи Степанавана-Долбантлу, вторая половина VI в.). Если в Артике сохранились архаичные черты древних базилик (наружные галереи и открытые апсиды), а слабость подкупольных арок заставляет предположить существование деревянного купола, то в Степанаванском памятнике мощная система упорных ниш вплотную приближает его к типу простого креста, чему немало способствует и центральное (в отношении всего сооружения) расположение купола.

Принципиально новое решение было получено посредством размещения пилонов впритык к продольным стенам сооружений. Древнейшим примером данной композиции является храм в Зовуни.

Дальнейшее развитие шло по пути увеличения абсолютных размеров сооружений, поисков новых пропорций. В результате были созданы такие высокохудожественные памятники VII в., как купольные залы в Птгни и Аруче. Сооружения эти характеризуются четкостью и замечательным единством объемных решений—чертами, которые в определенной степени приближают их к центричным композициям.

Храм Птгни. Купольная зала в Птгни—один из наиболее высокохудожественных памятников армянского зодчества. Сооружение отличают гармоничные пропорции, соразмерность основных компонентов и прекрасно разработанный декор. К сожалению, памятник находится в сильно поврежденном состоянии. Отсутствуют почти вся восточная стена, значительная часть южной стены, мало что осталось и от западной стены. От всей купольной системы уцелела лишь одна арка с остатками тромпов. Однако даже то, что сохранилось, позволяет представить себе основные характерные черты этого интереснейшего сооружения. Восточная стена храма разработана двумя довольно глубокими треугольными нишами, являющимися древнейшими из всех дошедших до нас аналогичных решений.

Приделы, размещенные по обеим сторонам главной апсиды, двухэтажные, имеют правильные апсиды; на второй этаж, в «тайники» (также выложенные из чисто отесанных

камней), попадали через лаз в своде первого этажа.

К сожалению, точная дата основания сооружения неизвестна. Исследователи по-разному датируют этот памятник, возведенный в резиденции нахарарского рода Аматуни. Известно лишь, что представители этого рода, Иоаннес, епископ Аматуниев, и Исраел Птгнаванеци, участвовали в Двинском соборе 607 г. Датировка храма второй четвертью VI в., предложенная Г. Овсепяном, совершенно неубедительна. Этому противоречат все основные конструкции и архитектурные формы храма.

Мы полагаем, что при датировке храма следует иметь в виду надпись, находящуюся на южном фасаде храма, которая гласит: «Я, Иоаннес, служитель святого креста». Высечена она несколько правее центрального окна буквами, характерными для армянской эпиграфики VI—VII вв., и своей лаконичностью напоминает известную надпись 618 г. католикоса Комитаса в храме Рипсимэ. Уже само размещение надписи не оставляет сомнения, что названный Иоаннес не мог быть малозаметным деятелем. Ясно и то, что надпись высечена в процессе строительства храма. Следовательно, представленный в ней Иоаннес не кто иной, как епископ Аматуниев, участник Двинского собора 607 г. Можно предположить, что к этому времени строительство было доведено до уровня центрального окна южного фасада, а храм, по всей вероятности, был заложен сразу после изгнания византийских войск (602). Такую датировку подтверждают как многочисленные знаки мастеров-каменщиков, так и архитектурные формы и декоративные мотивы сооружения, близкие аналогии которым находим на памятниках, датированных первыми десятилетиями VII в.

Особый интерес представляют сюжетные рельефы храма и, в частности, бровка центрального окна южного фасада. Здесь в верхней части представлен сюжет вознесения Христа—два ангела несут его изображение, взятое в круг. Ниже, на закругленных сторонах бровки, размещены изображения апостолов, также взятые в круг, а под ними, в горизонтальных отворотах—сцены единоборства человека со львом. У левого рельефа высечена лаконичная надпись: «Владыка Аматуниев Мануел».

В армянской историографии известен лишь один Мануел Аматуни, который вместе со своим отцом пал в бою с персами в IV в. Не исключено, что речь идет именно о нем и для увековечения памяти героев несколько ниже рельефов святых помещено их изображение. С аналогичным явлением мы встретились в Мрене. Оно не забывается и впоследствии. В построенном в X в. храме Ахтамар в ряду изображений святых нашли место рельефные изображения двух князей из рода Арцруни, Саака и Амазаспа, погибших в борьбе с арабами еще в VIII в. Рельефы эти не единственные в Птгни. На южном фасаде в кладку стены вложены фрагменты еще двух сюжетных композиций, по всей вероятности, взятых из какого-то другого памятника, разрушенного к моменту строительства храма в Птгни. Первый из них изображает сидящего под пальмой льва, причем в правом верхнем углу рельефа сохранилось изображение открытой ладони человека. Нетрудно догадаться, что здесь мы имеем крайний левый камень когда-то троечастной композиции «Даниил во рву львином» где центральную часть занимала фигура Даниила с поднятыми вверх руками, а по обеим его сторонам были изображены львы.

Второй камень с резьбой также является частью композиции, вернее половины перемычного камня с изображением креста в центре и растительными мотивами цветения, выходящими из нижнего его тябла.

Среди руин храма сохранился фрагмент капители с волютами, причем последняя образована изогнутым в круг пальмовым листом—явный признак существования в Птгни дворцового сооружения, аналогичного дворцам Двина и Аруча.

Храм в Аруче. Величественный храм в древнем поселении Аруч, резиденции правителя Армении Григора Мамиконяна, дошел до нас в гораздо лучшем состоянии, чем храм в Птгни. Уцелели все стены и перекрытия, кроме огромного купола. Храм возведен в 70-х гг. VII в. князем Григором Мамиконяном несколько к северу от его дворца. По своей композиции сооружение аналогично храму Птгни, а по абсолютным размерам гораздо больше его и отличается несколько иным пропорциональным построением. Кроме того, здесь мы видим не тромповый, а парусный переход. Две пары мощных, сильно выступающих пилонов легко несут паруса, замыкающиеся на огромной высоте подкупольным кольцом. Этим формам созвучны ясные, четкие объемы храма, его величавый силуэт, господствующий над всем окружающим пространством. Ровную гладь стен рассекает множество широких окон, гармонично размещенных по всем фасадам сооружения. Это спокойствие нарушается лишь на восточной стороне, где две широкие и высокие, треу-

гольные в плане ниши создают напряженный ритм архитектурных элементов. От широкого двенадцатигранного барабана купола, в свое время разработанного парными полуколоннами, сохранились лишь несколько фрагментов, выявленных при реставрационных работах. Декоративные формы памятника, в основном бровки окон и ниш, отличающиеся тщательностью выполнения и разнообразием форм, характерны для второй половины VII в.

СТРОИТЕЛЬНАЯ ТЕХНИКА И КАМЕННЫЕ КОНСТРУКЦИИ

В VI—VII вв., как и в предшествующий период развития, основным строительным материалом служил туф, которым так богато Армянское нагорье и который дает большие возможности для монументального строительства.

В строительной технике коренных изменений не наблюдается—в основном разрабатываются новые каменные конструкции, что обусловлено возведением купольных сооружений. В армянской архитектуре уже в V в. значительное место занимало использование разноцветного туфа, получившего еще более широкое распространение впоследствии. Оставаясь около полутора тысяч лет под непосредственным воздействием южного солнца, ветра, дождя и снега, сохранившиеся памятники сильно изменили свою первоначальную расцветку, покрылись вековой серой пеленой. Стоит, однако, удалить с какого-нибудь обломка верхний слой, чтобы убедиться, какие яркие цвета имели памятники в изначальном виде и каким опытом обладали архитекторы при выборе их колорита.

Достаточно напомнить о стенах, сложенных из степанаванского желтовато-зеленого фельзитового туфа, памятниках Кохпа, имеющих кремово-молочный цвет, золотисто-желтых стенах Ерерука и Гаяне, ярко-красных—Авана и Кармравора, розоватых—Лмбата и Артика, коричневых—Мастары и Звартноца, темно-серых—Рипсиме, чтобы ясно представить себе многообразную цветовую гамму армянских памятников.

Как и раньше, обработка стен снаружи и изнутри была гладкой. Этот основной способ обтески камней сохраняется в течение всей эпохи. Можно указать лишь редкие памятники, внутренние поверхности которых несколько грубоваты, поскольку с самого начала предусматривалось покрыть их штукатуркой (Одзун, Аван).

Стены клались из камней сравнительно больших размеров, высота их колеблется в пределах 50—70 см. Горизонтальные швы, как правило, обрабатывались фасками, которые не только предохраняли края камней от поломок, но и служили своеобразным масштабом для всего сооружения, создавая на глади стены определенный ритм тонких горизонтальных линий. Таким образом, отлично обработанная стена уже не нуждалась в искусственном оформлении и по существу становилась одним из самых значительных факторов архитектурной выразительности. Стены памятников обычно возвышаются над трехступенчатыми цоколями, которые охватывают сооружение снаружи и имеют определенное конструктивное значение. Они повышают его устойчивость и одновременно создают необходимый переход от стены к более широкому фундаменту. Цоколь имеет существенное значение и в эстетическом отношении—создается впечатление устойчивой основы сооружения.

Что касается сводчатой и арочной конструкций, то еще в предшествующий период армянские архитекторы без особых затруднений покрывали ими значительные пролеты. Однако если в базиличных сооружениях арки нагружались сравнительно легко, то с появлением купола вопросы прочности памятников приобретают первостепенное значение. Важной проблемой становится погашение горизонтальных распоров сводчатых и арочных конструкций. Это обстоятельство выявляется прежде всего в процессе разработки плановых композиций сооружений, причем чувствуется стремление строителей по возможности избегать отдельно стоящих пилонов и опирать подкупольные арки на внешние стены или на выступающие устои.

Основной проблемой, вставшей перед армянскими архитекторами, было создание надежных купольных конструкций, т. е. разработка угловых переходов от подкупольных квадратов к круговому контуру основания купола. Богатый опыт, накопленный армянскими мастерами в процессе сооружения деревянных куполов народного жилья, имел, несомненно, определенное значение при разработке форм каменных куполов. Нельзя поэтому считать случайным, что ранние каменные конструкции явились как бы повторением с помощью камня конструктивных форм деревянного купола. Об этом свидетельствуют и купол Текорского храма конца V в., и перекрытия гавитов XI—XIII вв., где пережиточно повторяются основные особенности деревянных куполов.

В VI—VII вв. получили распространение тромповые конструкции, которые представля-

ют собой своеобразные полуконусы, закрывающие углы квадратного пространства. Часто тромпы имеют двухрядное расположение, причем четыре больших тромпа первого ряда переводят подкупольный квадрат в восьмиугольник. Выше них расположены малые тромпы второго ряда, числом восемь, и купол непосредственно опирается на полученный с их помощью многоугольник, имеющий уже 16 граней. Основные тромпы обычно сложены из веерообразно расположенных камней, их пролеты достигают нескольких метров. Тромпы второго ряда имеют несравненно меньшие размеры и, как правило, выдолблены в одном камне.

Органичную часть армянских куполов составляет барабан, в котором открываются освещающие храм окна. Для рассматриваемого периода характерны барабаны, имеющие восьмиугольную конфигурацию, хотя уже в VII в. встречаются барабаны с 12 и 16 гранями.

Наиболее ответственной задачей становилось обеспечение устойчивости купольных конструкций путем нейтрализации горизонтального распора. Она приобрела особое значение именно в Армении, в районе активной деятельности сейсмических сил. Не случайно, что в подавляющем большинстве памятников подкупольные арки опираются не на отдельно стоящие пилоны, а на внешние стены или на примыкающие к ним мощные устои.

Основными элементами обработки плоскостей стен являются проемы, которые в VII в. еще сохраняют завещанные издревле значительные размеры и обеспечивают храмам обильное освещение. Входы в храмы обычно расположены на южной и на западной стороне. В известных случаях на закрывающих вход горизонтальных перемычках устраивается полукруглый люнет. В противоположность дверям, которые, как правило, прикрываются горизонтальными перемычками, окна завершаются полукруглыми арками и значительно расширяются изнутри. Сравнительно невысоко размещенные проемы ограждаются железной решеткой (расстояние между прутьями 25—35 см, диаметр 1,5—2 см). При отсутствии возможности разместить окна, имеющие вытянутые пропорции, устраивают круглые окна, которые, кстати, кроме своего прямого функционального назначения, играют существенную роль в оформлении гладких, сплошных поверхностей, особенно щипцов. Примечательно, что круглые окна обычно закрывались ажурными каменными плитами-решетками. Созвучно формам полукруглых бровок окон обрабатывались также карнизы, для которых характерно значительное разнообразие решений. Здесь различаются два основных типа: карнизы в виде прямоугольных плит, лобовые плоскости которых обрабатывались зубцами, арочками, кругами, и карнизы со скосом под 45°, обработанные мотивами декоративного плетения.

Как и в предшествовавший период, памятники покрывались черепицей. Кровельная черепица в основном была двух видов—плоская и полукруглая. Последние укладывались в местах примыкания прямоугольных, плоских черепиц. Черепицы клались непосредственно на раствор, причем первый ряд прикреплялся к раствору кровли посредством специальных железных штырей.

Скаты крыш обычно покрывались плоскими черепицами, а купола—черепицами, имеющими определенную выпуклость.

К сожалению, до нас не дошла ни одна работа по архитектурной теории средневековья. Зато сами памятники, четкая система их построения говорят о многом. Основными инструментами архитектора были линейка и угольник, циркуль и мерная лента. На целом ряде сооружений и сейчас можно видеть следы разбивочных линий. До их возведения зодчие готовили модели зданий, схематическое изображение которых видно на ктиторских рельефах. Не может быть сомнений, что были и чертежи, выполненные, по-видимому на пергаменте или на полированных досках. Четкие пропорции хоранов миниатюр в виде арочных портиков и колоннад свидетельствуют об умении мастеров выполнять довольно сложные геометрические построения. Об этом говорят и «чертежи» на гладко отесанных камнях, например, на стенах храма в Аруче. Здесь налицо ряд схем орнаментов и декоративных мотивов, построенных с помощью острого циркуля. Наибольший интерес представляет план небольшого тетраконха, выполненного на большом, прекрасно отесанном камне еще до того, как он был поднят почти на уровень купола храма. Выполненный на основе четкого применения линейной меры, этот план представляется как предварительный эскизный чертеж зодчего, черновой набросок. Исследование построения архитектурных памятников интересующей нас эпохи показывает, что армянское зодчество, переняв многое от урартов, и в том числе основу построения архитектурных форм—линейную меру, унаследовал также геометрический принцип их построения, причем исходными почти всегда являлись ширина храма или же пролеты главных конструктивных элементов

сооружений. Конечно, применялись и простые арифметические соразмерности, но не они являлись главными, да и не могли эти соотношения служить основой построения композиции на месте.

Памятники, возведенные в период с середины VI до середины VII в., отличаются сдержанной обработкой внешних фасадов. Основными элементами декоративного оформления сооружений являются бровки окон, ниш, входы, карнизы. Со второй половины VII в. значительное распространение получают глухие аркады, а в отдельных случаях пояса, покрытые большей частью растительной резьбой, причем основными их мотивами являются гранатовое дерево и виноградная лоза.

Строительство осуществлялось под присмотром надзирателей, находившихся на службе у князей. Работами непосредственно руководил архитектор, деятельность которого была отделена от работы обычных мастеров. Архитектор сам изготовлял модели и, возможно, шаблоны наиболее ответственных узлов.

Армянская церковь в течение веков строго контролировала формы культовых сооружений. Вести строительство можно было лишь с разрешения епископа. Существовали даже специальные законы, согласно которым епископ мог снести любое культовое сооружение, если его формы не соответствовали установленным требованиям.

Основными источниками датировки памятников служат сохранившиеся на них надписи и сообщения летописцев. С VI—VII вв. до нас дошло 70 памятников, из которых датированы всего 15. Для датировки других сооружений исходными являются строительная техника, особенности каменных конструкций, плановых и объемных решений, своеобразие форм художественного оформления памятников, особенности стиля рельефов и орнаментов.

Очень отрывистые и в то же время интересные сведения сообщают о памятниках летописцы. В этом отношении особенно примечательны сообщения историка VII в. Себеоса, современника сооружения многих памятников.

РОСПИСЬ И СЮЖЕТНЫЕ РЕЛЬЕФЫ

В монументальном искусстве VI—VII вв. определенное место занимают архитектурная роспись и сюжетные рельефы. Стенная роспись Аруча, современная строительству храма, принадлежит к числу выдающихся армянских росписей и представляет значительный интерес. На апсиде храма был изображен стоящий во весь рост Христос (высотой около 7 м), державший в руке длинный свиток пергамента с текстом из Евангелия на армянском языке. По обеим сторонам фигуры Христа сохранились остатки изображений апостолов.

Появление в Аруче во второй половине VII в. такого высокохудожественного памятника, несомненно, не было явлением случайным и имело свои предпосылки на предшествующих этапах развития армянского искусства. Достаточно вспомнить стенные росписи цитадели урартского города Эребуни, известную гарнийскую мозаику, остатки стенной живописи в Ахце, Қасахе, Ереруке, Текоре, мозаику в Эчмиадзине, Двине, Звартноце, в армянских церквах Иерусалима, чтобы стало ясно, что искусство армянской стенной живописи VII в. имело свои глубокие местные исторические корни.

На рубеже VI—VII вв. искусство стенной живописи переживает новый подъем и самым тесным образом связано с бурным подъемом архитектуры. Так, уже в начале VII в. в Двине покрываются мозаикой полы боковых апсид построенного здесь в 607 г. храма, а апсиды украшаются росписями. Тогда же появилась мозаика в восточной апсиде Звартноца, от которой дошел до нас небольшой фрагмент мозаичного креста. Сравнительно лучше сохранились росписи, остатки которых и сегодня можно видеть в Талине, Лмбате, Қоше, Зораваре, Мрене и во многих других монументальных постройках.

Исключительный интерес представляет роспись в Лмбате, в свое время покрывавшая всю апсиду церкви. В центре этой апсиды на фоне языков пламени был изображен сидящий на троне Христос, окруженный символами небесных сил.

Аналогичная композиция повторена в храме Талина, где, кроме апсиды, сохранились следы росписи и на всех остальных его стенах. Плохая сохранность росписей объясняется тем, что слой штукатурки толщиной 3—4 мм слабо связывался с чисто оттесанной гладкой поверхностью стен.

В специальной литературе до сих пор еще можно встретить в корне ошибочное мнение о якобы иконоборческом характере армянской церкви вообще. Наши исследования убеждают, что она никогда официально не запрещала роспись, а монументальная живопись не рассматривалась как проявление халкедонизма. По сообщению древних авторов, армянская церковь во многих случаях сама открыто выступала против иконоборцев, не прекращая одновременно борьбы с халкедонизмом.

Иконоборческие тенденции в Армении существовали, но они исходили из мощного народного движения, именуемого павликианством. С другой стороны, наличие монументальной живописи в целом ряде памятников VII в. (ктиторами которых были князья, известные своей антивизантийской деятельностью и ничем не связанные с халкедонизмом) в корне опровергает мнение о халкедонитском происхождении росписей таких храмов VII в., как Талин, Аруч, Лмбат, Зоравар и др. Достаточно сослаться на богатую роспись и мозаику кафедрального собора национальной церкви Армении—храма св. Григория в Двине (607).

О том, что роспись в культовых сооружениях вовсе не была связана с вероисповеданием их ктиторов (халкедонитским или национальным), свидетельствует, например, отсутствие таковых в Аване (591—602) и Гаяне (630), т. е. храмах, возведенных католикосами-халкедонитами. Та же картина повторяется впоследствии, после освобождения страны от арабского владычества, когда наиболее ранние росписи этой эпохи появляются в тех храмах, ктиторы которых не имели ничего общего с халкедонизмом (Ахтамар, Татев, Гндеванк).

В некоторых памятниках XIII—XIV вв., особенно в Ани, видим монументальную живопись халкедонитского толка, имеющую надписи на греческом и грузинском языках, что и послужило источником для ошибочных обобщений.

Таким образом, армянская церковь в течение своей многовековой истории никогда не была иконоборческой. Верная своим традициям и установившимся принципам разработки интерьера культовых сооружений, она в то же время не поощряла широкого применения монументальной живописи. Неудивительно поэтому, что в армянских церквах роспись большей частью появляется в апсидах.

Наряду с искусством стенной росписи в VI—VII вв. развивается также скульптура—отрасль искусства, которая осталась в пределах лишь одних архитектурных рельефов. Это, однако, не помешало армянским мастерам создать и в данной области целый ряд замечательных произведений.

Базируясь на формах, разработанных в IV—V вв., армянская скульптура пережила большой прогресс в VI—VII вв. От этой эпохи до нас дошел ряд замечательных рельефов как светского, так и культового характера.

Яркими примерами этого являются рельефы Птгни, Мрена, Звартноца, Сисавана. Мастера-скульпторы с большим умением изобразили здесь фигуры ктиторов и тематически целые сюжетные сцены. В скульптуре значительное место занимают изображения отдельных животных и птиц. В этом отношении весьма показательны рельефы звартноцских орлов.

Среди рельефов, разработанных на культовые темы, примечателен сюжет «Даниил во рву львином», хорошо известный и в более раннюю эпоху.

Большим мастерством отличаются рельефы ктиторов внутри храма и евангелистов на карнизе барабана в Сисаване.

Особое развитие получила архитектурная орнаментика. При разработке бровок окон порталов, капителей и архивольтов широко использовались стилизованные растительные мотивы. Среди них особо выделяется орнаментированный фриз Звартноца, состоящий из ветвей граната с плодами и виноградных лоз.

Использование декоративных форм никогда не было самоцелью. Вообще памятники VI—VII вв. отличаются большой сдержанностью архитектурного декора, а орнамент применяется лишь в тех местах, где он действительно необходим. Тем самым раскрывается и подчеркивается тектонический замысел сооружения, того или иного архитектурного узла или отдельного элемента. В декоративном искусстве VI—VII вв. еще живы отголоски древних традиций, которые так своеобразно проявились в рельефах Птгни, Мрена, Двина, Звартноца.

Однако новая эпоха, новые условия и требования, как и разрабатываемые в архитектуре новые направления, наложили свой отпечаток также на скульптуру и декоративное искусство. И не случайно, что их развитие в XI—XIII вв. пошло по иному пути.

В период VI—VII вв. заметно усиливается тенденция возвеличивания армянской церкви и местных святых, в связи с чем первостепенное значение получают мемориальные памятники.

Прежде всего это стелы, на гранях которых находят место сцены, изображающие деятельность местных святых и, в особенности, сцены из жизни Григория Просветителя и царя Трдата. Значительный интерес представляет великолепный монумент в Агуди, сооруженный в VII в. В нем своеобразно отразились известные еще в древности формы двухэтажных башнеобразных усыпальниц.

В эту же эпоху получают несравненно более широкое распространение отдельно стоящие колонны с крестами. Прекрасные их образцы выявлены во время раскопок в Двине. О композиции этих сооружений можно

составить представление также по колонне в Ошакане, где на кубовидном основании возвышается восьмигранный столб высотой 3,7 м. Вся композиция завершалась капителью с волютами, над которой был водружен большой, объемный крест.

* * *

Армянская архитектура VI—VII вв. ознаменовалась целым рядом крупных творческих успехов. Постепенно, шаг за шагом разрабатывались великолепные сооружения, каждое из которых являет собой веху на пути развития архитектуры данной эпохи.

Цельность объемов, простота и четкость конструкций и декоративных форм, отражение внутренней композиции сооружения в экстерьере—вот те творческие начала, которые легли в основу архитектуры данной эпохи.

Однако повторяющиеся чужеземные завоевания пресекли это развитие, и вместе с экономическим упадком страны фактически приостановилось и монументальное строительство. Лишь после изгнания иностранных поработителей и восстановления армянской государственности во второй половине IX в. эти памятники, частью уцелевшие и частью полуразрушенные, освященные временем и легендами, придали зодчим новую энергию, явились той прочной основой, на которой выросло и развилось армянское архитектурное искусство IX—XI вв.

ГЛАВА V

АРХИТЕКТУРА IX—XI вв.

Во второй половине IX в., когда силы арабского халифата пришли в упадок, армянскому народу удалось восстановить свою государственность. Арабский халифат и Византийская империя в 884 г. признали царство Ашота Багратуни. После этого борьба против арабских эмиров и местных непокорных феодалов продолжалась почти полвека, и лишь в 20-х гг. X в. Ашот II (Железный) окончательно освободил страну. Однако феодальная раздробленность не была ликвидирована, и многие области продолжали оставаться независимыми от центральной власти. Тем не менее восстановление государственности, подъем национального самосознания и, главное, установившийся мир способствовали процветанию страны. Значительное развитие получают сельское хозяйство, ремесла, торговля. Несравненно больший размах приобретает эксплуатация недр, вследствие чего становится возможным изготовлять из железа большую часть сельскохозяйственных орудий и инструментов для ремесленного производства. Вместе с тем развиваются ткачество, металлургия, гончарное и кожевенное дело, плотничество, резьба по камню и многие другие ремесла. Создаются амкарства (цехи ремесленников), и лица, занимающиеся ремеслами, поселяются в определенных городских кварталах.

В городах появляются рынки и торговые улицы, в наиболее крупных из них по нескольку раз в год устраиваются ярмарки, куда съезжаются также купцы из сопредельных стран.

Мирные условия и безопасность передвижений значительно способствовали оживлению международной торговли, что в свою очередь стимулировало развитие ремесленничества и городской жизни. Через страну проходило несколько путей международной транзитной торговли, в которую была вовлечена и сама Армения. Археологические раскопки (Ани, Двин) показывают, что сюда ввозились товары даже из Китая и Индии. Сохранились многочисленные свидетельства летописцев, согласно которым из Армении вывозились шелковые и шерстяные ткани, украшенная цветами златотканая парча, оружие, золотые и серебряные изделия, краски, соль, железо, медь. Вывозились породистые лошади, мулы, сухие фрукты, вино и другие товары.

В IX—XI вв. большое развитие получают города. Из старых городов существенное значение приобретают Нахичеван, Двин, Ван, Нпркерт, Карин и др. Появляются и новые города—Ани, Арцн, Карс, Арчеш, Хлат, Беркри, Востан и др., возникавшие большей частью в местах древнейших поселений и замков.

Замок Ани, известный еще с V в., в 961 г. становится столицей царства Багратидов. С этих пор Ани быстро растет, превращаясь в крупнейший торговый, ремесленный и культурный центр страны. В XI в. город насчитывал 10 тысяч домов и около 100 тысяч жителей. Здесь строились дворцы Багратидов и выдающиеся культовые памятники. Ани сохранил свое значение и в последующие века, при Захаридах. Защищенный мощными и высокими стенами, этот большой разноязычный торговый город становится одним из значительных центров Передней Азии.

Развитию страны в X—XI вв. мешали центробежные стремления отдельных феодалов, и Багратиды не раз вынуждены были бороться с ними с помощью военной силы. Тем не менее им не удалось ликвидировать расчлененность страны. В Васпуракане, Ванande, Сюнике и Лори в X в. создаются отдельные вассальные царства.

Это был период усиления гнета крестьян и резкого обострения классовых противоре-

чий. Увеличивались повинности, вновь созданные монастырские центры расширялись за счет отторгнутых у крестьян земель. Не случайно, что именно в конце IX—начале X в. широкий размах получило движение тондракийцев, которое, как и предшествовавшее ему движение павликиан, выступая под покровом религиозно-догматической борьбы, по существу являлось одной из форм классовой борьбы.

Пламя восстания охватило вначале Араратскую область, а затем и другие районы страны. Крестьянство поднималось на активную борьбу и против монастырских властей. Характерна, например, упорная борьба жителей подвластных Татевскому монастырю сел, совершивших вооруженное нападение на монастырь.

Феодальные власти и церковь учинили кровавую расправу над народным движением, которое то утихая, то вспыхивая, продолжалось до XI в.

В деле воссоединения страны, усиления ее военной мощи особенно плодотворной была деятельность царя Гагика I Багратида, при котором в конце X и в первые десятилетия XI в. Армения стала одной из сильнейших стран Передней Азии.

В IX—XI вв. армянская культура переживает новый подъем. Развитие городов и городской жизни явилось новым стимулом для подъема светской жизни. Наряду с историографической, философской и религиозно-догматической литературой значительное место занимает художественная и медицинская литература. Создаются светские и монастырские школы, причем в значительных центрах основываются монастырские школы высшего типа (Татев, Нарек, Ани, Ахпат, Санаин). Бурная жизнь эпохи находит яркое отражение в устном народном творчестве, особенно в эпосе «Давид Сасунский». Высокого мастерства достигает средневековая поэзия, появляется ряд выдающихся историков (Ованес Драсханакертци, Фома Арцруни, Асохик) и философов (Григор Магистрос), с греческого языка переводятся труды Платона и «Геометрия» Эвклида. Иоаннес Саркаваг продолжает традиции математической науки VII в., большой вклад в медицину делает Мхитар Гераци.

Новый подъем переживают все отрасли искусства—театр, музыка, миниатюра и особенно архитектура. Богатые торговые города застраиваются дворцами и храмами. Не отстают от них и крупные монастырские центры.

Однако бурный подъем армянской культуры, как и два века назад, был приостановлен. Воспользовавшись возникшей между наследниками Гагика I борьбой за престол и опираясь на изменников—католикоса и князей, Византийская империя, преодолев упорное сопротивление, в 1041 г. захватила Ани. Начиная с первой половины XI в. Византия упразднила одно за другим наиболее значительные армянские царства, и когда смертоносная волна сельджукских нашествий нахлынула на Армению, последняя не смогла оказать серьезного сопротивления. Византийские войска оставили Армению беззащитной, и в 1064 г. Алп-Арслан захватил Ани.

Падение царства Багратидов фактически означало упразднение армянской государственности.

Владычество сельджуков, продолжавшееся 120 лет, нанесло сильный удар по экономике страны, ее культуре, особенно архитектуре.

* * *

Феодальная раздробленность наложила определенный отпечаток на развитие архитектуры IX—XI вв. Неудивительно, что в этих условиях широкое распространение получают сравнительно небольшие сооружения и в рамках сложившейся строительной практики разрабатывается и приобретает определенный облик новое стилистическое направление.

В эту эпоху особое развитие получают изящные, устремленные ввысь сравнительно небольшие сооружения, а реалистическому, сильно выступающему декору VII в. приходит на смену плоскостной геометризованный орнамент, состоящий в основном из сильно стилизованных растительных мотивов и «корзиночного» плетения. Эта общая тенденция коснулась большинства архитектурных форм, и не случайно, что ряд памятников этого периода характеризуется особым изяществом и тонкостью декоративного решения. При возведении сравнительно небольших сооружений наблюдается тенденция объединить основные объемы композиции, охватить отдельные компоненты в единое целое. Так были созданы Котаванк, Абугамренц, церкви Спасителя и т. д. Широкие и высокие окна VII в. заменяются узкими, щелеобразными проемами. Следует отметить, что в этом, наряду с религиозным, определенную роль сыграл и оборонительный фактор.

В небольших сооружениях архитектурные формы, конечно, не могли повторять рас-

пространенные в VII в. формы: они уменьшаются, становятся небросккими и соответствуют скромным размерам самих памятников. Это особенно ясно видно в экстерьере сооружений, где сильные аркады VII в., столь полнозвучные в Звартноце и Талине, уменьшаются, получают вытянутые, устремленные ввысь пропорции и на первый план выходит декоративный фактор.

Новые социальные условия, развитие городов, развитие светского мышления постепенно выдвигают на первый план гражданскую архитектуру. В городах строятся великолепные, роскошно украшенные дворцы, гостиницы, жилые помещения, хотя трудовой люд продолжает жить в тяжелых условиях—в небольших, иногда вырытых в земле хижинах и высеченных на склонах ущелий пещерах. Подступы к крупным городам защищают высокие замки, а сами города окружаются массивными крепостными стенами. Через стремительные горные реки перебрасываются широкопролетные мосты, на транзитных путях сооружаются обширные караван-сараи, а в крупных монастырских комплексах—книгохранилища, трапезные, родники и другие постройки. Строятся мемориальные памятники, причем широкое распространение получают покрытые тончайшей резьбой хачкары. Возводятся жаматуны и гавиты. На церковной архитектуре определенно сказывается влияние гражданского зодчества, что особенно характерно для XII—XIII вв. Все это особенно ярко проявляется в декоративном убранстве: церковь как бы отдает дань духу времени и культовые сооружения, воздвигнутые на центральных улицах городов, своей роскошью не уступают ни великолепным дворцам, ни гостиницам, ни особнякам богачей.

Таков был, однако, лишь внешний облик зданий. Церковь полностью сохранила свои традиции внутри здания, в молитвенном зале, где доминирует большая сдержанность архитектурных форм, где все сделано для поддержания мистического настроения.

Хотя архитектура IX—X вв. базируется на богатой и с точки зрения стиля единой архитектуре V—VII вв., все же в отдельных частях страны появляются обусловленные политической раздробленностью и местными особенностями своеобразные ее направления—школы.

Армянская архитектурная культура этого периода создает несколько своих школ—Сюникскую, Васпураканскую, Арарат-Ширакскую и Ташир-Дзорагетскую.

* * *

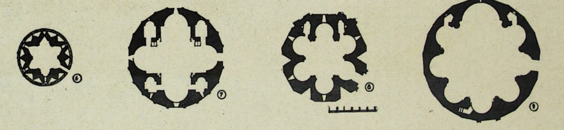
В то время как центральные, т. е. равнинные, области страны еще долгое время оставались ареной борьбы против иноземных захватчиков, труднодоступные горные районы, в особенности Сюник, сравнительно рано получили возможность мирного развития. Поэтому здесь мы и находим первые, наиболее рано датированные монументальные сооружения рассматриваемой эпохи.

В истории армянской архитектуры Сюникская школа занимает особое место. После кровавого арабского господства, длившегося около двух столетий, сюникские мастера, несмотря на скудные материальные возможности, приступили к строительству первых монументальных сооружений и по существу одними из первых положили начало развитию архитектурного искусства этой эпохи.

Отсутствие на месте высококачественных туфов побудило сюникских архитекторов прибегнуть к параллельному использованию грубо сколотого базальта и туфа. Сюникские мастера внесли значительный вклад в разработку каменных конструкций. Это прежде всего нашло место в использовании стрельчатых арок, древнейшие образцы которых мы видим в ряде памятников, сооруженных еще на стыке IX—X вв. Именно в памятниках Сюника мы встречаем наиболее ранние образцы каменных плит, заменивших черепичные покрытия. Примечательно, что в постройках Сюника сохранились тромпы. Эта конструктивная форма лучше обеспечивала устойчивость пояса, несущего купол, тогда как сооружение парусов было связано со значительными трудностями и требовало точной кладки из хорошо отесанных камней.

Сюникские архитекторы первоначально подражали наиболее простым сооружениям V—VII вв.—однонефным сводчатым залам и небольшим крестообразным композициям.

Из центричных памятников наиболее простую и четкую композицию имеет Айриванк, где решение внутренних объемов нашло свое «буквальное» отражение во внешнем облике церкви. Памятник сооружен на берегу озера Севан, близ одноименного села, на труднодоступном скалистом мысу, свисающем над водами озера. По своему композиционному решению это простая, четырехапсидная постройка, где подкупольный квадрат составлен непосредственно примыкающими апсидами. Стены сооружены из рваного базальта, а угловые части апсид, конхи, тромпы и барабан—из сравнительно хорошо обработанного серо-коричневого туфа.



Планы центричных композиций IX—XI вв.: 1) Севан; 2) Зариндже; 3) Ваневан; 4) Шохагаванк; 5) Ахтамар; 6) Пастушья церковь (Ани); 7) ц. Саргиса (Хцконк); 8) Абугамренц (Ани); 9) ц. Спасителя (Ани).

Из убранства памятника можно упомянуть импосты арок, несущих купол, и бровки окон, формы которых в основном повторяют известные мотивы V—VII вв.

Церкви Севана. Другой пример крестообразной архитектурной композиции являют собой два памятника на острове Севан (874). Построенные на его юго-западных склонах, они хорошо видны из прибрежных сел. Отсюда открывается чудесный вид на простирающиеся на десятки километров голубые воды озера и окаймляющие горизонт высокие горные цепи.

Обе церкви возведены на основе строительной техники, примененной при сооружении Айриванка, хотя их подкупольные переходы различны. В малой церкви (Аракелоц) эти переходы сделаны на основе тромповых конструкций, а в другой (Аствацацин) использованы паруса.

К западу от второй церкви сохранились остатки стен небольшого гавита, в котором находились знаменитые капители—замечательные образцы резьбы по дереву. Две из них перенесены в Ереванский исторический музей, а еще две находятся в Государственном Эрмитаже. По-видимому, эти капители когда-то венчали колонны большого светского, дворцового сооружения.

Дальнейшее развитие трех- и четырехапсидных памятников в основном шло путем добавления приделов. С этой точки зрения особый интерес представляет Шохагаванк (877—886).

Памятник сооружен из хорошо отесанного сероватого туфа. Это один из первых памятников данной эпохи, который сложен правильными рядами, причем тут уже отсутствуют такие своеобразные элементы VII в., как фаски горизонтальных рядов кладки. По своему плановому решению Шохагаванк— трехапсидное сооружение, в четырех углах которого расположено по одному приделу со своими апсидами. Примечательны ниши северного фасада. Есть основание полагать, что подобные ниши были и на восточном, и на южном фасадах. Между этими полукруглыми в плане нишами помещена третья, треугольная, в которую и открывается единственное окно, освещающее апсиду.

Другой разновидностью рассматриваемой композиции является церковь Гндеванка (936).

Дальнейшее развитие центричных сооружений шло путем слияния восточного и западного приделов в общую объемную композицию построек. Одним из наиболее ранних образцов этого типа является Котаванк, сооруженный князем Григором Супаном в конце IX в. Та же тенденция выражена и в главной церкви монастыря Ваневан.

Однако творческие поиски сюникских архитекторов этим не ограничились. Вскоре они отказываются и от боковых апсид, заменив их прямоугольными сводчатыми рукавами креста. Так был создан тип Каркопа (911)— композиция, имевшая существенное значение для развития армянской архитектуры X—XIII вв.

Памятник в основном сооружен из рваного и грубо отесанного базальта, и только наиболее ответственные в конструктивном отношении узлы сложены из хорошо обработанных камней. Имеющиеся тут бесспорные конструктивные преимущества и то обстоятельство, что указанный тип полностью удовлетворял обрядовым требованиям, способствовали его быстрому распространению по всей Армении. Создание этой примечательной конструкции—одно из наиболее значительных достижений сюникской архитектурной школы.

Сюникские строители пытались также воспроизвести ряд хорошо известных композиций VII в. В этом плане наиболее значительным и плодотворным шагом явилась переработка композиции типа купольных зал.

В этом отношении особый интерес представляют церкви Норатуса (конец IX в.) и Батикяна (IX—X вв.), которые повторяют, с некоторой интерпретацией, тип Птгни. В этих сравнительно небольших памятниках значительно сокращается длина сооружения и, как следствие этого, упраздняются восточные пилоны (Ваганаванк, Гандзаван). Повторяется также и тип Рипсиме (Алучалу), что, однако, с конструктивной точки зрения было связано с известными затруднениями. Сооружение примечательно тем, что было оштукатурено не только изнутри, но и снаружи— случай, беспрецедентный в истории армянской архитектуры.

Во всех упомянутых памятниках их общие размеры предопределялись радиусом купола, вследствие чего нельзя было иметь более или менее обширный храм без того, чтобы не увеличить диаметр его купола. Не случайно, что когда в конце IX в. в Татеве был основан главный храм Сюникского епископства, архитекторы опять вернулись к сооружениям с отдельно стоящими подкупольными пилонами.

Храм Татева. Этот выдающийся памятник расположен в исключительно живописном уголке горного Зангезура, на окраине одноименного села Горисского района. Глу-

бокое, со скалистыми обрывами, местами заросшее лесом ущелье реки Воротан с востока и юга огибает сравнительно небольшой скалистый мыс с плоской вершиной. В центре его и возвышается Татев, один из известнейших монастырских комплексов средневековой Армении. Начиная с IX в. он играл важную роль в культовой жизни страны, и не случайно, что строительство здесь продолжалось вплоть до XVII в. Труднодоступный и хорошо защищенный Татевский монастырь уже в середине IX в. становится одним из наиболее влиятельных культовых центров, владеющим огромными земельными угодьями и собирающим дань от сотен деревень. В древности здесь стояла небольшая церковь, которая пришла в ветхость и в 884 г. была заменена церковью св. Григория. В середине IX в. начинается интенсивный захват земель окрестных деревень, благодаря чему накапливаются большие средства. Это и позволило предпринять строительство огромного храма (895—906).

По своей общей композиции Татевский храм примыкает к крестово-купольным сооружениям VII в. с четырьмя подкупольными пилонами, с той лишь разницей, что в Татеве пространство между западными пилонами и западной стеной занято приделами, что в свою очередь привело к слиянию западных пилонов с соответствующими стенами указанных приделов. Применение данной композиции для создания сооружения таких значительных размеров, конечно, не является случайным. Достаточно вспомнить памятники VII в., среди которых почти все значительные по своим внутренним размерам храмы были выполнены на основе указанной схемы. Как было отмечено, изучение купольных сооружений VII в. показывает, что стремление зодчих упразднить зависимость общих размеров сооружения от диаметра купола привело к созданию таких интересных композиций, как Мрен, Гаяне, Багаван. Аналогичная задача стояла и перед сюникскими зодчими, которые, как это видно на примере Татевского храма, творчески перерабатывали известные уже в древности композиции и фактически создали новый тип сооружения.

Кладка стен Татевского храма как снаружи, так и изнутри выполнена из чисто отесанного базальта. Ряды камней идут ровными параллельными линиями. Первоначально в храм вели два входа—западный и южный. Теперь они переделаны—к южному входу примыкает построенная в XV в. небольшая часовня-усыпальница, а к западному—возведенная в начале XX в. высокая колокольня. Храм освещался рядом сравнительно больших окон. Памятник дошел до нас в сильно поврежденном состоянии. Землетрясения несколько раз разрушали его купол. В XII в. купол был сброшен землетрясением на юг, на небольшую церковь Григория, примыкавшую к южной стороне храма. Восстановленный в XIII в. купол опять рухнул во время сильного землетрясения в 1931 г., причем опять на юг, и опять оказалась разрушенной церковь Григория, заново возведенная в 1295 г. митрополитом Сюника, известным историком Степаносом Орбеляном.

Исследование плановой композиции храма, где подкупольное пространство занимает значительное место, не оставляет сомнения в доминирующем значении купола в интерьере храма.

Эта особенность Татевского храма в определенной мере приближает его к купольным залам с четко доминирующим положением их подкупольного пространства. Этим Татевский храм как бы предвосхищает композицию другого, аналогичного сооружения той же эпохи, собора в Ани, возведенного в конце X в. Плановое решение храма в значительной мере предопределило его объемное строение, и поэтому в его внешних формах также доминируют вытянутые в горизонтальном направлении продольные объемы.

В отличие от строго разработанного внутреннего пространства (роспись выполнена несколько позднее), экстерьер Татевского храма отличается богатством декоративной обработки, представляющей собой сочетание древних и новых мотивов. Интересна разработка восточного фасада. Основным акцентирующим мотивом здесь являются две большие, глубокие и треугольные в плане ниши, конусообразное завершение которых усложнено веерообразной обработкой. Самое интересное здесь—это обработка полуваликов бровок в виде больших змей—вишапов (драконов), расположенных по обеим сторонам находящихся в центре бровок рельефно изображенных голов с ниспадающими волосами. Изображение змеи, как правильно отмечает А. Л. Якобсон, связано с понятием оберега и имеет целый ряд аналогий в армянском зодчестве и в миниатюре.

Особый интерес представляют изображения четырех человеческих лиц. Все они размещены на вершинах орнаментированных наверший окон и ниш: два на восточном и по одному на северном и южном фасадах. Исследования показывают ктиторский характер этих изображений. По всей вероятности, они относятся к тем сюникским князьям, ко-

торые содействовали строительству этого огромного сооружения. Прямые аналогии этих рельефов можно видеть и на знаменитом храме Ахтамар, возведенном несколько позже. И здесь аналогичные рельефы имеют в основном ктиторский характер, причем изображены князья и приближенные царя, которые тем или иным способом помогали возведению памятника.

Традиция воспроизведения ктиторских изображений, имевшая глубокие корни в армянском искусстве V—VII вв., продолжает бытовать и в IX—XI вв. В этом отношении наиболее ранним памятником является Татевский храм. Еще более характерно это для Ахтамара. Однако, как увидим ниже, в дальнейшем на стенах храмов появляются лишь изображения основных ктиторов (Санаин, Ахпат, Гагикашен), и практика размещения рельефов других лиц, участвовавших в сооружении храмов, постепенно забывается.

* * *

В развитии армянской средневековой культуры значительна была роль монастырей, причем всю историю формирования и деятельности этих крупных центров можно видеть на примере Татева.

Основанная здесь высшая школа явилась преемницей вековых традиций древних школ аналогичного типа. В X в. в Татеве было свыше 500 человек монастырской братии, многие из них являлись ее слушателями. Изучались философия и логика, литература и искусство, математика, естествознание, грамматика и риторика. В Татеве, как сказано в одной средневековой рукописи, «в одном отделении обучал музыке, сладкозвучным мотивам первый учитель в этой области, и учились у него многие из разных стран и городов. В другом отделении обучали живописи и ее различным видам. Наконец, в третьем отделении обучали христианским сочинениям и нехристианским светским языческим наукам» (Матенадаран, рукопись № 7823, стр. 42. Цит. по: *В. К. Чалоян.* Армянский Ренессанс, М., 1963, стр. 60).

Примечательно, что одно из наиболее выдающихся произведений армянского средневекового искусства—знаменитая рукопись с ее замечательными миниатюрами, известная под названием «Эчмиадзинское евангелие 989 г.», написано в небольшом монастыре Бхено Нораванк, находящемся рядом с Татевом. Более того, в последнее время в научный обиход вошли интереснейшие рельефы Бхено Нораванка, значение которых определяется не только искусством Сюника. После Ахтамара это единственная церковь, столь богатая сюжетными рельефами.

В Татеве развернулась деятельность ряда выдающихся художников и писцов, и это нашло прямое отражение в росписи церковных сооружений. Известно, что вскоре после завершения строительства Татевского комплекса местными художниками расписывается ряд памятников. К сожалению, от этих росписей до нас дошли лишь отдельные фрагменты.

Роспись Татевского храма относится к 930 г. Выполнена она западными художниками при участии местных мастеров. В конхе восточной апсиды было размещено изображение спасителя, имевшее довольно большие размеры, а ниже, по обеим сторонам престола—изображения апостолов и святых. Все это, как отмечает историк XIII в. Степанос Орбелян, было выполнено с исключительным мастерством, и «трудно было поверить, что это картины, а не живые люди».

Правда, от росписи сохранились лишь отдельные фрагменты, но то, что дошло до нас, оставляет неизгладимое впечатление: четкая композиция отдельных сцен, умелое распределение фигур, острая эмоциональная характеристика персонажей, не скованных присущей для более позднего времени условной и отвлеченной стилизацией.

Выдающийся исследователь средневекового армянского искусства Л. А. Дурново пишет: «В главной апсиде под остатками трона исчезнувшей фигуры сидящего Христа сохранились изображения трех пророков и еще ниже—четырех святых. На западной стене видны части грандиозной композиции Страшного суда, а на северной—сцены Рождества. Фигуры пророков монументальны, разнообразны по позам и даны в бурном движении, у всех в руках свитки с армянским текстом. Чрезвычайно оживлены движения действующих лиц двух отмеченных композиций. Густо-голубой, темно-красный, белый и охряный цвета дают спокойное сочетание красок. Изменения в размещении сюжетов, динамичность и тональность говорит о процессе, протекавшем с VII века»[1].

Замечательные росписи VII в. в Аруче, Лмбате и других памятниках, сохранившие свою яркость красок в период возведения Татевского кафедрала, не могли не оказать непосредственного влияния на вновь возрождающееся искусство. Влияние этого древнего

[1] *Л. А. Дурново.* Краткая история древнеармянской живописи, Ереван, 1957, стр. 15.

искусства в ряде случаев отчетливо наблюдается на фоне искусства эпохи феодальной раздробленности с его постепенно усиливающимся церковно-схоластическим направлением. Последнее развивалось под влиянием церковной идеологии и отражало ожесточенную борьбу, которую вели светские и духовные феодалы против мощного тондракийского движения.

В течение 910—913 гг. восстание охватило почти все центральные области страны. Тондракийскому отрицанию церкви, церковных обрядов, духовенства и церковных сооружений феодальная церковь противопоставила усиление мистики, проповедь монашеского аскетизма, смирение и описание мучений Страшного суда, ожидавших непокорных.

Все это не могло не найти прямого отражения в тематике стенной живописи, в одной из самых действенных средств пропаганды церковной идеологии. И если в восточной апсиде Татевского храма имеется традиционная композиция Христа и апостолов, то изображение Страшного суда на западной стене (для чего пришлось предварительно заложить два больших окна, выходящих на запад) конечно, не было случайным. Наличие в Татевском храме этой композиции представляет особый интерес, поскольку она не только самая древняя из известных изображений в армянском искусстве, но и, по мнению Л. А. Дурново, одна из самых ранних во всей церковной иконографии вообще.

В развитии изобразительного искусства Армении огромную роль сыграла основанная в начале X в. Высшая школа в Татеве. Здесь наряду с философами, богословами и грамматиками творили выдающиеся мастера книжной живописи. С их деятельностью, несомненно, связываются развитие монументальной живописи во второй четверти X в., рельефы Цахац-кара и Бхено Норавaнка, а также иллюстрация «Эчмиадзинского евангелия 989 г.» Параллельный анализ этих произведений говорит о том, что в X в. в Татеве существовала целая художественная школа, предопределившая развитие всего монументального искусства Сюника X—XI вв. и сыгравшая значительную роль в развитии искусства XII—XIV вв.

* * *

Все сказанное приводит к выводу, что памятники армянского средневекового искусства следует рассматривать не разрозненно, а комплексно, т. е. в тесной взаимосвязи между отдельными их видами.

X век—это период бурного расцвета творческих сил армянского народа. Именно в этот период развернули свою деятельность Мануэл, Егише и Трдат. Мануэл был замечательным зодчим и скульптором, он создал Ахтамар с его интереснейшими рельефами; Егише воздвиг Гндеванк и покрыл росписью его стены; Трдат—гениальный зодчий, он возвел самые значительные памятники Ани, был замечательным скульптором.

Проблема синтеза искусств получает наиболее полное воплощение в эту эпоху. Мы имеем в виду дворец и храм в Ахтамаре, в столице Васпураканского царства, возведенные в первой четверти X в. царем Гагиком Арцруни, мечтавшим стать царем всей Армении и видеть Ахтамар в качестве столицы всей страны.

Ахтамар. Расположенный у южного берега озера Ван остров Ахтамар был известен как мощная крепость еще в VII в. В начале X в. Гагик Арцруни перенес сюда свою резиденцию, построил дворец, церковь, пристань и целый ряд других сооружений. Его современник, историк Фома Арцруни, красочно описывает строительную деятельность царя. В частности, о сооружении гавани он пишет: «Повелел многим мастерам и бесчисленным людям, вырубив тяжелые и трудно переносимые глыбы скалы, низвергнуть их и бросить на дно моря, в неимоверные глубины. И с течением времени, после того, как великий царь принял на себя этот великий труд, вдруг выступила из волн и выросла выстланная камнем гряда и стала над уровнем морских волн на высоту пяти локтей... В ней имеются троны для увеселений, как тахты, с углами, шатровидные, на которых постоянно увеселялся царь со своими сыновьями и со своей дружиной».

Пять лет продолжалось, по словам историка, строительство города. «Тогда лично сам царь в своем премудром постижении вместе со многими ремесленниками, взяв в руки шнур зодчего, стал чертить и вычерчивать и размечать у подножья горы, которая является вершиной острова, прекрасные места для гуляния, окружив, как подобает, стеною место своего царственного отдыха, пролагая улицы и на возвышенных местах аллеи, обсаженные деревьями, и сооружая террасы, господствующие над террасами, и сады, и парадизы, отведя ложбину для садов и цветников...». Далее историк описывает строительство огромного дворца, имевшего сорок локтей ширины, столько же длины и высоты, мощные стены и изумительную роспись купола, где изображены «...украшенные

золотом троны, на которых представлен царь, восседая в изысканной роскоши, имея вокруг себя светозарных юношей, служителей пира, а также сотни гусанов и хороводы дев, достойные изумления; там и отряды воинов с обнаженными мечами, и бой борцов; там и множества львов и других зверей, там и стаи птиц, украшенные разнообразными уборами» (все переводы взяты из кн.: *И. А. Орбели.* Избр. труды, М., 1968, стр. 27, 35).

К сожалению, этот интересный памятник светского зодчества не сохранился.

Возведенный зодчим и скульптором Мануэлом в 915—921 гг., храм по своей плановой композиции приближается к памятникам типа Рипсиме, хотя его угловые участки подверглись существенным изменениям, упразднены западные комнаты, а объемная композиция разработана в соответствии с пространственными принципами крестообразных центричных сооружений. Композиции Ахтамара непосредственно предшествовала церковь Зорадира, возведенная на месте родовой усыпальницы Арцрунидов.

Храм Ахтамар отличается значительным расширением центрального подкупольного пространства. Его завершает широкий купол с барабаном, круглым изнутри и 16-гранным снаружи. Наиболее примечательными здесь являются богатые сюжетные рельефы, пятью поясами охватывающие сооружение, из которых самым интересным является главный. Весь западный фасад храма занимает ктиторская композиция царя Гагика, где он представлен стоящим во весь рост и подносящим модель возведенной им церкви Христу. На других фасадах нашли место изображения братьев царя Ашота и Гургена, а также погибших в VIII в. героев—Саака и Амазаспа Арцрунидов. В центре южного фасада, по обеим сторонам входа, ведущего в царскую ложу, размещены еще две фигуры, видимо, отца и деда царя Гагика. Интересно, что все без исключения фигуры Арцрунидов сопровождаются символическими рельефами: здесь и символы-обереги, и геральдические и воинские знаки Арцрунидов. Библейские и светские персонажи таких рельефов уже не имеют. Следует отметить, что библейские сюжеты здесь привлечены лишь в качестве параллелей и аналогий, призванных оттенять безмерную веру и безудержную храбрость Арцрунидов—прием, широко распространенный в средневековой армянской литературе.

Весь восточный фасад храма занимает цельная композиция, олицетворяющая легенду о распространении христианства в Армении. Здесь по обеим сторонам апостолов Фаддея и Бартоломея, по преданию, основателей армянской христианской церкви, сгруппированы предки Арцрунидов, первые из тех, кто принял христианство на армянской земле.

Выше этого пояса в одном ряду размещены сильно выступающие рельефы голов и протомов животных—символов-оберегов, охраняющих храм. Еще выше идет «виноградный пояс», олицетворяющий мирную жизнь народа. Между вьющимися побегами виноградной лозы изображен целый ряд светских сцен, причем на восточной стороне представлен сам царь Гагик, пирующий вместе с сыновьями. Далее скульптор показывает процесс обработки виноградника, сбор урожая, защиту его от птиц, зверей и грабителей. Здесь же праздничные сцены, элементы театрализованного представления—праздника урожая.

Еще выше, под карнизами храма, размещен «княжеский пояс». Здесь, на западной стороне, расположено около двух десятков изображений человеческих лиц, мужчин и женщин, олицетворяющих княжеские роды, жившие в те времена в Васпуракане и находившиеся в вассальной зависимости от Арцрунидов. Особый интерес представляют геральдические и воинские знаки княжеских родов, идущие по всему периметру горизонтальных участков карнизов храма. На наклонных карнизах щипцов и на карнизе шестнадцатигранного барабана купола размещены динамические сцены звериного гона.

Исследование показывает, что семантика скульптурных фризов в основе своей имеет светский характер и тесно связана с той историко-политической обстановкой, которая сложилась в Васпуракане в начале X в. Здесь восхваляются деяния Арцрунидов, вера и храбрость их предков и членов царской семьи, возвеличивается идея создания сильной центральной власти во главе с Арцрунидами, объединяющей весь Васпуракан.

Что касается интерьера храма, то в нем уже господствует церковь. Такой подход—обычное явление в армянском искусстве X—XIV вв.

Внутренние стены храма почти целиком были покрыты росписью, причем в южной апсиде размещалась царская ложа со специальным входом с юга. В XVIII в. ведущая вверх лестница была разобрана и заменена двухэтажной колокольней.

Васпураканское царство просуществовало недолго. В 20-х гг. XI в. оно подверглось экспансии со стороны Византии, а через не-

сколько десятилетий оказалось под властью сельджуков.

Ахтамар со своими рельефами—исключительное явление в истории армянского искусства, и мы не знаем другого памятника, равного ему по богатству тематического содержания. Принцип поясного размещения рельефов, имеющий свои истоки еще в Звартноце, не предавался забвению. Он применен мастерами в Бхено Нораванке, в небольшой часовне 1058 г., возведенной недалеко от Татева, в летней резиденции епископа Ованеса. От существовавшего здесь целого пояса с изображением цикла жития Христа, до нас дошли лишь восемь рельефов, стилистически напоминающие рельефы Ахтамара, хотя и выполнены они более чем столетие спустя.

Строительная деятельность царя Гагика не ограничивалась одним Ахтамаром. Он воздвиг целый ряд памятников в других местах Васпуракана, в том числе дворцовый комплекс в городе Востане, на южном берегу озера Ван.

* * *

Освобождение армянского народа от чужеземного ига и восстановление его государственности явилось результатом упорной борьбы, которая продолжалась целые десятилетия и охватила в основном центральные, равнинные области—Арарат и Ширак. Не случайно поэтому, что бурный подъем строительства начался здесь лишь со второй четверти X в.

Средневековая Армения была известна своими неприступными крепостями и несокрушимыми укреплениями. Армянские полководцы и мастера по камню умело использовали для оборонных целей горы и ущелья родного края, его естественные преграды. Целесообразно размещенные искусственные укрепления, их неприступные стены и высокие башни по праву можно поставить в ряд лучших образцов средневековой военной архитектуры. Так, на северном побережье озера Севан был создан мощный военный узел, в центре которого находился укрепленный остров. Центральные районы страны также были охвачены кольцом мощных укреплений. Карс, Багаран, Амберд, Кош, Аруч, Бджни, Гарни и другие крепости служили надежным оплотом страны. Под их стенами не раз разыгрывались кровавые сражения против армий чужеземных захватчиков. Все значительные города средневековой Армении были расположены в хорошо укрепленных местах, подступы к ним защищали первоклассные крепости. Такова была роль Тигниса и Магасберда для Ани, Багаберда и Багакукара—для Капана или роль Амберда, контролировавшего северные районы Араратской равнины.

В этот период быстрое развитие получают феодальные укрепления, в частности расположенный на южном склоне горы Арагац замок Амберд. С X в. до нас дошли отдельные части его дворцовых построек.

Примечателен трехэтажный замок, укрепленный башнями, из окон которого открывается прекрасный вид на широко раскинувшуюся Араратскую равнину. В XI в. князья Пахлавуни заложили здесь новые стены, значительно расширив укрепленное пространство, а в 1026 г. выдающийся полководец Ваграм Пахлавуни возвел церковь, которая по праву занимает достойное место среди наиболее значительных культовых сооружений этого периода.

Большое внимание уделялось водоснабжению. Замок получал воду по специальному водопроводу, который имел отдельные разветвления, питавшие высеченные в скалах водохранилища. Отдельное водохранилище было сооружено в подвальном этаже дворца. Однако в случае войны неприятель мог без особого труда разрушить водопровод, а собранной воды не могло хватить надолго. Строители имели в виду и это. Они создали потайный ход, который по головокружительному склону ущелья ведет к реке Амберд. Замок имел свою баню. Выходивший из топки горячий воздух и дым проходили под полом и согревали его каменные плиты, расположенные на небольших столбиках.

В XIII в. замок еще больше укрепляется, сооружаются новые стены и башни.

В отдельных феодальных центрах, особенно в царских востанах (резиденциях), в конце IX в. появляется ряд интересных построек, среди которых особое место занимает храм Еразгаворса (Ширакаван), сооруженный царем Смбатом (890—914).

По своей плановой композиции церковь приближается к купольным залам VII в. (Аруч), хотя при разработке внешнего убранства архитектор наряду с древними мотивами использовал также орнаменты, не известные в VII в. Ниши появляются здесь, кроме западного, на всех остальных фасадах, причем привлекают внимание их своеобразные тромпообразные завершения.

Другим выдающимся памятником этой эпохи является Карский храм, возведенный царем Абасом Багратуни (928—953). По своей композиции он приближается к Маста-

ре, хотя в его пропорциях и, особенно, во внешнем убранстве чувствуется новая эпоха, налицо выразительные черты нового стилистического направления.

В 30 гг. X в. основывается ряд монастырских центров, где находят убежище изгнанные из Византии армянские монахи. В этот период возводятся первые небольшие церкви Санаина, Оромоса, Кечариса, Макараванка, Агарцина и других известных впоследствии архитектурных ансамблей.

Примечательны церкви, построенные в первой половине X в. в Санаине, Агарцине и Оромосе. В то время, как церкви Санаина и Агарцина повторяют тип Каркопа и отличаются сдержанным использованием декоративных форм (в Санаине интересны символы-обереги, помещенные в нижних частях парусов), церковь св. Минаса в Оромосе по своей плановой композиции повторяет тип купольных зал и отличается богатым декоративным убранством. Здесь тесно переплетены традиционные и вновь созданные формы, причем характерные для VII в. мотивы получили совершенно новую трактовку и применены не в тех местах, где они в V—VII вв. вовсе не встречались.

Произведениями X в. являются также памятники Зариндджа и Бюракана. По своему плановому замыслу Зариндджа повторяет распространенную в древности четырехапсидную композицию, причем впоследствии к ней в северо-восточной части был добавлен небольшой придел. Обращает на себя внимание восьмиугольный барабан храма; его грани разработаны аркатурой, опирающейся на витые полуколонки, а карниз оформлен хорошо известными еще в VII в. ланцетками. Аналогично решен и барабан наиболее ранней церкви в Хцконке. Особый интерес представляет в ней зонтичное завершение купола, получившее значительное распространение в X—XI вв.

В отличие от центричных построек в Зариндже и Хцконке церковь в Бюракане представляет собой большую сводчатую залу, где апсида имеет не полукруглую, а прямоугольную конфигурацию, т. е. форму, очень редкую в армянской архитектуре, в частности, в архитектуре X—XI вв. Бюраканскую церковь построил в 20 гг. X в. католикос Иоаннес Драсханакертци, один из выдающихся летописцев своего времени, оставивший в своей «Истории» описание Звартноца (в то время еще не разрушенного). Многие детали возведенной им церкви определенно связываются с формами Звартноца.

Среди всех отмеченных типов культовых сооружений наиболее перспективными оказались купольные залы и сооружения с 4-мя приделами в углах. На основе купольных зал был возведен целый ряд величественных сооружений—главные церкви ряда монастырских комплексов (Ахпат, ц. Ншана, 967—991; Мармашен, 983—1026; Бджни, 1031; Агарцин, 1281). Впоследствии еще большее распространение получает тип церквей с приделами во всех четырех углах сооружений. На этой основе возведены главные церкви таких монастырей, как Санаин (ц. Аменапркич, 957—962), Арич (1201), Гегард (1215), Сагмосаванк (1215) и в др. Примечательно, что именно на основе этих двух типов было возведено множество малых купольных церквей. В них, несмотря на сравнительно небольшие размеры, купол доминирует над всем внутренним пространством, а боковые участки, потеряв самостоятельное значение, почти сливаются с подкупольным пространством.

* * *

Своеобразным и качественно новым явлением в армянском зодчестве рассматриваемого периода было появление совершенно новых типов сооружений—жаматунов и гавитов (притворов). Связанные в функциональном отношении с необходимостью иметь место для совещаний, судебных заседаний, для обучения и других нужд, гавиты, в сущности, являлись родовыми усыпальницами феодальной знати и имели определенный мемориальный характер.

Древнейшие гавиты, известные в Сюнике, датируются X в. Они имели либо деревянное покрытие, либо же были перекрыты обычным полукруглым сводом. Аналогичные простые гавиты известны в монастыре Макенацоц, в Севане, Котаванке, Ваганаванке, Гндеванке и других архитектурных комплексах. Впоследствии, когда строительство гавитов получает широкое распространение, они находят свое воплощение уже в своеобразных монументальных формах, причем одним из первых памятников этого типа является гавит Оромоса, построенный недалеко от Ани (1038). Памятник выделяется четырьмя массивными центральными колоннами, поддерживающими центральное световое отверстие—ердик (световой шатер), образованный из восьми богато разработанных наклонных плит. С еще большим мастерством разработаны плоские плиты боковых участков, где античные мотивы (меандр) с удивительным изяществом и искусством сочетались с вновь созданными формами. Эта компози-

ция, генетически связанная с формами народного жилья, нашла широкое распространение в XII—XIII вв.

В IX—XI вв. особое развитие получают мемориальные памятники.

Мемориальные колонны VII в. послужили основой для создания таких замечательных произведений, как колонны Татева и Воротнаванка. Однако особое место занимают хачкары (крест камни). Имея широкое поле применения, в качестве ли пограничных камней, надгробий, памятников для увековечения тех или иных выдающихся событий, хачкары отличаются композиционным многообразием и свидетельствуют о широких творческих возможностях средневековых армянских мастеров.

Древнейшие хачкары выделяются своими простыми, незатейливыми формами. Они осложняются лишь впоследствии, когда растительные элементы, символизировавшие процветание креста, постепенно стилизуются и в конце-концов превращаются в плетеные орнаменты.

Среди мемориальных памятников особенно интересны двухэтажные усыпальницы-церкви, принципы построения которых восходят к дохристианской эпохе. Из сооружений этого типа в Сюнике известны памятники Ваганаванка и Цахац-кара. Та же композиция проявляется в Пастушьей церкви Ани (XI в.). Этот изящный памятник, построенный вне крепостных стен города, представляет исключительный интерес с точки зрения своего архитектурного замысла и каменных конструкций. Его первый ярус, имеющий в плане форму звезды, является, в сущности, усыпальницей, над которой возвышается молельня-часовня, занимающая второй и третий ярусы. Наибольший интерес представляет в этой постройке конструкция перекрытия первого яруса, где удлиненный замковый камень, размещенный в точке пересечения шести перекрещивающихся арок, служит опорой и для направленных к центру пят размещенных несколько ниже шести полуарок. Эта смелая конструкция свидетельствует о том, какого совершенства достигли армянские мастера, создавшие из камня великолепную конструкцию висящих арок.

* * *

Выше отмечалось, что в IX—XI вв. значительное развитие получает крепостное строительство. Укрепления возводятся как в горных районах (Бджни, Каянберд), так и в равнинных местах (Тигнис, Магасберд). Особое внимание уделяется укреплению городов (Ани, Лори). Город Лори являлся столицей Ташир-Дзорагетского царства. Он был размещен на мысу, образованном двумя реками, причем поперечные стены, соединяющие ущелья, надежно защищали город с северо-запада.

Ани. Один из древнейших центров страны, Ани в V в. представлял собой замок князей Камсараканов, а уже в IX—X вв. он становится одним из значительных городов Армении. Не случайно, что в 961 г. царь Ашот III Багратид перенес сюда столицу из Карса.

Изучение Ани, этого выдающегося центра армянской культуры, неразрывно связано с длительными археологическими раскопками, которые возглавлял академик Н. Я. Марр (1892—1893, 1904—1917). Раскопки дали колоссальный материал для правильного понимания путей развития искусства в эту сложную и столь богатую противоречиями эпоху. Начиная с 1905 г. в течение целого десятилетия обмеры и изучение анийских памятников осуществлял Торос Тораманян.

Две реки, текущие в глубоких ущельях, окаймляя треугольное пространство города, создавали неприступные естественные преграды. Защита этого обширного пространства обеспечивалась отвесными скалистыми краями теснин, причем с севера треугольник ограждался мощной крепостной стеной, соединявшей ущелья. Этот принцип строительства крепостей имеет вековые традиции и встречается еще в укреплениях эпохи бронзы, в бердшенах, затем в урартское время, а в более поздний период—в Гарни, Амберде, Лори и других армянских крепостях.

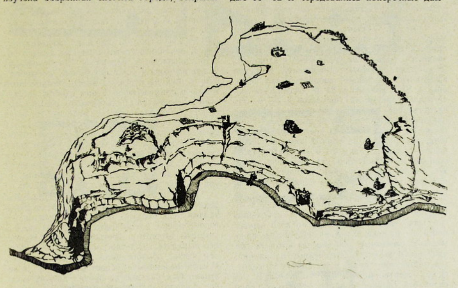
На остром и высоком конце треугольного мыса располагался замок Камсараканов. Впоследствии он обогатился новыми дворцовыми сооружениями и превратился в цитадель города. Раскопки выявили остатки его древнейших стен—огромных размеров базальтовые камни с гнездами для железных креплений.

Царь Ашот III в 964 г. построил здесь первую крепостную стену. Однако город рос так быстро, что уже следующий правитель, Смбат II, был вынужден построить в 989 г. вторую стену, охватив на этот раз еще большую площадь. Между тем развивающийся город переступил и эти пределы; и занял обширную равнину, простиравшуюся к северу от Смбатовых стен. К этому времени Ани уже пользовался славой богатого многолюдного города.

По своей структуре это был типичный

средневековый город с укрепленной цитаделью и раскинувшимся у ее подножья шахастаном[2]. Раскопки Н. Я. Марра выявили его общую картину—древнейшие крепостные стены, улицы и площади, жилые кварталы и мастерские ремесленников, направления основных линий водопровода, по которым из студеных родников подавалась вода. Была изучена оборонная система города, открыты ками, а в цитадели находилось водохранилище, дно и стены которого были покрыты водонепроницаемой штукатуркой.

Крепостные стены города тянулись на 2500 м. С внешней стороны они защищались наполненным водой глубоким рвом, стены которого были облицованы базальтовыми плитами. На всем протяжении рва через каждые 10—12 м чередовались поперечные дамбы, создававшие искусственные бассейны. Протекая над этими дамбами, по существу небольшими плотинами, вода переходила из одного бассейна в другой и стекала с одной стороны в ущелье Гайледзор, а с другой—в ущелье Игадзор.



Ани. Аксонометрический план города.

усиленные башнями входы с их массивными воротами, гостиницы, многочисленные разрушенные церкви и часовни, остатки роскошных особняков мецатунов (именитых богачей) и жилища простого люда.

От основных крепостных стен и ворот города к цитадели, расположенной в его южной, возвышенной части, тянулись улицы, от которых ответвлялись многочисленные переулки.

Глиняные трубы водопровода были уложены в каменных канавах, а построенный сбоку специальный лаз (контрольный ход) позволял периодически проверять его бесперебойную работу. Потайные ходы соединяли город с протекавшими в глубине ущелий ре-

Смбатовы стены были двойные. То обстоятельство, что между ними имелось узкое пространство, окаймленное высокими стенами, а входы в стены находились не на одной оси, должно было сильно затруднить действия неприятеля. На этом узком пространстве, напоминающем ущелье, исключалось применение бабанов (стенобойных орудий), не говоря уже о том, что нападающая сторона совершенно лишалась возможности маневрировать. Анийцы постоянно укрепляли стены своего города новыми рядами кладки.

Помимо основной крепостной стены, име-

[2] Так называлась торговая часть города с рыночными площадями, гостиницами, караван-сараями и пр.

лась и другая, более мощная стена, отделявшая город от цитадели. Дворцовый комплекс цитадели носил на себе следы строительной деятельности, продолжавшейся четыре столетия. К сожалению, эти постройки пострадали наиболее сильно—до нас дошла лишь малая часть описываемых историками великолепных залов, украшенных позолотой и росписью. Но и то, что выявлено раскопками, безмолвно свидетельствует об исключительной роскоши дворцовых построек.

Цитадель разделялась на две части, между ними пролегал длинный коридор (несомненно, в свое время крытый), который тянулся к востоку от укрепленного входа. Из нескольких дворцовых помещений особенно выделялся парадный сводчатый зал шириною в 10 и длиною в 21 м. Освещался зал четырьмя проемами шириною в 2,5 м. Это единственное во всем дворцовом комплексе помещение, построенное из правильно обработанных камней. Стены всех остальных помещений сложены из рваных камней. Несомненно, с самого начала предусматривалось покрыть их штукатуркой, тканями или коврами. Теперь от сооружений, ставших жертвой пожара, сохранились лишь одни руинированные остатки.

К древнейшим памятникам цитадели относится дворцовая церковь. Это небольшой сводчатый зал, построенный, по всей вероятности, на рубеже IX—X вв. Интересны орнаменты и сюжетные рельефы, из которых следует особо выделить высеченные на пилонах геральдические знаки, а на южном фасаде—сцену жертвоприношения Авраама. В них сказалось сильное влияние сюжетных рельефов раннего средневековья, хотя можно заметить и печать упорных исканий, столь характерных для армянской архитектуры рассматриваемой эпохи.

В северной части дворцового комплекса находилась баня. Выходивший из печи горячий дым прежде чем рассеяться проходил под плиточным полом, расположенным на небольших столбах, и согревал его. Горячая и холодная вода подавались по железным трубам, а отработанная вода стекала по более широкой трубе. Стены были покрыты водонепроницаемой штукатуркой. Подобные бани были известны в Армении с древнейших времен: достаточно упомянуть бани Гарни (III в.) и Звартноца (VII в.).

Произведением XI в. является и двухэтажное светское сооружение у Ашотовых стен. Позднее, в XII в., при Шеддадидах оно было перестроено под мечеть и около нее был воздвигнут высокий минарет.

Несомненно, наметившийся подъем армянской архитектурной культуры ознаменовался бы новыми успехами, если бы не внешняя экспансия, которая вновь прервала нормальное развитие страны.

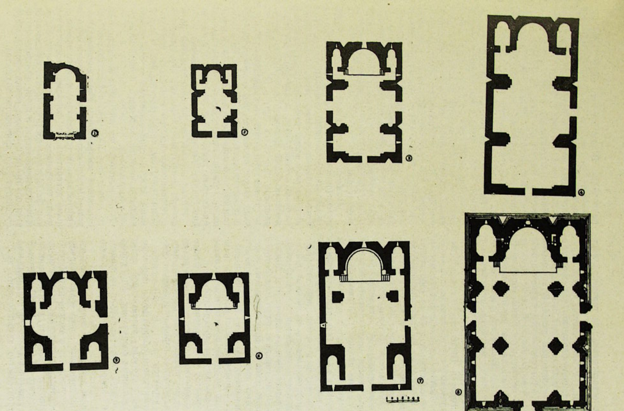
Однако в конце XII в. страна сбросила сельджукское иго. Немного спустя Ани восстановил свою экономику, расширил международные связи, а городские улицы и площади стали застраиваться великолепными дворцами и церквами. Большое развитие получили ремесла, торговля[3]. Были восстановлены и перестроены дворцы багратидских царей, появились новые парадные залы с богатой росписью и позолотой. По своим художественным и архитектурным достоинствам от них не отстают вновь возведенные храмы и примыкающие к ним гавиты. Армянская архитектура переживала новый этап своего развития, причем ведущее значение приобретали формы, разработанные в рамках светской архитектуры. Теперь, когда значительно усилился класс горожан, а отдельные купцы и мецатуны накопили огромные богатства, дворцовые сооружения возводятся уже не только в цитадели, но и в самом городе, в его наиболее значительных частях.

К их числу относится так называемый дворец парона. Это обширное трехэтажное здание, над первым, сводчатым этажом которого в свое время были построены залы и комнаты второго и третьего этажей. Наиболее выразительный участок здания—это угловая часть, обработанная сотнями фигурных камней различных расцветок и форм. Более пышно был разработан портал другого дворца, расположенного недалеко от храма Гагкашен.

Среди светских сооружений значительное место занимали гостиницы. Вдоль двух обширных дворов или залов, вымощенных плитами, располагались небольшие сводчатые комнаты, имевшие свои подсобные помещения и камины. Несмотря на простой, незатейливый интерьер, порталы входов гостиниц своей роскошью не уступали входам дворцов мецатунов.

Раскопки в Ани открыли многочисленные жилые дома. Наряду с многокомнатными домами именитых горожан были выявлены многочисленные убогие землянки, в кото-

[3] Архитектура Ани сыграла исключительную роль в развитии армянской архитектурной культуры XII—XIV вв. Чтобы не расчленять общей картины города, далее характеризуются наиболее выдающиеся светские и культовые постройки, хронологически относящиеся к последующей главе.



Планы некоторых сооружений IX—XI вв.: 1) дворцовая церковь (Ани); 2) церковь Минаса (Оромос); 3) Норатус; 4) Ширакаван; 5) Котаванк; 6) Каркоп; 7) Татев; 8) Собор в Ани.

рых располагался неимущий городской люд. Жилые дома, часто двухэтажные, перекрытые бревнами, близко отстояли друг от друга. В первом, полуподвальном этаже обычно хранились продукты, иногда же там размещались мастерские или лавки. В жилищной архитектуре ярко отразилось имущественное положение горожан. Более богатые жилища отличались своим внутренним убранством, где особенно выделялись украшенные резьбой ниши очагов. В них ярко сказался присущий народным мастерам своеобразный подход к орнаменту.

Ани был известен как один из богатых торговых городов Переднего Востока. Движению караванов способствовали перекинутые через ущелье широкопролетные мосты, существование которых само по себе свидетельствует о больших строительных возможностях армянских мастеров. Один из таких мостов был перекинут через реку Ахурян, недалеко от Ани, у села Джрапи. До нас дошли его прибрежные устои, оставляющие глубокое, неизгладимое впечатление—достаточно сказать, что пролет центральной арки моста превышал 30 м.

Необычный жилой «квартал» представлял собой пещерный Ани. По скатам глубоких ущелий тянулись сотни искусственных пещер, в которых имелись высеченные в скалах церкви, лавки, голубятни и т. д. Особый интерес представляет «подземный Ани»—тянущиеся под городом на сотни метров искусственные пещеры. Трудно сказать, с какой целью был построен этот «подземный город». Ясно, однако, что он не был предназначен для постоянного жительства; можно предположить, что во время опасности здесь находили убежище жители предместий.

Строительству и укреплению крепостных стен Ани содействовали все слои населения города. Участие в этом деле считалось первейшей обязанностью горожан и носило обязательный характер.

В архитектурном облике этого большого средневекового города значительное место занимали культовые сооружения. Ани, город «тысячи и одной церкви», выделялся многочисленными высокохудожественными памятниками.

В истории армянского зодчества Ани известен как выдающийся центр архитектурной мысли. Не случайно, что многие разработанные здесь формы впоследствии появились не только в Шираке и Арарате, но и во многих других областях Армении. В 989 г. зодчий Трдат завершил в поселке Аргине, недалеко от Ани, строительство католикосского дворца и храма. В том же году царь Смбат заложил в Ани главную церковь страны—кафедральный собор, строительство которого было также поручено Трдату. Тот же Трдат реконструировал в 989 г. купол храма Айя-София в Константинополе. Этот купол стоит и теперь, сохраняя в веках славу гениального архитектора. Вернувшись из Византии, Трдат при содействии царицы Катрамидэ продолжил строительство кафедрального собора и закончил его в 1001 г.

Кафедральный собор. Анийский кафедральный собор строился как главная церковь столицы и, несомненно, должен был иметь размеры, соответствующие растущему и развивающемуся городу. И вовсе не случайно, что Трдат, стремясь получить обширное внутреннее пространство, обратился к хорошо известному еще в VII в. типу крестово-купольного храма с четырьмя центральными пилонами. В этой композиции диаметр купола не мог предопределить размеры внутреннего пространства, его можно было значительно увеличить при сравнительно небольшом куполе.

Особенно выразителен интерьер этого замечательного сооружения, выделяющийся своей исключительной завершенностью. При входе в храм сразу открываются четыре мощных, устремленных ввысь пучковых пилона, широкие, слегка стрельчатые арки и купол, доминирующий над всем внутренним пространством.

Новое стилистическое направление получило четкое выражение как в интерьере, так и в экстерьере собора. Несмотря на значительные абсолютные размеры, массивные пилоны разработаны здесь стройными пучками высоких колонн. В сущности тот же принцип сохранен в экстерьере сооружения.

Равномерный, но не однообразный ритм легкой декоративной аркады, чередующейся с тектонически ясными и четкими треугольными нишами, подчеркивающими силу и мощь стены, свидетельствует о совершенно новых принципах трактовки фасада культового сооружения.

Возведенный на городской площади, резко возвышаясь над сравнительно низкой окружающей застройкой и имея внушительные размеры, собор тем не менее решен ясно и просто, отличается легкостью масс и изящными декоративными формами, рассчитанными на обозрение с близкого расстояния. В нем как бы собраны воедино архитектурные идеи и устремления эпохи, и собор по праву считается одним из наиболее ярких произведений средневекового армянского зодчества.

Гагикашен. Принципы, осуществленные в кафедральном соборе, ярко отразились и в этом произведении Трдата. К созданию его он приступил после завершения строительства собора в 1001 г. Величественный храм царя Гагика, церковь св. Григория (Гагикашен), по желанию царя должен был перенести в Ани освященную легендами и временем славу Звартноца, возродить прекрасный памятник минувших веков и стать украшением столицы Багратидов.

Несомненно, прежде чем начать строительство церкви, Трдат обстоятельно ознакомился с развалинами Звартноца, подробно изучил конструктивные особенности этого храма. Однако, вопреки воле царя, зодчий не пошел по пути прямого копирования традиционных форм. Гагикашен не стал точной копией Звартноца. Прежде всего Трдат восстановил первоначальный план Звартноца. В анийском храме Трдата отсутствует пристроенный к восточной части Звартноца прямоугольный придел (хотя как выявили раскопки, несравненно меньших размеров придел был добавлен впоследствии и в Гагикашене).

Отдавая дань духу своего времени, Трдат значительно увеличил центральное подкупольное пространство и заменил тяжелые массивные колонны более изящными и стройными. Вместе с тем глухая стена восточной апсиды в Гагикашене была заменена поставленной на алтарь аркатурой, и теперь богослужение могли слушать и те, кто стоял позади апсиды. Резко увеличив высоту храма, Трдат разделил внешнюю многогранную стену не на 32, как в Звартноце, а на 36 частей. При значительной высоте первого яруса это давало возможность опоясать храм такой декоративной аркадой, пропорции которой были созвучны пропорциям аркады кафедрального собора. Однако в ряде вопросов, особенно при решении сводчатых конструкций круговой галереи, Трдат до конца следовал формам Звартноца. Восемь арок двойной кривизны, переброшенных от центров апсид к отдельно стоящим колоннам, создали то круглое основание, на которое опирался свод наружной галереи.

Особый интерес представляет найденная во время раскопок Н. Я. Марра в 1906 г. статуя царя Гагика, держащего на протянутых руках модель храма.

Есть все основания полагать, что, как и в Звартноце, в анийском храме не было хор, и, несомненно, второй, ротондальный ярус был разработан большими парными нишами, размещенными в диагональных направлениях.

Храм Гагикашен просуществовал недолго. Едва было завершено его строительство, как уже в 1013 г. он получил большие повреждения. Мастера вынуждены были добавить массивные пилоны, но и это не спасло его. Точная дата гибели храма неизвестна, однако, по имеющимся данным, во второй половине XI в. он был уже разрушен.

Тем самым подтвердилось положение о том, что в условиях активно действующих сейсмических сил нельзя возводить сколько-нибудь значительные сооружения на отдельно стоящих колоннах. Не случайно, что Гагикашен так и остался последним примером и последней попыткой возводить культовые сооружения этого рода. Примечательно, что в дальнейшем при необходимости иметь отдельно стоящие опоры зодчие придавали им формы мощных пилонов, а фусты их тесались, как правило, из цельного камня.

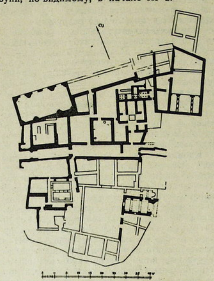
Кроме царских храмов, в Ани строились многочисленные церкви, причем в качестве ктиторов часто выступали отдельные князья и горожане-мецатуны. Так, еще в первой половине X в. была построена изящная церковь Абугамренц, в которой внутренняя шестиапсидная композиция взята во внешний 12-гранный объем. В плановой композиции сооружения сильно сказываются традиции VII в. Дело в том, что на внешних фасадах связях мощные треугольные ниши определенно связываются с аналогичными нишами многоапсидных храмов прошлого. Этого, однако, нельзя сказать об интерьере церкви, где доминируют стройные пропорции, чувствуется дыхание новой эпохи, нового стилистического направления.

Значительно отличается от этого сооружения построенная в 1036 г. князьями Пахлавуни церковь Спасителя, где внутренняя восьмиапсидная композиция охвачена наружной 19-гранной стеной, разработанной глухой декоративной аркадой. Хотя купол храма является произведением XIV в., однако по всему ясно, что реставраторы в основном сохранили формы разрушенного барабана, и нынешняя объемная композиция мало изменяет его первоначальный облик.

На основании тех же принципов построена главная церковь Хцконка (1020). Ее внутренняя четырехапсидная композиция вместе с расположенными в четырех углах приделами взята в цельный многогранный объем и поставлена на высокий пьедестал, разработанный мулюрами. Над первым ярусом, оформленным глухой аркатурой, возвышает-

ся многогранный объем барабана, венчающийся распространенной в ту эпоху зонтичной кровлей. Остатки аналогичного сооружения сохранились и в Мармашене.

Другой выдающийся анийский памятник, очень плохо сохранившийся,—церковь Апостолов, также построенная князьями Пахлавуни, по-видимому, в начале XI в.



План дворца вышгорода в Ани.

По своей плановой композиции это четырехапсидное сооружение, взятое снаружи в прямоугольный контур. Расположенные в его угловых частях четыре придела разработаны как небольшие самостоятельные церкви, купола которых четко выявлялись и во внешней объемной композиции.

Фасады памятника были разработаны треугольными нишами и глухой аркатурой, напоминающей соответствующие элементы кафедрального собора, причем в декоративных орнаментах весьма определенно проглядывает попытка восстановить традиционные формы. Примечательно возрождение античных мотивов (аканты, бусы, меандр и т. д.), встречающихся на порталах некоторых памятников этой эпохи (Мармашен, Бхено Нораванк), особенно памятников Ани (Гагикашен, ц. Апостолов).

Однако это длится недолго. К середине XI в., подвергшись коренной перестройке, античные формы постепенно исчезают.

Столица Багратидов Ани, этот многонациональный торговый город со своим богатым ремесленническим искусством и многочисленными памятниками, стал культурным центром, который притягивал к себе ремесленников, художников и архитекторов из провинции и других царств. Хотя процесс феодального расчленения страны продолжался и Багратидам так и не удалось создать единое государство, все же Ани вплоть до XIV в. сохранил свое значение основного центра армянской архитектурной культуры. И если в начальный период освобождения страны от иноземного ига, в IX—X вв., в тех или иных феодальных владениях можно было наблюдать появление отдельных архитектурных школ, то начиная с XI в. влияние Ани усиливается, и выработанные там формы все ярче проявляются в Ташир-Дзорагете, Сюнике и других местах. Эта тенденция сказывается и в ряде монастырских центров, где один за другим возводятся постройки, представляющие значительный интерес. Так, главная церковь Мармашена по своим основным формам вплотную приближается к типу Анийского кафедрального собора и, несмотря на различия в плановых формах, в объемном решении, в облике и особенно во внешнем убранстве, общность вполне очевидна. Композиция другого выдающегося анийского памятника—Гагикашена получила свое определенное отражение в главной церкви Хцконка.

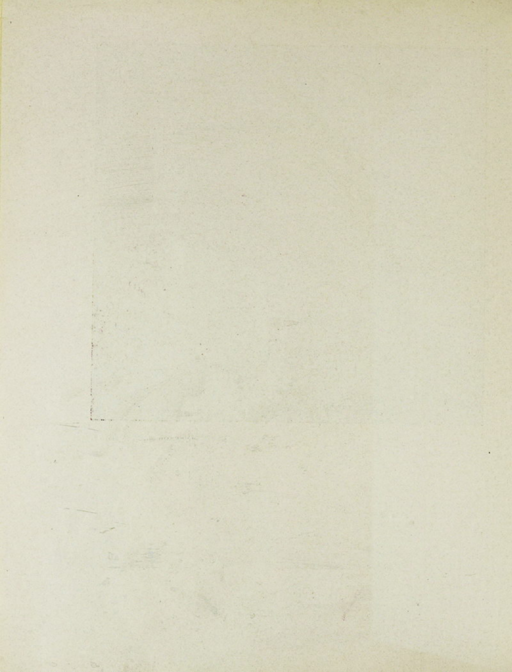
Памятники Ани отличаются исключительной художественной завершенностью. Это относится и к монументальным сооружениям и, в равной мере, к малым формам. Так, например, мемориальным памятникам Ани свойственна смелая переработка традиционных форм, среди которых мы видим и замечательные хачкары, и двухэтажные церкви-усыпальницы.

* *
*

Сельджукские нашествия прервали строительство монументальных сооружений. Лишь с конца XII в. оно получает новый размах. Хотя в XII—XIII вв. архитектура в основном развивается в рамках нескольких общеизвестных форм, тем не менее возведенные в Ани церкви выделяются своим пышным убранством и изящными пропорциями. В качестве ктиторов церковных построек в эту эпоху чаще всего выступают именитые представители торгового сословия. Они не щадят



Санаин. *Круглая церковь 1061 г.*



сил и средств для украшения родовых церквей и демонстрации перед всем миром своей преданности национальной церкви.

В этом отношении примечательны церкви Тиграна Оненца, Бахтагеки и Ахджоцванка. По своему плановому замыслу первая из них повторяет тип купольных залов, имеющих «сжатые» пропорции, где значительно сокращены продольные размеры сооружения, а западные пилоны слиты со стенами приделов. Памятник выделяется пышным убранством внешних фасадов, рельефами птиц, зверей и других животных, размещенными в антрвольтах декоративной аркатуры.

В церкви Бахтагеки орнаменты покрывают даже стены фасадов, а в изящном Ахджоцванке—и треугольные щипцы, окаймляющие карниз барабана и антрвольты арочных дуг первого яруса. С роскошной обработкой внешних фасадов созвучны и красочные росписи, украшающие интерьеры многих церквей, особенно церкви Тиграна Оненца.

В XII—XIII вв. широкое распространение получают гавиты. В Ани хорошо сохранился южный гавит церкви Апостолов (XIII в.). Центральное квадратное отделение, опирающееся на перекрещивающиеся арки, перекрыто сталактитовым сводом, а плоские перекрытия боковых участков оформлены выкладкой из разноцветных каменных плит.

Плановая структура гавита прямоугольная, несколько вытянутая. Она значительно отличается от распространенных композиций гавитов и, по всей вероятности, должна найти свое объяснение в условиях тесной застройки Ани, когда архитекторы не раз были вынуждены приспособить формы строящихся зданий к земельному участку.

Покрыть здание, имеющее подобное плановое решение, простым полукруглым сводом значило дать очень упрощенное решение. С другой стороны, архитектор не хотел отказаться от центрального освещения и ердика, т. е. от тех форм, которые были традиционными для всех гавитов. Решение, разработанное в этих условиях, вполне логично и тектонично, и это было значительным прогрессом в разработке каменных конструкций.

Перекрещивающиеся арки находят распространение и за пределами Ани, например, в Ахпате, Гадзасаре, Хоракерте и других комплексах.

Применение этой конструктивной системы позволило создать такие композиции, которые до этого не были известны. Внутренние их пространства, покрытые широкими перекрещивающимися арками, едины и цельны, и ничто не расчленяет их просторные интерьеры. Именно в сооружениях этого типа архитекторы отказались как от низких перекрытий, так и от массивных, тяжелых колонн.

Роскошь и богатство торгового города находит свое выражение и в архитектурных формах его мощных крепостных стен. Фрагменты многих башен и целые участки стен охвачены длинными поясами из разноцветных камней или составленными из них орнаментальными фризами. У самых главных ворот был помещен известный рельеф бегущего льва, который, по-видимому, был гербом города.

В армянской архитектуре XII—XIII вв., в частности в Ани, известное развитие получает монументально-декоративное искусство. Примечательно, что сюда проникают некоторые персидско-мусульманские мотивы—явление, вполне понятное в условиях тесных связей, которые создались в этот период между Арменией и рядом стран Передней Азии.

Несомненно, именно этим путем нашли место в армянских памятниках сталактитовые формы перекрытия, хотя следует сказать, что армянские мастера сохранили только их внешние формы и решали все на основе собственных конструктивных систем, имевших глубокие местные традиции.

Наряду с этим следует отметить и определенное влияние армянской архитектуры на архитектуру соседних стран, особенно мусульманских.

Слава армянских мастеров издревле шла по всему Переднему Востоку, и не случайно, что сотнями они угонялись в рабство, их отрывали от родной земли и заставляли строить дворцы и мечети для чужеземных правителей. Так, армянский мастер Галуст построил в Иконии один из выдающихся памятников сельджукской архитектуры, мастер Калоян—мечеть в Себастии, мастер Тагавор—мечеть в Малатии и т. д. Даже в плановых формах многих сельджукских сооружений можно ясно видеть прямое заимствование композиций, разработанных в армянской архитектуре, а сельджукские гробницы—не что иное, как простое копирование куполов армянских церквей.

Не меньшее значение имело и то обстоятельство, что в Ани, в этом многонациональном городе, плечом к плечу трудились армяне, грузины, персы и турки-сельджуки.

Искусные изделия армянских ремесленников выставлялись на продажу не только в городах Армении—они вывозились и в дале-

кие восточные страны. Караваны привозили в Армению индийские украшения, персидский шелк и китайский фарфор.

Ани был тем крупным центром, где армянская культура приобщалась к духовным сокровищам далеких стран и щедро отдавала им собственные богатства. Однако этому замечательному городу не суждено было продолжать свою историческую жизнь. В XIV в. Ани, потеряв свою экономическую базу, стал хиреть и приходить в запустение. Бедствия, которые обрушились на Ани во время войн в последующие века, окончательно разорили город. В позднем средневековье в его развалинах ютились кочевые племена, зажигавшие свои костры в поверженных дворцах и храмах древней столицы.

* * *

В истории армянской культуры архитектура IX—XI вв. занимает одну из ее самых ярких страниц. Восстановив свою государственность и освободившись от тяжкого арабского ига, армянский народ вновь получил возможность мирного развития. В этих условиях он создает памятники, занимающие достойное место в сокровищнице общечеловеческой культуры.

Новое стилистическое направление, которое вырабатывалось в основном в рамках строительной практики небольших сооружений, нашло свое яркое выражение и в последующие века.

Армянская архитектурная культура IV—VII и IX—XI вв. шла в передовых рядах общей архитектурной культуры. Однако и этот период ее развития был прерван чужеземными завоевателями. Только в конце XII в., когда было окончательно свергнуто сельджукское иго, создались необходимые предпосылки для ее дальнейшего развития.

ГЛАВА VI

АРХИТЕКТУРА XII—XVIII вв.

Героическая борьба армянского народа против сельджукских завоевателей, происходившая в конце XII—начале XIII вв., увенчалась убедительной победой. В эту эпоху своего могущества достигла также и соседняя Грузия, с которой по многим политическим и военным вопросам в тесном контакте сотрудничали князья северной Армении. Так, известные армянские полководцы Закаре и Иване Закаряны, находясь при дворе грузинской царицы Тамары, возглавили в битве с сельджуками объединенные армяно-грузинские войска и полностью освободили северные области Армении от захватчиков.

Победа создала благоприятные предпосылки для нового развития экономики, науки и культуры страны, в частности градостроительства и архитектуры, которая породила великолепные образцы целостных ансамблей.

В Армении, расположенной на великих транзитных путях международной торговли, заметное развитие получает экономика, намечается дальнейшее процветание таких городов, как Ани, Двин, Карс, Карин и др. Как и прежде, наибольшего развития среди них достигает столица страны Ани. Находясь на пути нового подъема и став крупными центрами внутренней и внешней торговли, города Армении начинают интенсивно развивать строительное искусство, металлургию, гончарное дело, ткачество, кожевенное производство и другие ремесла. Значительная часть продукции ремесленного производства, получая большой спрос, выходит за пределы внутреннего рынка, становится предметом широкой международной торговли.

В этих условиях строительство в городах сосредоточивается в основном в руках крупного торгового класса, который возводит преимущественно светские постройки и коммунальные сооружения, жилые дома, гостиницы, производственные здания, магазины, водопроводы и т. д., конкретные практические цели которых хорошо сочетаются с устремлениями руководящей верхушки торгового класса данной эпохи.

В условиях развивавшейся международной торговли большое внимание уделялось строительству магистральных дорог, необходимость которых обуславливалась не только развитием товарооборота, но и потребностями военно-стратегического порядка. Это были большие транзитные пути, которые тянулись от средиземноморских и черноморских стран до далеких Индии и Китая. На отрезке магистрали, проходившей по Армении, имелось множество ответвлений местного значения, которые создавали хорошую связь между крупными городами и мелкими населенными пунктами страны. Кроме того, транзитные магистрали составляли хорошо организованный комплекс, куда, кроме самих дорог, входили мосты, гостиницы, магазины, бани, родники и другие объекты, призванные обслуживать эти великие транспортные артерии средневековья. На всех магистральных путях имелись необходимые придорожные столбы и ориентиры в виде стрел, указывавшие направления и отмерявшие расстояния.

Транзитные дороги, проходившие через Армению и способствовавшие экономическому процветанию страны, содержались в надлежащем виде и находились под постоянным покровительством государственной администрации. Не случайно, что такие дороги назывались царскими (аркунакан).

Многочисленные постройки, обслуживавшие магистральные дороги, составляют важный раздел армянской классической светской архитектуры.

Среди упомянутых сооружений прежде всего выделяются караван-сараи. В Армении они строились с древнейших времен, хотя их

самые ранние наличные примеры относятся к IX в. Караван-сараи—это постоялые дворы, создававшиеся в узловых пунктах магистральных дорог, где останавливались караваны после дневного пути или при переходе через трудные горные перевалы. Они отличались размерами, следовательно, возможностями и формами обслуживания. В исторической Армении наиболее известными были караван-сараи Талиша, Неркин-Талина, Ахкенда, Яйджи, Селима и др. Это довольно фундаментальные постройки из камня чистой тески, в которых, как и во всех монументальных постройках, широко использовались достижения строительной техники.

Караван-сараи средневековой Армении, как правило, имели внутреннее трехнефное пространство со средней, более широкой частью, сводчатое завершение в интерьере и двускатное перекрытие с кровлей из каменных плит в экстерьере. Стены караван-сараев во всех случаях решались лаконично, почти без элементов декоративного убранства в интерьере, что обусловлено его полутемным состоянием. Тусклое освещение интерьеров, поступавшее через ердик—верхнее окно, вызывало необходимость поддерживать внутри здания равномерный температурный режим во все времена года. Некоторые более крупные караван-сараи имеют несколько зальных пространств, которые чаще всего строились по контуру двора (караван-сараи Атарбекяна и Неркин-Талина). Находясь на магистральных путях, обычно вдали от городов и сел, караван-сараи нередко превращались в настоящие крепости, обеспечивавшие неприкосновенность останавливавшихся там богатых караванов. Именно с этой целью все они имеют наружные мощные стены с контрфорсами и один-единственный вход для удобства охранных мероприятий. Караван-сараи обычно имели свою вооруженную дружину, сопровождавшую караваны до следующей стоянки, расположенной на расстоянии дневного перехода.

Однако, выполняя гостиничные функции, эти постройки одновременно содержали многочисленные производственные мастерские, являлись местом больших коммерческих сделок, обмена информацией по торговым и экономическим вопросам, а зачастую и по волнующим политическим событиям. Таким образом, их роль в различных проявлениях экономической жизни страны была весьма значительной.

Кроме караван-сараев, хорошо сохранились также типично гостиничные здания (в то время они назывались «фундуками»), в частности, в Ани. Раскопками экспедиции Н. Я. Марра здесь была выявлена одна из таких больших гостиниц, хотя и в сильно разрушенном состоянии. Несмотря на это, ее план прослеживался в то время довольно четко. Судя по этому плану, здание имело два примыкавших друг к другу замкнутых пространства, с двух сторон застроенных небольшими гостиничными комнатами. Всего было выявлено 39 комнат, не считая вспомогательных помещений. Со стороны улицы гостиница имела несколько магазинов, мастерскую и парадные входы. Согласно реконструкции Т. Тораманяна, здание имело два этажа, каждый из которых был соответственно декорирован. Составляя различные обрамления, декоры своими орнаментальными мотивами способствовали выразительности внешней архитектуры здания.

Из других сооружений средневековой Армении с ее магистральными путями были тесно связаны мосты. Некоторые из них довольно хорошо сохранились и функционируют до настоящего времени, вполне отвечая потребностям современного тяжелого транспорта. Все дошедшие до нас мосты принадлежат XII—XIII вв. Однако мостостроительство в Армении, как и другие монументальные строения, имеет свои древнейшие традиции. Можно, например, сослаться на урартскую строительную традицию и в качестве примера привести остатки каменной кладки от береговых устоев моста, когда-то перекинутого через реку Раздан в черте города Тейшебаини, на его западной окраине. От той же эпохи в районе города Ван сохранились действующие ныне грандиозные акведуки.

Как правило, дошедшие до нас мосты, как малые, так и большие,—однопролетные, редко—многопролетные. Все они построены из камня на известковом растворе. Смелость конструктивного замысла и совершенство форм наиболее отчетливо проявляются в мостах с большими пролетами. Архитектурные формы, как и обработка лицевых плоскостей, решены для таких утилитарных сооружений довольно лаконично. Мосты обычно строились на скалистых берегах, намного выше уровня рек, чтобы избежать разрушительных действий воды. В условиях горного рельефа мосты часто получали ступенчатые решения своих форм, что можно наблюдать на примере Санаинского, Гарнийского, Ехегнадзорского и других мостов. Исследование строительных конструкций мостов показывает, что они разрабатывались на основе всех требований этого сложного инженерного сооружения вплоть до применения в них дренажных устройств.

Из мостов средневековой Армении с этой

точки зрения наиболее совершенными являются те, которые сохранились в Ани, Санаине, Аштараке, Ехегнадзоре, Гарни и некоторых других местах. Самыми крупными из них являлись анийские мосты, в том числе так называемый Чрплинский мост с 30-метровым пролетом в свету, общей длиной в 125 м. Этот памятник примечателен прежде всего своим необыкновенным расположением. Левый берег реки в этом месте представляет собой отвесную скалу, и перекинутый с противоположной стороны мост упирается своими мощными арками в едва заметные скальные выступы. Уже одно это свидетельствует о высоком уровне мостостроительства в средневековой Армении. Он интересен и тем, что одновременно служил акведуком—через него по трубам большого диаметра проходила от одного берега к другому вода для орошения. Наличные остатки моста показывают и другие конструктивные особенности—его массивные объемы были значительно облегчены изнутри полыми пространствами—парой сводчатых коридоров, устроенных в продольном направлении.

Другой анийский мост, построенный, вероятно, в XI в., также находится в полуразрушенном состоянии. Однако сохранившиеся фрагменты дали основание Т. Тораманяну составить проект реконструкции, согласно которому мост представляется однопролетным сооружением, примечательным своими архитектурными формами, в частности наличием на его проезжей части специального помещения для стражи.

Обращает на себя внимание мост, построенный в XII в. царицей Ванени на реке Дебед в Лорийском ущелье и функционирующий до настоящего времени. По этому однопролетному мосту, длиной 10,5 м, свободно проходят современные тяжелые машины грузоподъемностью 8 т и более. Сооружение моста удачно связано с рельефом местности, где от скалистого выступа высокого правого берега постепенными переходами он опускается на левый берег.

Приведенные примеры характеризуют светские сооружения исторической Армении как памятники, примечательные в архитектурном и, особенно, в конструктивном отношении.

Светские постройки средневековой Армении часто образуют большие комплексы, причем значительная их часть имеет вполне зрелые принципы ансамблевых решений. Это, в частности, относится к замкам, которые традиционно, как и цитадели крупных городов, сооружались на неприступных горных вершинах и часто, будучи окаймленными глубокими ущельями, укреплялись мощными стенами со своими башнями и контрфорсами. Такими выдающимися комплексами, к тому же имевшими большое стратегическое значение (охрана дорог или подступов к большим городам), являлись крепости Амберд, Лориберд, Тигнис, Бджни, Магасберд, Каянберд и многие другие, а также многочисленные замки и крепости далекой и пока плохо изученной в архитектурном отношении Киликийской Армении.

Из упомянутых памятников по своей дислокации, составу сооружений и архитектурно-пространственному построению особенно выделяется замок Амберд.

Как было сказано, Амберд основан в IX в., однако его наличные остатки, от которых сохранились остатки монументальных крепостных стен, относятся к XII—XIII вв. Часть крепостных стен сооружена в XI в. князем Ваграмом, когда комплекс принадлежал княжескому роду Пахлавуни. Остальная часть стен относится к XII в., когда замок перешел уже во владение князей Закаридов.

Остатки комплекса сохранили довольно мощную и с виду монументальную каменную лестницу, устроенную в средней части многоэтажного замка и ведущую в помещения верхнего этажа. О былой архитектуре этих помещений можно судить по тому высокохудожественному археологическому материалу, который выявляется в процессе раскопок замка.

Дворцовый комплекс в своем составе имеет небольшую отдельную баню, расположенную у подножья дворца. Это небольшая прямоугольная в плане постройка с купальным залом и двумя отсеками—топкой и бассейном.

Архитектурно-пространственная композиция Амбердского замка своими корнями восходит к древним традициям, создавшим градостроительную культуру Двина, Ани и других городов, архитектура которых имеет более явственные признаки, унаследованные от урартской строительной культуры, о чем свидетельствует традиционный выбор места для замка, его господствующее положение над окрестностью и над ущельями, где текут горные речки Амберд и Аркашян.

Характерно, что в пространственной организации Амберда, этого феодального замка, господствующее положение занимают светские постройки, прежде всего дворец со своими мощными крепостными стенами, а не культовое сооружение, как это обычно наблюдается в монастырских комплексах. Неудиви-

тельно поэтому, что основанная в 1026 г. Ваграмом Пахлавуни амбердская церковь не доминирует в пространстве, а выступает лишь как соподчиненный элемент ансамбля.

Амберд—один из совершенных светских комплексов средневековой армянской архитектуры, построенный на уровне военно-стратегических требований своего времени. На это указывают расположение крепости на сильно изрезанном рельефе местности, труднодоступном для штурма, мощь высоких крепостных стен с контрфорсами и т. д. По-видимому, в средневековой Армении замки служили тем ядром, вокруг которого в дальнейшем появлялись жилые и производственные кварталы, а затем и города.

Крепостное строительство в Армении, тесно связанное с ее историческими судьбами, получило значительное развитие. На ее территории от минувших веков сохранилось немало великолепных сооружений этого рода. Эти памятники выделяются своими ландшафтными преимуществами, величием архитектурно-пространственных построений, а также решением основных проблем стратегического порядка.

Примечательно и другое. В оборонную систему страны в последующие века включались не только крепости, но и отдельные монументальные сооружения, в частности, культовые постройки. Сильно укрепляясь дополнительными стенами, они превращались в настоящие бастионы со своими бойницами, а иногда и источниками питьевой воды в виде колодцев в самом здании. К ним относятся, например, церковь в Аргине, две церкви Циранавора в Аштаракском районе и др.

Монастырские комплексы. В конце X—начале XI вв. в Армении создаются монастырские комплексы, которые несколько позднее, уже в XII—XIII вв., совершенствуясь в своем развитии, достигают уровня хорошо развитых архитектурных ансамблей[1]. По мере развития городов и светской жизни церковь все больше концентрирует свою деятельность на этих изолированных монастырских территориях.

Как правило, монастырские комплексы располагались уединенно на лоне живописной природы, вдали от магистральных дорог и шумной жизни больших городов.

В Армении строилось немало монастырей, многие из которых хорошо сохранились и выделяются великолепной архитектурой. К наиболее выдающимся монастырям средневековой Армении относятся Санаин, Ахпат, Гегард, Кечарис, Агарцин, Гошаванк, Мармашен и др.

Непосредственно сращиваясь с экономической и политической жизнью страны, христианская церковь создает и укрепляет монастыри, подобно тому как феодалы заботились о своих замках как центрах светской жизни. Следует также отметить, что в периоды, когда страна пребывала под гнетом чужеземных захватчиков, монастыри иногда добивались от них известных привилегий для сохранения своих экономических позиций. Некоторые из них в такие периоды расширялись настолько, что число одних только монахов доходило в них иногда до пятисот.

Отдельные, более состоятельные и мощные монастыри сосредоточивали свою деятельность и на учебном поприще, открывая с этой целью средние и высшие учебные заведения. Некоторые из функционировавших в различное время таких высших учебных заведений заслужили громкую славу в средневековой Армении. К ним относятся Гладзорский, Татевский, Санаинский, Ахпатский, Нор-Гетикский, Ахтамарский и другие университеты. В архитектурных комплексах монастырей появляются специальные здания для книгохранилищ с богатой для того времени литературой. Здесь же писались и получали художественное оформление книги по различным отраслям знаний.

Ведущими архитектурными типами церквей, воздвигнутых в XII—XIII вв. в монастырских комплексах, были крестово-купольная форма с приделами на западной стороне и купольная зала, получившие в то время широкое развитие. Своим расположением и объемом церкви, как правило, доминировали в архитектурно-пространственной композиции монастырских ансамблей. Часто в одном и том же комплексе было несколько церквей. В этом случае по отношению к главной церкви все остальные в пространственном построении ансамблей получали подчиненную роль.

Кроме церквей, в монастырские комплексы входили притворы (гавиты-жаматуны), трапезные, родники, мемориальные памятники, жилые дома и, наконец, опоясывавшие их крепостные стены. К ним относились также производственные сооружения, которые, однако, как подобные объекты располагались за крепостными стенами.

Монастырские комплексы большей частью отличались плотностью своей застройки, так как при возведении последующих строений обычно использовались стены соседнего здания или же свободное пространство между па-

[1] Для цельности впечатления от архитектуры монастырских комплексов в главе рассматриваются одновременно все сооружения X—XIV вв.

мятниками. По такому принципу было построено, например, помещение, известное как академия Григория Магистра в Санаине. Таким образом, по существу создавалось единство построек, образующих как бы монолитную массу хорошо согласованных архитектурных форм. Не случайно, что в монастырях почти не видим организованного двора как такового. Для них характерны огороженные или открытые пространства, где господствует гармоничное единство форм построек комплекса. В условиях плотной застройки комплекса формы сооружений, разумеется, не могут восприниматься одновременно. По этой причине памятники, закрывающие друг друга в пространстве, смотрятся лишь последовательно, в процессе движения, обычно по заранее разработанному графику, несмотря на то, что отдельные строения каждого из комплексов возводились в различные века. В них создавалась живописная для оптического восприятия художественная структура. По аналогичному принципу созданы и ансамбли внутренних пространств, для которых также характерны объемные выражения развивающихся и чередующихся аспектов, образующие связную цепь и, безусловно, рассчитанные на единое впечатление.

Значительной постройкой в монастырских комплексах является также и притвор, или жаматун, появившийся в армянской архитектуре в X в. в виде нового и своеобразного, архитектурно-пространственного строения, о чем было сказано в предыдущей главе. Эти постройки, примыкающие к западному фасаду главной церкви, имели полукультовое—полусветское назначение. В то же время притворы использовались как родовые усыпальницы феодальной знати, служили местом светских собраний, где обсуждались различные экономические, политические и другие вопросы, публиковались новые законы, тексты которых нередко выгравировывались на их стенах, потому именно они больше всего напоминают образцы светских построек, в частности, большие залы из комплексов народного жилья.

По своим формам к притворам приближаются трапезные, лучшие образцы которых находим в Ахпатском и Агарцинском комплексах. Подобно храмам, эти памятники сооружены из тесаного камня, их монументальные архитектурные формы выступают как составные части монастырских ансамблей. В плане они прямоугольные, обычно разделены на два отсека, объединенные между собой общностью форм и конструктивных построений. Обе части, имея снаружи глухие стены, освещаются сверху.

Лучшие трапезные XII—XIII вв. обычно строились в черте комплексов как самостоятельные архитектурные сооружения, в противоположность аналогичным постройкам XIX в., включенным в общую систему монастырской застройки (Эчмиадзин, Татев).

По своим архитектурным формам к трапезным приближаются книгохранилища, лучшие образцы которых находим в Санаинском и Ахпатском монастырях. В специальных нишах здесь хранились написанные на пергаменте рукописи, для которых поддерживался равномерный климатический режим. Освещались эти помещения только сверху, через световой проем, устроенный в перекрытии.

Начиная с XIII в. в монастырских комплексах появляются колокольни, теперь уже как самостоятельные архитектурные формы. Устремленные ввысь, эти башнеобразные сооружения играют в ансамблях роль господствующего вертикального объема, хотя никогда не поднимаются выше купола главной церкви. Обычно вытянутые пространства их интерьеров рационально использовались для культовых нужд путем устройства в них многоярусно расположенных помещений. Колокольни, как правило, завершаются куполообразным объемом, имея вместо барабана ротонду, которая своей выразительной изящностью еще более обогащает их общие формы.

Впоследствии эти сооружения теряют свое самостоятельное композиционное построение в пространстве и строятся в единой композиции с притворами, как в памятнике Гошаванка. Однако начиная с XVIII в. они вновь получают самостоятельное архитектурное значение, теперь уже, как правило, выступая при западных фасадах отдельно стоящих церквей (Эчмиадзинский кафедральный собор, церковь Погос-Петроса в Татеве, Рипсиме и др.).

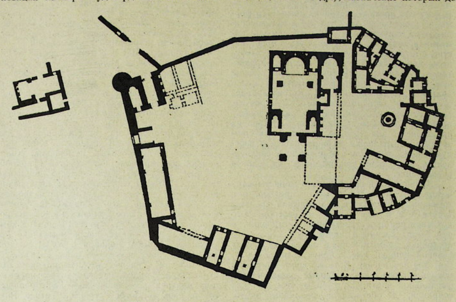
В монастырских комплексах нашли место монументально сооруженные родники, обычно имеющие фасады в виде колоннад с арочным верхом и фронтонными завершениями.

Своеобразную роль играют в монастырских комплексах также мемориальные памятники, главным образом хачкары и стелы.

Построения хачкаров никогда не повторяются, начиная от общих композиционных форм и кончая мелкими плетениями орнамента. Встречаются хачкары, часто доходящие до трех метров высоты, покрытые грациозным орнаментом великолепного исполнения. Назначение хачкаров гораздо шире, чем надгробий, поскольку они устанавливались в ознаменование различных исторических событий, больших побед на поле боя, по поводу строи-

тельства крупных сооружений—светских и культовых, при основании населенных мест и т. д. Следовательно, хачкары имели и светское назначение.

К числу лучших принадлежат хачкары, поставленные в Гошаванке, Гегарде, Санаине, на историческом кладбище Нор-Джуги, где они исчисляются тысячами, и в других районах Армении. Примечательна известная композиция хачкара Тудеворди из Санаинского



Татев. Общий план комплекса.

комплекса. Установленный на пьедестале, имеющем акцентированный центрально-симметричный объем, хачкар составляет устремленную ввысь часть всей композиции. По пропорциональному построению своих объемов и изяществу исполнения орнамента хачкар Тудеворди является высокохудожественным мемориальным памятником.

В генетическом отношении хачкары берут свое начало, вероятно, от урартских каменных стел, обычно с закругленным верхом, которые также имели мемориальное назначение. Свидетельством этому служит урартская стела из Ноемберянского района с клинописью на лицевой стороне, на которой впоследствии рука средневекового резчика по камню изваяла христианский крест. Таким образом, на этой плоскости сошлись две эпохи, которым одинаково соответствовали формы стелы как мемориального памятника.

Говоря о монастырских комплексах, следует обратить внимание еще на одну их особенность: почти все они за пределами своих границ имеют небольшие, отдельно стоящие часовни (Кечарис, Гошаванк, Мармашен, Хцконк, Ахпат и др.), назначение которых до сих пор не выяснено. Однако можно допустить, что эти отдельно стоящие церкви не что иное, как «анапаты» (обители).

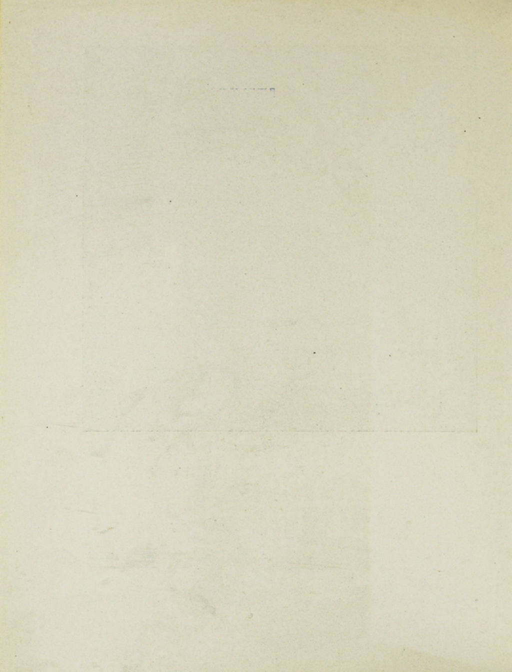
Рассмотрим некоторые наиболее интересные монастырские комплексы.

Татев. Среди многочисленных монастырских комплексов Армении одним из самых значительных является Татевский монастырь, об исторической жизни которого до XII в. было сказано в предыдущей главе.

В XIII в. происходит обновление архитектурного комплекса монастыря, который в этот период застраивается главным образом светскими постройками. В середине XIV в. в Татеве основывается университет, имевший ряд отделений с большим числом обучающихся. В



Егвард. *Двухэтажная усыпальница-церковь.*



это время Татев был известен и своей знаменитой школой миниатюристов.

Следующим этапом интенсивного строительства монастыря явился XVII в., когда застраивались прилегающие к нему здания, главным образом производственного назначения. Последние просуществовали до сильного землетрясения 1931 г., во время которого пострадали многие постройки, в том числе церковь Погос-Петроса с высокой и богато орнаментированной колокольней.

Ныне монастырь в наличном виде представляет большую группу культовых и светских памятников, огражденных крепостной стеной. По периметру его наружной стены сооружены жилые и подсобные помещения, а в центральной части двора возвышается главный памятник—остатки церкви Погос-Петроса, основанной в 895 г. настоятелем монастыря Ованесом.

Находящаяся у западного фасада церкви колокольня (1902), полуразрушенная землетрясением 1931 г., в противоположность церкви Погос-Петроса, покрыта многочисленными орнаментами, что необычно для лаконичных форм сюникской архитектурной школы. По своим внешним формам ее объемы напоминают сооруженную в XVII в. колокольню Эчмиадзинского кафедрального собора, которая также характеризуется богатством орнамента и, кроме того имеет росписи в потолочной части первого яруса.

К восточной части южного фасада Погос-Петроса примыкает церковь Лусаворич (1225 г., архитектор Момик). Это однонефная постройка без купольной системы, имеющая двускатное перекрытие снаружи и единое, внутренне нерасчлененное пространство, завершенное с восточной стороны апсидой. Как и Погос-Петрос, она имеет довольно лаконичные формы, присущие памятникам сюникской архитектуры. С точки зрения ансамблевого решения зодчий проявил здесь необходимый такт, отказавшись от купольного объема, который отвлек бы внимание от господствующего в пространстве купола главной церкви. Быть может, по этой причине третья церковь ансамбля поставлена у самых ворот, довольно далеко от церкви Погос-Петроса. Это небольшая, но весьма монументальная церковь Аствацацин, построенная в XI в., которая высится над сводом, обхватывающим пространство надгробного помещения.

В Татевском комплексе примечателен также уникальный мемориальный памятник—качающийся столб св. Троицы, воздвигнутый в X в. епископом Ованесом, как об этом сообщает Степанос Орбелян. Многогранный и увенчанный хачкаром столб в свое время от небольшого толчка плавно качался, вызывая всеобщее удивление и восхищение. Между этой колонной и индийским стамба эпохи Ашока много общего, хотя и очевидно, что обе эти формы основывались не на соприкасаемых традициях. Татевский архитектурный ансамбль в XVII—XVIII вв. застраивался рядом новых светских сооружений—жилыми помещениями, баней и множеством различных производственных построек. Кроме того, вне ограды появилась довольно хорошо сохранившаяся маслодавильня. Таким образом, этот обширный монастырь с большим количеством коммунальных и производственных сооружений напоминает феодальный замок, с той лишь разницей, что здесь в пространственной композиции господствуют объемы не светской, а культовой застройки.

Все эти сооружения длинной лентой опоясывают контур комплекса, воздвигнутого над глубоким ущельем, создавая впечатление горизонтально раскинувшегося массива, откуда в контрастном сочетании с ним вздымается главный памятник со своим устремленным вверх динамичным объемом. Так выглядит Татевский монастырь с отдаленной точки.

Санаинский монастырь. Другим крупным архитектурным ансамблем исторической Армении является Санаинский монастырский комплекс, находящийся в пределах города Алаверди. В прошлом этот район в иных своих границах, под названием Дзорапор, составлял один из округов исторического Гугарка, а после распада последнего входил в Таширский округ. В X—XIII вв. на территории Гугарка образовалось подвластное Багратидским царям Ташир-Дзорагетское или Кюрикидское царство по имени Кюрике, сына армянского царя Ашота II.

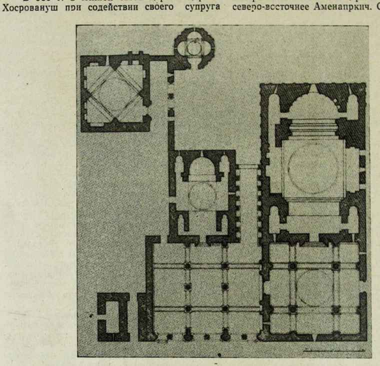
Богатая культурно-историческая жизнь Ташир-Дзорагетского царства оставила много выдающихся архитектурных памятников, среди которых выделяются большие комплексы Санаина и Ахпата, схожие между собой благодаря общности исторической жизни.

Как и другие аналогичные архитектурные ансамбли, Санаинский комплекс создавался постепенно, в течение ряда веков и отнюдь не на основе предварительно разработанной плановой композиции. Вместе с тем следует подчеркнуть, что все последующие постройки увязаны между собой с удивительной гармоничностью, с большим тактом ансамблевых понятий.

Первым по времени памятником Санаинского комплекса, составляющим его древнейшее ядро, является церковь Аствацацин, пред-

ставляющая собой тип купольного зала, построенного в первой половине X в. при царе Абасе Багратуни. Сооружением этой церкви было положено начало основанию монастыря, которое приписывается армянскому духовенству, изгнанному из Византии императором Романосом за отказ принять халкедонизм и присоединиться к византийской церкви.

В 966 г. в южной части церкви царица Хосровануш при содействии своего супруга



Санаин. Общий план комплекса.

Ашота Милостивого построила новую церковь—Аменапркич. Впоследствии она становится главным сооружением комплекса. Обе эти постройки в каждой последующей структуре пространственного формообразования становятся теми доминантами, которыми диктуется положение каждой вновь создаваемой постройки. Площадь между ними в начале XI в. застраивается и становится общим внутренним сводчатым залом, в продольных стенах которого устраиваются удобные для сидения ниши с арочным верхом. Согласно преданию, здесь находилась академия выдающегося средневекового ученого Армении Григора Магистра, читавшего здесь свои знаменитые лекции.

Другим памятником Санаинского комплекса является церковь Григория (1061), построенная восточнее церкви Богородицы и северо-восточнее Аменапркич. Своими апсидами она образует в плане крест, заключенный в круг наружной фасадной стены. Наличный вид памятника—результат коренной реконструкции его купольной системы, что довольно отчетливо видно на фасаде здания.

В своем постепенном развитии монастырь обогащается новыми постройками. Одной из них явилось здание книгохранилища, пристроенное к церкви Григория в 1063 г. царицей Грануш.

Внутреннее пространство книгохранилища представляет в плане правильный квадрат со сводчатым перекрытием и с купольной системой в средней части, покоящейся на перекрещивающихся арках, которые в данном случае, в отличие от других аналогичных построек, перекинуты по диагонали помещения. Подобная система перекрытия хорошо известна в народном зодчестве Армении, в частности в зальных помещениях народного жилья. В книгохранилищах особое внимание уделялось равномерному освещению интерьера, что достигалось в основном через световое отверстие, устроенное в куполе. Не меньшее значение придавалось также поддержанию в них необходимого температурного режима. Интерьер книгохранилища отличается такой же монументальностью и мощностью, как и экстерьер. Построенная перед зданием галерея с арочными проемами, связывающая это здание с церковью Аствацацин, объединяет все постройки этой части комплекса в единую композицию.

Впоследствии возникает необходимость пристроить к западным фасадам церквей Аствацацин и Аменапркич притворы. Первый из них, сооруженный в 1181 г. (архитектор Жамайр) и примыкающий к церкви Аменапркич, имеет четыре колонны и два входа с северной и южной сторон. Центральная часть притвора завершена куполом, господствующим во внутреннем его пространстве, освещающемся через ердик, устроенный в самом куполе. Остальная часть плафона, в частности в угловых ее отсеках, представляет собой перекрытие в виде целых потолочных каменных плит, каждая размером 2,8×2,8 м. Эти хорошо сохранившиеся плиты говорят о высоком уровне, которого достигла в ту пору строительная техника Армении. Изящные формы колонн со своими шарообразными капителями выгодно представляют притвор в данном комплексе построек.

В северной части этого здания, перед западным фасадом церкви Аствацацин, в 1211 г. князь Ваче Вачутян построил новый и более обширный притвор, названный большим притвором, или предпритвором—нахагавитом. Последний отличается от других притворов своим трехнефным планом, где нефы очерчены двумя рядами приземистых колонн, несущих в продольном направлении сводчатые перекрытия. Своды с наружной стороны несут двускатные кровли, которые со стороны главного фасада обозреваются в виде ряда крутых фронтонов. Отсюда осуществлялось освещение притвора боковым светом, проникавшим через большие входные и оконные проемы главного фасада. Этим данный притвор и отличается от других.

Перед северным фасадом притвора (нахагавита) и заподлицо с западным фасадом возвышается монументальная колокольня (XIII в.), являющаяся вертикальной доминантой комплекса. Это сооружение завершается купольным объемом, барабанная часть которого представляет собой ротонду, а интерьер колокольни—многоярусные культовые помещения.

В Санаинский архитектурный комплекс входят и другие памятники, раскинутые в его юго-восточной части. Однако они не формируют данный ансамбль непосредственно, хотя сами по себе являются примечательными сооружениями.

Создатели комплекса в основном акцентировали внутреннее пространство, выражавшее их основной творческий замысел. Именно поэтому здесь, как и в других подобных комплексах, сказывается их стремление объединить все внутренне динамично развивающееся пространство в единую связанную композицию, создающую для восприятия живописные аспекты. Уже при входе на территорию памятников с низко расположенной местности открывается живописная панорама. На первом плане вырисовываются четкие и монументальные объемы устремленной ввысь колокольни, которая господствует в пространстве и составляет вертикаль, зрительно пересекающую весь ансамбль. Затем открываются другие части ансамбля—фасады притвора и предпритвора, раскинувшиеся горизонтальной лентой и выступающие в контрастном сочетании с объемом колокольни. Внутреннее пространство предпритвора (нахагавита), акцентированное продольными осями трех своих нефов и низкими сводчатыми покрытиями, составляет начало пространственной композиции внутреннего ансамбля комплекса. Далее, в соседнем притворе с его четырьмя центральными колоннами, пространство в противоположность продольной оси нахагавита развивается по вертикали.

Внутренние объемы большой церкви продолжают вертикальное развитие, причем здесь взлет архитектурных форм в зрительном восприятии более динамичен, а формы более монументальны. Таким образом, в архитектуре Санаинского комплекса выражен ансамблевый принцип застройки внутреннего пространства, основанный на единстве и постепенном нарастании внутренних объемов. В этом и заложено одно из определяющих свойств живописности архитектуры комплекса.

Остальные памятники монастыря, раски-

нутые по всей его территории, в известной мере помогают восприятию ансамбля. В частности, это относится к хачкарам (Туде-ворди и Саргиса)—этим непревзойденным образцам армянской скульптуры, отличающимся своей чудесной тканью, тонкой пластикой, которые контрастируют с лаконичными стенами зданий и еще более подчеркивают их монументальность.

Богатая историческая жизнь села Санаин, слившегося ныне с городом Алаверди, характеризуется целым рядом других примечательных историко-архитектурных памятников. Среди них выделяется родник, построенный в 1255 г. монахом Мхитаром. Это сооружение представляет собой вытянутое в поперечном направлении внутреннее пространство с двумя арочными проемами по фасаду, завершенное фронтоном. В Санаине сохранилось также несколько часовен, в том числе часовня св. Карапета, возвышающаяся на высоком конусообразном холме.

Ахпатский монастырь. Своими архитектурными постройками очень близок к Санаину знаменитый Ахпатский комплекс. Он расположен на расстоянии трех километров к северу от него, на высоком плато, вокруг которого складки мощных Лорийских гор образуют вершины Сурблус и Терунакан, ущелья Каянберд и Сеги-дзор, где протекают горные речки Сагик и Каян.

Ахпатский монастырь основан в 976 г., спустя 10 лет после постройки санаинской церкви Аменапркич. На территории монастыря, в ее средней части, обнесенной крепостной стеной, возвышаются церкви, притвор, колокольня и мемориальные сооружения, а под северной стеной—трапезная монастыря и один из уникальных жилых домов средневековья.

Главный вход в монастырь устроен в восточной части крепостной стены, откуда обозревается весь комплекс и отдельно стоящая на его фоне колокольня (1245). К северу от колокольни расположены: справа—жилые дома и трапезная, слева—притвор (1275), а за ним—остальные сооружения. Входы, ведущие в интерьеры, устроены со стороны восточных фасадов.

От входа в большой притвор (1185) перед зрителем открывается его внутреннее пространство, на оси которого находится главная церковь. К северному ее фасаду примыкает галерея, с запада—книгохранилище, затем колонный двор, служащий выходом из интерьера.

В Ахпатском монастыре график движения открывает зрительный процесс, охватывающий все архитектурно-пространственные формы и их значительные фрагменты как в экстерьере, так и в интерьере, причем по мере движения происходит нарастание эффекта от эмоционального воздействия обозреваемых форм. Здесь, как и во всяком классическом ансамбле, выявляется вся сущность вложенного в него архитектурного замысла. В этом отношении налицо большая общность с принципами построения ансамбля известного афинского Акрополя.

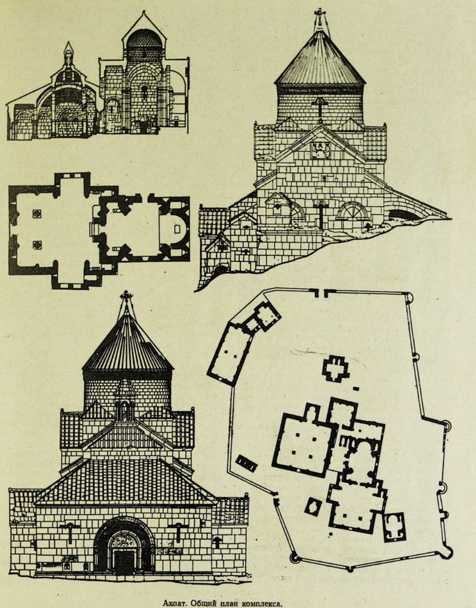
Своими архитектурными формами довольно своеобразна колокольня, поставленная на переднем плане комплекса. Угловые ниши, практически упразднившие традиционные углы сооружения, придали зданию своеобразную внешнюю форму—крестообразный план для первого яруса и завершенный изящной ротондой многогранный план для второго. Таким образом, это уникальное сооружение, имеющее четкое пластическое выражение своих богатых форм, в структурном отношении выделяется как примечательный архитектурно-пространственный организм и является одним из лучших памятников армянского зодчества.

Главным памятником комплекса и первым по времени сооружением является церковь Сурб-Ншан (972—991), основанная царицей Хосровануш, женой Ашота III Багратуни. Храм посвящен ее сыновьям Гургену и Смбату. Под фронтоном восточного фасада здания изваяно их скульптурное изображение в виде ктиторов, держащих в руках модель храма.

Архитектурные формы храма представляют собой купольную залу—тип постройки, широко распространенный в древнеармянском церковном зодчестве. За всю свою длительную историческую жизнь памятник неоднократно обновлялся (следы этого отчетливо просматриваются). Так, в 1016 г. был отремонтирован купол, затем добавлены приделы-хоры, а из северо-восточного придела открыт дверной проем в интерьере церкви.

В XIII в. интерьер обогатился фресковой живописью, от которой на стенах церкви сохранились остатки двух разновременно наложенных слоев. В частности, заметен портрет Хутлу буги, сына Амир-спассалара Садуна, в честь которого в 1273 г. в галерее у северного входа церкви был поставлен великолепный по своим скульптурно-орнаментальным формам хачкар.

К церкви Сурб-Ншан с западной стороны пристроен большой притвор, представляющий примечательную постройку данного типа. Однако наличное его состояние—результат коренной реконструкции, осуществленной в 1208—1210 гг. настоятелем монастыря Ова-



Ахпат. Общий план комплекса.

несом Хаченаци. После реконструкции не все формы притвора представляются изначальными. В 1185 г. дочь царя Кюрике III Мариам на месте притвора построила родовую усыпальницу кюрикидских царей, от которой теперь сохранились те объемы, которые очень отчетливо выступают от северной и южной стен существующего притвора. Кроме того, были заложены проемы стен (до начала арок), вследствие чего колонна оказалась замурованной.

Между тем интерьер сооружения, созданный при Ованесе Хаченаци, имеет довольно оригинальное решение архитектурно-конструктивных форм. Остов перекрытия составляет уже известную нам уникальную конструкцию перекрещивающихся парных арок, покоящихся на полуколоннах стены притвора и двух отдельно стоящих колоннах. На квадрате, образованном этими перекрещивающимися арками, повторяется конструктивная система самих арок, а квадрат, образованный последними, завершается небольшим купольным пространством. Таким образом, развитие внутреннего пространства притвора создает интересные переходы архитектурно-конструктивных форм по вертикали, которые в различных интерпретациях повторяются во многих аналогичных памятниках других районов Армении (трапезная Агарцина, притворы Хоракерта, Мшкаванка и др.).

К церкви Сурб-Ншан с севера и востока пристроены сводчатые коридоры, ведущие наружу. Первая из них, построенная в XIII в., является усыпальницей Кюрикидов и высшего духовенства. Из этих коридоров устроен вход в книгохранилище, построенное, по-видимому, в XI и частично перестроенное в XIII в. Сооружение имеет квадратный план и перекрытие на перекрещивающихся арках, с центральным световым отверстием, которые образуют шатровую форму.

Книги, надо полагать, находились в нишах, устроенных в толще стен. Вероятно, книгохранилище являлось и тем местом, где писались эти книги. Известно, например, что в Ахпатском монастыре в XII—XIII вв. работала целая плеяда выдающихся художников-миниатюристов, которые славились своим индивидуальным художественным почерком. В частности, здесь творил Маркарэ, один из выдающихся художников средневековой Армении.

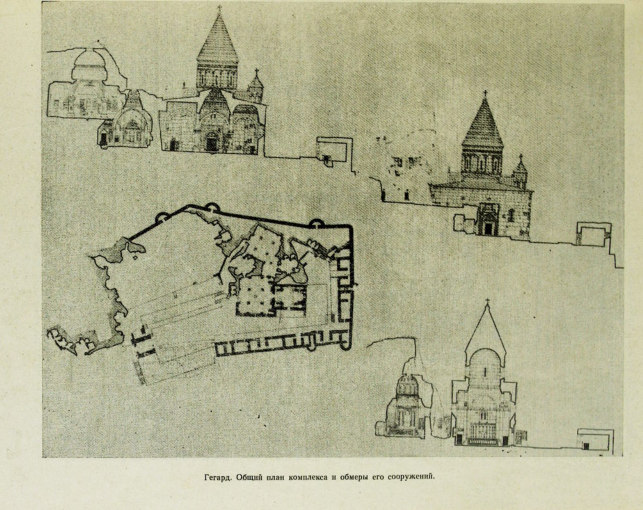
В 1257 г. монастырь обогатился новым зданием, возведенным епископом Амазаспом, настоятелем монастыря, с именем которого оно вошло в историю. Это квадратное в плане четырехколонное сооружение имеет усеченный купол на очень низком барабане и часовню, примыкающую к нему с восточной стороны. По своим формам здание Амазаспа приближается к притворам и, по-видимому, служило потребностям духовной школы.

В комплекс входят еще две церкви—Богородицы и св. Григория. Первая, крестообразная в плане, построена княгиней Хатун; вторая,—крестово-купольная, расположена южнее притвора (1005). Отсутствие купола и наличие двускатного перекрытия свидетельствует о том, что в 1211 г. этот памятник был обновлен Ованесом Хаченаци.

Гегардский монастырь. Среди армянских архитектурных памятников особое место занимает Гегардский монастырь, представляющий собой крупный и весьма уникальный пещерный комплекс. Известно, что еще с урартских времен в Армении большое развитие получили искусство обработки камня и традиции пещерных сооружений. Лучшие примеры подобных памятников того времени находим в окрестностях города Ван, в толще скал горы Зм-даг, в Топрах-кале и других местах. Ярким выражением этих вековых строительных традиций впоследствии становится подземный Ани со своими многочисленными культовыми и светскими помещениями, а также церковь Мартироса и шедевр пещерных построек Армении—монастырь Гегарда. Комплекс гегардских памятников вначале назывался Айриванком, а впоследствии получил свое теперешнее наименование, присвоенное в связи с легендой, согласно которой там хранилось копье, которым был пробит бок Христа.

Гегардский монастырь расположен в 38 км к востоку от Еревана, среди живописных скалистых гор. Согласно историческим сведениям, монастырь основан в IV в., однако с тех пор здесь ничего не сохранилось, а существующие постройки принадлежат последующим эпохам. К ним относится ряд пещерных и наземных сооружений. Главная наземная постройка комплекса—кафедральный собор. Он основан в 1215 г., когда Гегард принадлежал роду Захаридов. Впоследствии он переходит во владение князей Прошян из рода Хахбакян, которые сооружают здесь знаменитые пещерные памятники и родовую усыпальницу. Под куполом западной церкви сохранилась, в виде редкого исключения, лаконичная надпись о ее строителе Галдзаке. По всей вероятности, сооружение остальных памятников комплекса также принадлежит ему, поскольку все они появились в один и тот же строительный период.

Главная церковь монастыря со своим притвором построена в глубоком ущелье, в



Гегард. Общий план комплекса и обмеры его сооружений.

окружении причудливых гигантских скал. Выложенная из базальта, она еще больше гармонирует с окружающей ее природой.

По плану церковь представляет собой крестово-купольное сооружение с двухэтажными хоранами, расположенными в его четырех углах. Почти квадратный в плане притвор, раскинутый перед западным фасадом церкви, своими четырьмя круглыми в сечении колоннами поддерживает каменную купольную систему, имеющую сталактитовую обработку внутренних поверхностей. Некоторые перекрытия в углах притвора, как и в Санаине, плоские. Притвор связывает главную церковь с пещерными постройками, уходящими в глубь скального массива. Так, к северу от притвора, за двумя арочными проемами с колонной в центре находится родовая усыпальница князей Прошян (1283). Над этими проемами высечено изображение герба князей Прошян—два льва в цепях и голова быка, держащая цепь, внизу—орел с ягненком в когтях. Ввиду тусклого освещения пещерного пространства герб выполнен в форме высокого рельефа и сияет во мраке интерьера лишь временами, от падающих лучей солнца, сквозь пробитое в скале небольшое отверстие.

Северо-восточный вход усыпальницы ведет к церкви Аствацацин. Подобно церкви, возведенной в западной части, она повторяет архитектурные формы и пропорциональное построение наземных сооружений. Западная церковь, построенная в 1292 г. князем Прошем, повторяет присущие интерьерам наземных архитектурных сооружений формы перекрещивающихся арок со сталактитовым куполом.

Над этими сооружениями, во втором этаже, устроена усыпальница сына князя Проша, Папака, и его жены Рузукан (1288 г.). Усыпальнице приданы архитектурные формы, повторяющие построение обычного четырехстолпного притвора—с куполом в виде полусферы в средней части. Внутри усыпальницы и во входном коридоре можно видеть множество хачкаров, высеченных прямо на стенах этих скальных сооружений.

Кроме отмеченных культовых пещерных памятников, в Гегарде сохранилось большое количество келий, также пещерных. В одной из них жил летописец XIII в. Мхитар, известный в истории Армении под прозвищем Айриванеци.

Как и в других монастырях, в Гегарде сохранилось множество хачкаров в виде отдельно стоящих плит, а также высеченных прямо на скалах.

Следует отметить, что многочисленные монастырские комплексы в Армении отличаются друг от друга большим разнообразием форм, ансамблевым решением и составом своих построек. В этом отношении показательна Кечарисская группа памятников. Здесь главная церковь, построенная в 1003 г. Григорием Магистром и названная именем св. Григория, отличается мощностью и лаконичностью экстерьера, а также неудержимым динамизмом вертикальных форм интерьера. Такое ощущение вызывают пучкообразные колонны, поддерживающие купольную систему. Несомненно, эта новая тенденция в средневековой архитектуре Армении появилась под влиянием творческого кредо зодчего Трдата, проявленного им с особым мастерством и блеском в знаменитом Анийском соборе Богоматери, формы которого дали повод для многих генетических размышлений, в частности о происхождении готического стиля в Европе (И. Стржиговский).

Монументальность и лаконизм характерны и для остальных сооружений Кечарисского монастыря—притвора (XII в.), церквей Катогике (XIII в.), Сурб-Ншан (XII в.) и Арутюна (XIII в.).

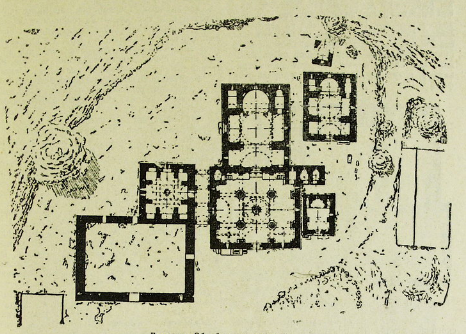
Аналогичные тенденции проявлены в отдельных монастырских сооружениях Гошаванка, Гндеванка, Мармашена, Агарцина и др.

Первый из них—Гошаванкский архитектурный комплекс, основанный выдающимся государственным деятелем и писателем средневековья Мхитаром Гошем, имеет несколько церквей, притвор, библиотеку с колокольней над ней и ряд хачкаров. Большим изяществом отличаются внешние формы церкви Лусаворич, сооруженной в XIII в. князем Григори тха (сын Григора). Главный фасад этого сводчатого сооружения выступает как плоскость, завершенная единым фронтоном с изящной декоративной аркадой и порталом. Тимпан портала, обрамляющие его арки, а также общий наличник, как и наличник окна под порталом отличаются изысканностью форм своих орнаментов. Каменных дел мастер Погос, вдохновленный, вероятно, этим великолепием, в 1291 г. установил перед фасадом церкви два хачкара, непревзойденных по великолепию и вполне достойных мастерства своего безвестного предшественника.

В творчестве мастеров XI—XIII вв., основавших Агарцинский монастырь, проявлялась и другая отличительная черта древних армянских строителей—чувство природы, понимание ландшафта, в частности особых ландшафтных преимуществ данной местности.

Воздвигая здесь свои сооружения, зодчие добились архитектурно-пространственных аспектов, где ландшафту принадлежит доминантная роль фона для данных монументальных построек, а последними, в свою очередь, обогащена сама природа.

щимся зодчим и скульптором Момиком. Усыпальница занимает первый ярус, где над нею возвышается в виде второго яруса сама церковь; общие объемы здания завершались ротондой, от которой теперь остались отдельные фрагменты. Примечательным элементом глав-



Гошаванк. Общий план комплекса.

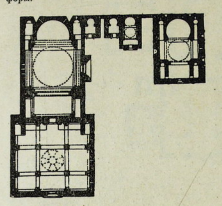
В Агарцинском комплексе по своей архитектуре выделяется большая светская постройка—трапезная, воздвигнутая в 1248 г. зодчим Минасом. Трапезная состоит из двух квадратных в плане частей, разграниченных приземистыми колоннами квадратного сечения, несущими перекрещивающиеся арки от обеих частей перекрытия.

В средневековой армянской архитектуре достойное место занимает также знаменитый Нораванский монастырь, расположенный недалеко от села Амагу Ехегнадзорского района. Это уникальное по своим формам двухъярусное сооружение, представляющее собой фамильную церковь-усыпальницу, построено в 1339 г. при князе Буртеле Орбеляне выдающ-

ного фасада, определяющим его оригинальность, являются симметрично расположенные и ведущие ко второму этажу консольные каменные лестницы. Богатые порталы обоих ярусов с великолепными рельефами Богоматери с архангелами Гавриилом и Михаилом в первом ярусе и Христа с Петром и Павлом—во втором, с тончайшим орнаментом и декоративной аркадой превращают фасадные плоскости усыпальницы—церкви в пластические и живописные архитектурные образы, которые контрастируют с глубокими складками рельефа мощных и суровых Зангезурских гор.

В сюникской архитектуре данная композиция церкви-усыпальницы имела и свои

предшествующие примеры. Среди них выделяется Цахац-Карская церковь-усыпальница, которая, однако, отличается лаконичными и мощными формами (1041). Кроме Сюника, подобную многоярусную композицию для сооружений можно видеть в Егварде, Нор-Гетике, Капутане и других местах Армении, причем в каждом из них функциональное значение ярусов различно. Их вытянутые по вертикали формы впоследствии послужили основой для создания в культовых комплексах колоколен, причем каждый раз в различной интерпретации. Сказанное, однако, следует рассматривать в пределах их дифференцированных форм.



Кечарис. Общий план комплекса.

Обращаясь к памятникам древнеармянского зодчества, мы обнаруживаем, что им были свойственны архитектурные пропорции, основанные на простых числовых соотношениях и локте как единице линейной меры.

Итак, гармоничное единство архитектурно-пространственных сооружений, из которых слагаются монастырские комплексы Армении, возводится в принцип, обретающий в эстетическом восприятии свое безупречное выражение ансамблевого совершенства.

АРХИТЕКТУРА КИЛИКИЙСКОЙ АРМЕНИИ

Историческая армянская архитектура на протяжении трехсот лет развивалась также в далекой Киликии. Армянское киликийское государство, созданное в 1080 г., сперва в качестве княжества Рубенидов, а с конца XII в. как царство, просуществовало до 1375 г. В 1226 г. Рубенидов сменили Гетумиды. Следует, однако, отметить, что Киликия была заселена армянами значительно раньше, еще в I в. до н. э., когда она входила в государство Тиграна II.

Киликийское государство занимало территорию в 40 тыс. кв. км на северо-восточном берегу Средиземного моря, окаймленную с северо-запада горной цепью Тавра, а с юго-востока цепью Аманских гор. Население его составляло около одного миллиона человек, и страна была сравнительно плотно заселена.

Богатая полезными ископаемыми—железом, серебром, свинцом, Киликия в то же время располагала прекрасными пастбищами в равнинной и горной частях страны, что создавало благоприятные условия для развития сельского хозяйства. Благодаря таким возможностями и будучи расположенной на важных магистральных торговых и военных дорогах, Киликийская Армения установила обширные торговые связи с Востоком и Западом и стала играть заметную роль в экономической, политической и культурной жизни этой части Азии. Интенсивные торговые связи Киликия поддерживала также с Генуей и Венецией, с Крымом и многими странами Ближнего Востока.

Культурная жизнь Киликийской Армении характеризовалась наличием большого количества школ и высших учебных заведений. В последних значительного развития достигли гуманитарные науки, в том числе книжная живопись, получившая широкую известность и имевшая самостоятельную школу со своими выдающимися мастерами—Рослином, Пицаком и многими другими. Произведения этих художников занимают особое место в истории книжной живописи средневековой Армении.

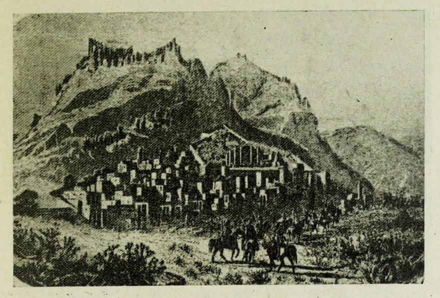
При наличии благоприятных географических и экономических условий в Киликийской Армении появилось большое число городов, многие из которых находились на важных магистральных путях международной торговли. Наиболее крупными городами были: столица Киликии Сис, Тарсон, Адана, Аназарба, порты Корикос и Айас. Кроме того, страна была покрыта густой сетью хорошо укрепленных крепостей, имевших важное стратегическое значение в системе магистральных дорог. Велика была роль этих укрепленных мест, особенно Вахка, Ламброна, Гадрака, Капана, в борьбе Киликийской Армении за свою независимость. Известно, например, что в период больших войн против византийцев, сельджуков и крестоносцев отличились как материковые, так и прибрежные и морские крепости.

Столица страны находилась в ее горной части, на одном из притоков бурной реки Пирамис. Судя по архитектурно-пространственным композициям построек Сиса, можно заключить, что в стране прочно утвердились древние градостроительные принципы коренной Армении. В этом отношении весьма показательно, например, что в Сисе, на вершине высокой горы, входящей в городскую черту, как и в коренной Армении, традиционно располагалась цитадель города, защищенная мощными крепостными стенами.

постройки с богато оформленными интерьерами. Стены их изнутри были покрыты позолотой и богато украшены красочной росписью, мрамором, мозаикой. С таким же великолепием были отделаны дворцовые постройки других городов.

В городах Киликийской Армении были довольно распространены также коммунальные сооружения.

В Киликии, как и в других горных странах, сохранилось множество пещерных сооружений, основанных на богатых строительных традициях. Несомненно, эти традиции—результат преемственности строительной культуры коренной Армении. Пещерные сооружения в значительном количестве обнаружены также в черте города Сиса.



Общий вид города Сис.

Сам город Сис был обнесен тройным рядом таких же стен, почти трехметровой толщины каждая. И не случайно, что во время многочисленных войн, которые приходилось вести киликийским армянам, ни одному противнику не удавалось овладеть городом: его мощные стены с башнями и контрфорсами служили прочной основой обороны.

Аналогично были построены и другие города, среди которых неприступностью и мощностью укреплений выделялись цитадели городов Анарзаба и Мамастиа.

В цитадели Сиса, как показали его наличные остатки, находились царские дворцовые

Оборонная система городов Киликии, повидимому, основывалась и на местных строительных традициях, которые, судя по сохранившимся памятникам, были довольно богатыми. Известно, например, что город Тарсон, будучи в свое время одним из значительных центров эллинизма, уже тогда имел мощные укрепления. Он был хорошо защищен двумя рядами крепостных стен и параллельно иду-

щими глубокими рвами. Оборонные мероприятия дополнялись и тем, что широко разветвленная сеть крепостей, расположенных, как правило, на магистральных путях, прикрывала подступы к стратегически важным крупным городам. Основанные, как и большинство городов страны, в далекую эллинистическую эпоху, эти крепости в процессе своей длительной исторической жизни систематически обновлялись и продолжали функционировать в эпоху Киликийского армянского государства.

защищали среднюю часть страны от Иконии. Особенно примечательна крепость Ламброн. Она находится на вершине скалистой горы, предварительно выровненной. Высота горы и отвесные скалы делают ее и саму крепость неприступными и в то же время позволяют держать в поле зрения все близкие и дальние к ним подступы. Крепостные стены повторяют круглые в плане башни Муда, Оцаберда и других крепостей. Наличие этих башен придавало крепостным стенам мощь и величие.



Корикос. Морская крепость.

Крепости, которые строились на вершинах холмов и гор, доминировали на дорогах, имевших важное стратегическое значение. Они цепко привязывались к крутым рельефам местности, чем достигалось рациональное использование объемов крепостных стен. Само расположение крепостей указывает на существование между ними тактической взаимосвязи и единой, в масштабе государства, оборонительной системы глубоко продуманного стратегического порядка. Обычно связь между крепостями осуществлялась зрительным и световым способом, хорошо известным в Армении еще с урартского периода ее истории.

Из многочисленных крепостей Киликийской Армении наиболее значительными были Хамус, Форнос, Муд и Ламброн, причем последняя вместе с Гуглаком и Папероном, расположенными вдоль Киликийского Тавра,

Ламбронская и все остальные крепости включали в себя богато отделанные дворцовые сооружения, церкви и часовни в виде отдельно стоящих сводчатых или купольных построек или же встроенных в толще башен сооружений, отличающихся монументальностью своих форм.

Примечательны также крепостные сооружения Айаса и его крупный порт, составляющие хорошо продуманную оборонительную систему. Своими архитектурными формами, размахом оборонных мероприятий и связью с местностью они напоминают известные своим великолепием стены Ани. Их крупные и прямоугольные в плане башни и зубчатые завершения грандиозны и монументальны. При этом большая часть крепостных башен Айаса имела довольно обширные внутренние пространства, которые использовались для различных утилитарных потребностей.

Раскинувшаяся вдоль Средиземного моря, Киликийская Армения располагала рядом прибрежных населенных пунктов, сильно укрепленных с моря. Среди них особенно выделялась морская крепость Корикоса. Как же время оттуда же, как с тыла, угрожал неприятельскому флоту. Все это являет собой замечательный пример военного взаимодействия системы морских укреплений.

Из архитектурных сооружений Киликийской Армении в неплохой сохранности дошли до наших дней культовые сооружения. Решением своих пространственных композиций они повторяют базиликальные формы (однонефные и трехнефные), в том числе и купольные базилики. К числу последних относится построенная в XIII в. в Сисе церковь св. Софии, сохранившаяся в значительной части своих объемов. На протяжении 1500 лет, вплоть до 1441 г., когда Сис являлся местопребыванием католикоса, эта церковь выполняла функции кафедрального собора.



Корикос. Морская крепость.

и другие аналогичные сооружения, она хорошо отвечала задачам обороны. Благодаря своим укреплениям и географическому положению, крепость Корикос обеспечивала надежную защиту города и его морских ворот. Органическим продолжением оборонительной системы этой крепости являлся небольшой форпост, находившийся на расстоянии 750 м к югу, на небольшом островке, где ныне хорошо сохранены остатки этой некогда неприступной морской твердыни. Форпост заслонял Корикосскую крепость с моря, но в то

Кроме отдельных церквей, в Киликии, как и в коренной Армении, строилось немало монастырских комплексов, служивших центрами не только культовой, но и светской жизни. В них функционировали учебные заведения, мастерские художников книжной живописи и другие очаги культуры.

Между Киликией и коренной Арменией в свое время поддерживались довольно тесные культурные связи. Частыми явлениями были взаимные посещения ремесленников и ученых, торговые и иные деловые связи. В этих условиях архитектура Киликийской Армении не могла развиваться изолированно, без использования вековых традиций строительства коренной Армении. В то же время армянские строители опирались на местное архитектурное наследие, доставшееся им от эллинистической строительной культуры. Лучшими ее образцами являются памятник в Помпеополисе, сооруженный в ионическом стиле, большой акведук над рекой Ламос, мост в Адане и др. Однако эллинская архитектура не играла ведущей роли в конструктивном мышлении киликийских армянских зодчих, особенно при создании монументальных культовых построек.

В качестве основного строительного материала использовался базальт, благодаря чему значительная часть памятников прошла долгую историческую жизнь. С другой стороны, камень связывал местные архитектурные традиции с традициями, шедшими из коренной Армении. В этом смысле Киликийская Армения являлась узловым пунктом двух прогрессивных традиций, открывших одну из своеобразных страниц в истории армянской архитектуры.

Киликийское армянское государство просуществовало недолго. В 1375 г., столкнувшись с египетскими мамелюками, оно пало, завершив, таким образом, свою недолгую историческую жизнь.

АРХИТЕКТУРА АРМЕНИИ XV—XVIII вв.

На протяжении XV—XVIII вв. Армения вновь стала ареной кровопролитных войн, в результате которых она экономически обессилела и значительно обезлюдела. В XVIII в. территория ее была расчленена на восточную и западную части, подчиненные соответственно Ирану и Турции.

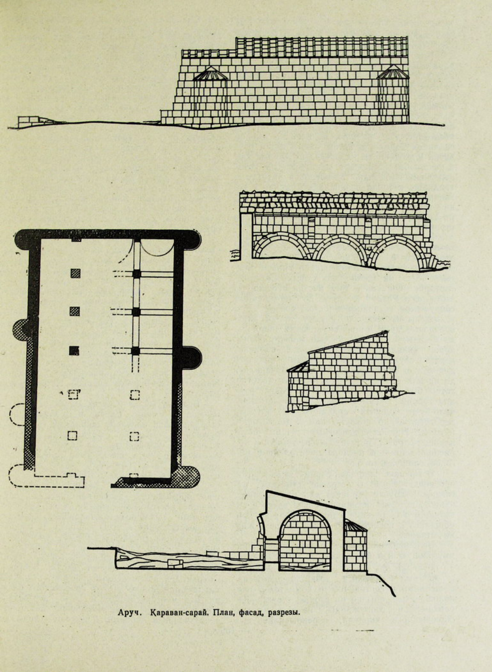
В этих условиях в течение около двух столетий в стране было приостановлено всякое капитальное строительство, если не говорить о некоторых реконструкциях пришедших в ветхость построек сугубо утилитарного характера. Однако в дальнейшем положение несколько изменилось. При шахе Аббасе персы увели из Армении в Иран большое количество армян. Опустошая подвластную им страну, они, таким образом, открывали путь Турции в Иран. Вскоре, однако, персы, осознав собственный политический просчет, в лице Армении восстановили буферную силу, способную противостоять внешней агрессии. В связи с этим они стали возвращать армян в ранее пустовавшие районы их страны. В этих новых политических условиях, совпавших со второй половиной XVII в., в Армении наступает некоторое оживление экономической жизни, развивается внешняя торговля, к которой вскоре приобщаются и армянские купцы. В новых условиях армянский народ приступил к восстановлению своих обезлюдевших городов и сел, хотя этому и теперь постоянно препятствовали войны сопредельных стран. В стране наладилось некоторое жилищное строительство, сооружались мосты, караван-сараи, производственные объекты (маслодавильни, мельницы и др.), крепости. Появились также монументальные культовые сооружения.

Центрами нового строительства становятся города, главным образом Ереван — древнейший среди них.

Для Араратской равнины, в частности для Еревана, новое строительство было обусловлено также и сильным землетрясением, нанесшим в 1679 г. большой урон городским строениям. Ереван после этого был не только восстановлен, но в некотором смысле и обновлен. Однако при всем этом городу, как и раньше, была присуща иррегулярная застройка жилых кварталов, контуры которых определялись его фруктовыми садами. Судя по рисунку, оставленному французским путешественником Жаном Батистом Тавернье, еще в 1655 г., т. е. задолго до землетрясения, город имел трехэтажные дома.

В 1673 г., как отмечает другой путешественник—Шарден, Ереван являлся уже «большим городом». Население его, как и других городов Армении, в основном составляли ремесленники, купцы, садоводы, а также неимущий люд, работавший поденно на территориях городских хозяйств.

Из всех городов Армении XVII в. наиболее достоверные сведения относятся к Еревану. Их мы черпаем иногда даже из подробных описаний и рисунков, оставленных путешественниками. В то время Ереван был раскинут в пределах нынешнего Конда и примыкавших к нему жилых кварталов. Главным сооружением и основой его обороны явля-



Аруч. Караван-сарай. План, фасад, разрезы.

лась крепость, известная своей мощью во всей Передней Азии.

При взгляде на генеральный план Еревана выступает одна черта, весьма характерная для исторической традиции градостроительной культуры Армении. Как известно, в пределах города имеется несколько высоких холмов—Арин-берд, Конд и Дзорагюх. Замечено, что на всех исторических этапах возникновения селитебных городских территорий последние, как правило, появлялись именно на таких холмах, а затем уже в своем развитии выходили за их пределы. Холмы как изначальный компонент местности, на которой появляется ядро населенного пункта,—традиция, которая возникла в Армении с незапамятных времен и была возведена в четкий градостроительный принцип в архитектуре Урарту, как и в ранний период истории строительной культуры Армении.

В XVII в. территорию города пересекали важные магистральные дороги, которые содержались в хорошем состоянии. Об этом свидетельствуют действующие и поныне мосты, которые на одном лишь участке Ереван—Аштарак—Ошакан в трех местах перекинуты через реки Раздан и Касах. Эти инженерные сооружения грузоподъемностью свыше 15 т. возведены из тесаного камня, имеют двухцентровые арки и проезжую часть шириною до 4—5 м. Составной частью магистральных дорог являлись, как и прежде, караван-сараи, служившие гостиничными дворами для купцов и их караванов. Они сохранились до начала двадцатых годов нашего столетия, затем были снесены в процессе реконструкции города. В самом Ереване функционировало семь крупных караван-сараев, которые непосредственно обслуживали и магистрали, и город. Наиболее известными из них были караван-сараи Гюрджи, Джуги, Зараби и др., расположенные в пределах центральной торговой площади города.

В Ереване караван-сараи имели свои производственные мастерские, столовые, магазины и другие удобства для приезжавших купцов, которые останавливались здесь и совершали комерческие сделки, попутно приобщались к новостям об экономической жизни страны.

Большинство караван-сараев имело прямоугольную в плане форму и было застроено по периметру своих кварталов сараями, складскими и другими хозяйственными помещениями и гостиничными комнатами, расположенными обычно на вторых этажах. Караван-сараи сооружались из камня или обожженного кирпича, перекрывались сводами из того же материала. Как правило, они надежно охранялись изнутри. Следует, однако, отметить, что ереванские караван-сараи, несмотря на свои рациональные решения, во внешней архитектуре значительно уступали средневековым аналогичным постройкам—монументальным сооружениям из тесаного камня, чаще базальта, на лаконичных плоскостях фасадов которых, как правило, имелись богато решенные порталы. В отличие от них, ереванские караван-сараи имели уютно устроенные дворики с зеленью садов и фонтанами, щедро распространявшими вокруг себя прохладу в знойные дни ереванского лета. Кроме того, если караван-сараи средневековья обычно являлись отдельно стоящими сооружениями, то ереванские караван-сараи композиционно входили и органично увязывались с пространственной организацией городских застроек.

Эти караван-сараи, обычно примыкая к красным линиям улиц, имели сводчатые галереи, включавшие в себя тротуары. Этим в знойные дни лета обеспечивалась прохлада и для пешеходов, и для внутренних пространств лавок. Такое пространственное построение широко применялось в то время, да и теперь, в городах Передней Азии—в Иране, Ираке, Индии и др. Так именно застроены многие улицы старого Багдада. Если же обратиться к археологии Передней Азии, то легко убедиться, что указанная традиция в застройке городов бытовала с незапамятных времен, о чем могут рассказать раскопки Мари—города времен первой Вавилонской династии.

Раскинутый на берегах Раздана, от Дзорагюха до Конда, Ереван в то время представлял собой довольно обширный город, окруженный пышными фруктовыми садами. Культура садоводства находилась здесь на высоком уровне и имела свои древние традиции. Об этом упоминали почти все путешественники, писавшие о городе.

В центре Еревана располагалась большая, обсаженная деревьями площадь, служившая местом для гуляния. Здесь же происходили различные соревнования, спортивные выступления и игры горожан. К площади примыкал городской рынок восточного типа, с узкими улочками и со сводчатым верхом, какие можно видеть в городах Ирана, Ирака, Сирии и других стран Востока. Сохранился великолепный рисунок художника, изображающий уголок ереванского базара. Его многочисленные и часто пересекавшиеся коридоры, напоминавшие лабиринт, застраивались лавками, а высокий свод, где

висели разноцветная парча, различная утварь и бумажные фонари, придавал праздничную нарядность всему этому пространству. Внизу средь гула людских голосов всегда шла бойкая и шумная торговля со всеми характерными причудами восточного рынка.

В 1673 г. Шарден описал развалины одного архитектурного комплекса, видимо, культового, в котором к тому времени сохранилась высокая башня с армянской надписью, построенная из тесаного камня в своеобразном архитектурном стиле. Вероятно, это башенное сооружение являлось колокольней, обычной для тогдашних культовых комплексов. Кроме развалин, Шарден и последующие путешественники описывают большое количество отдельно стоявших церквей. Мы не останавливаемся на тех из них, которые были построены до XVII в. (их было немало и они описаны в предыдущих главах).

В течение XVII в. в городе были построены церкви св. Акопа и Аствацацин (Богоматери), в центре Канакера, на одной из его возвышенностей—церковь Зоравар, Геямечеть и другие культовые сооружения. Для этих церковных построек характерны базиликальная форма плана, общее двускатное перекрытие, иногда небольшие ротондообразные колокольни. Большое место на церквах св. Акопа и Аствацацин занимал орнамент, величественный и строгий, хорошо выделявшийся на лаконичных плоскостях фасадов, хотя и не столь великолепный по своей изысканности и мастерству, как орнаменты памятников, воздвигнутых до XIV в.

Среди других примечательных сооружений Еревана, относящихся к XVII в., выделяются мост на Гедаре и ныне функционирующий Разданский мост, именуемый «Красным» и представляющий собой многопролетное сооружение. Последний был построен в 1679 г., непосредственно после большого землетрясения. По-видимому, он заменил ранее существовавший мост, разрушенный в результате землетрясения. Такой вывод можно сделать также из рисунка Ж. Б. Тавернье, где на месте Красного моста в 1655 г. стоял другой, впоследствии исчезнувший мост.

В свое время Красный мост имел большое стратегическое значение для города, поэтому и находился под постоянной охраной крепости, возвышавшейся на высоком левом берегу реки Раздан. К этому мосту подходили все важнейшие магистральные дороги, идущие к Еревану с южной стороны, т. е. с Араратской равнины. Здесь, в полукилометре от западной части города, как могучая твердыня, стояла Ереванская крепость. В районе крепости, в 700 м к югу от нее, среди садов возвышается «холм Ираклия», который не раз использовался для артиллерийского обстрела города и крепости. В свое время здесь находились укрепленные позиции артиллерии персидской армии шаха Сефи. Это же место использовал для своих батарей генерал Паскевич, штурмом овладевший Ереваном.

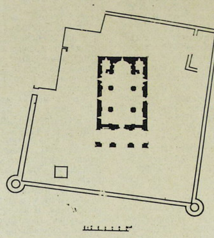
Время основания Ереванской крепости точно не установлено. Известно лишь, что это одно из древнейших сооружений, которое в ходе длительных турецко-иранских войн периодически перестраивалось с целью превращения его в мощную твердыню, в опору обороны города.

Кроме многих древних описаний, сохранился также план крепости и ее окрестностей, составленный значительно позже, при генерале Паскевиче.

В XVII в. в Армении появляется ряд монументальных культовых построек—как отдельно стоящих, так и в виде небольших комплексов. Эти памятники в основном повторяют созданные в прошлом архитектурные формы, их отдельные фрагменты и орнаменты, разумеется, в интерпретации, присущей своему веку. В качестве новых форм появляются лишь многоярусные колокольни, которые, как правило, возводятся у западных фасадов функционирующих древних церквей (Эчмиадзинский собор Богоматери, храм Рипсиме и др.). Кроме них у западных фасадов церквей появляются также галереи или их совмещенные композиции — колокольня над галереей. Такова, например, церковь Георгия, сооруженная в 1661 г. в селе Мугни Аштаракского района. Ее галерея и колокольня в виде ротонды составляют единую композицию, хорошо увязанную с общими объемами церкви. В последней особенно примечателен орнаментированный южный портал с характерной для XVII столетия манерой резьбы. Здесь появляется и другой, хотя и не часто встречающийся признак своего времени—чередование расцветок в рядах наружных каменных кладок. Интерьер церкви своими четырьмя пилонами и купольной системой повторяет традицию прошлых форм, очень отдаленно напоминая композиции купольных базилик. А вот фрески интерьера—это уже постоянный компонент церквей XVII и последующих веков. Вполне возможно, что стимулом для их широкого применения послужила фресковая живопись Эчмиадзинского собора, созданная творческими усилиями Овнатанянов, выдающихся художников XVII в.

Примечательным памятником этого вре-

мени является также церковь Шогакат в Эчмиадзине, сооруженная в 1694 г. в виде купольной залы и с такой же ротондой для колокольни у западного фасада, как и в предыдущем примере.



Мугни. План церкви.

В XVII в. в культовых сооружениях воспроизводились и другие древние пространственные системы, например, сводчатые залы и трехнефные базилики, а также притворы— эти полусветские—полукультовые постройки, пристраивавшиеся к западным фасадам главных церквей больших комплексов. Надо, однако, сказать, что притворы XVII столетия уже не имеют тех утилитарных светских функций, какие были характерны для притворов, созданных до XIV в.

Таким образом, очевидно, что в указанное время не создаются новые типы культовых сооружений, да этого и не могло быть, так как архитектуру этого периода не питали идеи, характерные для эпохи расцвета.

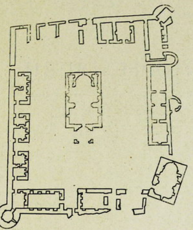
В то же время наряду с отдельными памятниками создаются целые архитектурные комплексы. Кроме церквей, сюда входят светские, жилые, коммунальные, производственные, оборонные и другие сооружения. Как правило, эти комплексы заключены в мощные крепостные стены, необходимость которых определялась ситуацией рассматриваемого времени. Причем центральное и подчеркнутое место занимают в них церковные сооружения, а светские постройки создаются у наружных крепостных стен. В отличие от комплексов XII—XIV вв., в которых было по нескольку церквей, теперь все они почти без исключения имеют только одну церковь, и если последняя повторяет тип сводчатого зала, например, в Шатинванке, то пространственная композиция не имеет и традиционной купольной системы. Редко, например, в Хор-Вирапе, комплекс состоит из двух церквей. Но и в этом случае доминирует лишь одна из них. Другая находится в одном ряду со светскими постройками, причем она застроена по наружному контуру вместе с остальными строениями. Кроме того, вторая церковь значительно меньше по размерам, не имеет купольной системы, благодаря чему сохраняется доминирующее положение купола отдельно стоящего церковного сооружения.

Выдающимися архитектурными комплексами XVII—XVIII вв., кроме Хор-Вирапа и Шатинванка, являются Татевская обитель, крепость Алидзор, Кневанк и др.

Как более близкая к нам эпоха XVII— XVIII вв. оставили в довольно хорошей сохранности немало производственных сооружений, которые дают возможность в точности воспроизвести технические процессы их специфической технологии. Это мельницы, маслодавильни, винодельни, пекарни и др. Их значительная часть сохранилась также в

пределах территорий монастырских комплексов, которые в свое время обладали значительной экономической мощью, о чем свидетельствуют остатки этих сооружений.

В числе оставшихся памятников имеются также хачкары, которые сохранились повсеместно, но особенно много их в Джуге, на берегу реки Аракс. В этом некогда крупном населенном пункте и торговом центре Армении хачкары насчитываются тысячами и отличаются от тех, которые известны в остальных частях Армении. Они узкие и вытянутые личаются от тех, которые известны в остальажурны, но пластика их мелких орнаментальных построений отличается большей мощью. Хачкары Джуги включают в свои орнаментальные композиции также фигуры людей и изображения животных, мастерски вкомпонованные в общий рисунок. Примечательно, что среди четырех тысяч хачкаров нет повторных экземпляров.



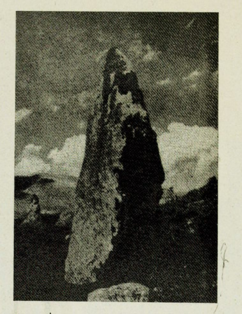
Хор-Вирап. План комплекса.

* * *

Итак, армянская классическая архитектура, представленная многочисленными культовыми и светскими постройками, воплотила в себе богатые формы и устойчивые строительные традиции, идущие из глубины древнейших веков.

Наряду с устремленными ввысь отдельно стоящими памятниками сохранились также и великолепные ансамбли, гармонично сливающиеся с живописной природой или составляющие монументальные застройки, несущие в эстетическом восприятии техническую виртуозность и безупречность художественного совершенства.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

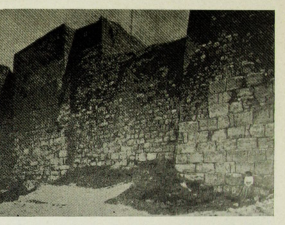


Менгир.



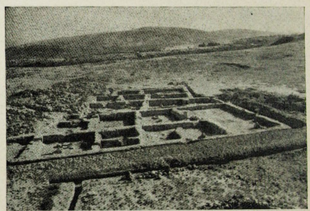


Алиньман.



Тушпа. Крепостная стена цитадели.

Бронзовый рельеф из Топрах-кале (жилой дом).

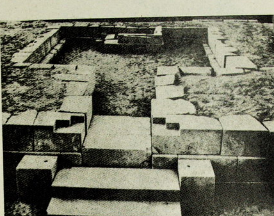


Тейшебаини. Общий вид раскопанных жилых кварталов.

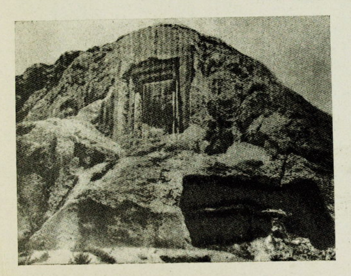
Эребуни. Юго-восточная часть
крепостных стен цитадели.



Эребуни. Храм суси.



Алтын-Тепе. Храм.



Ван. Дверь Мгера.





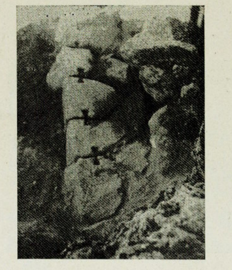
Эребуни. Роспись из сцены охоты.



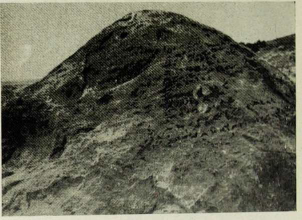
Армавир.
Цитадель. Общий вид.



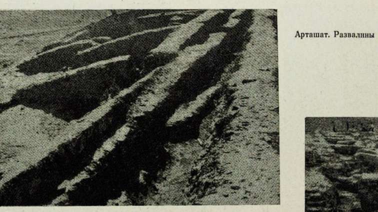
Армавир. Остатки башен и стен цитадели.

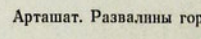


Армавир. Скрепление камней железными скобами.



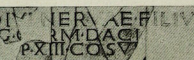
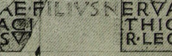
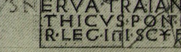
Армавир. Греческая надпись.




Арташат. Развалины города.



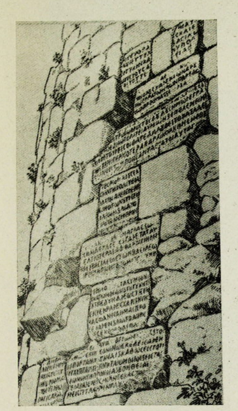
Арташат. Раскопки жилищ.

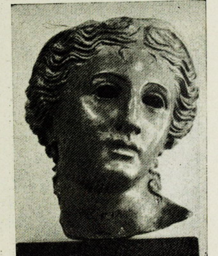

Арташат. Латинская надпись.



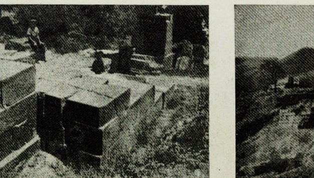
Тигранакерт. Развалины города.



Тигранакерт. Греческая надпись в кладке у городских ворот.

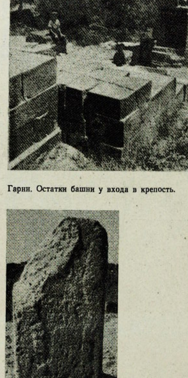


Сатах. Медная маска от статуи богини Анаит.



Гарни. Остатки башни у входа в крепость.

Гарни. Крепость. Общий вид.



Гарни. Урартская надпись Аргишти.

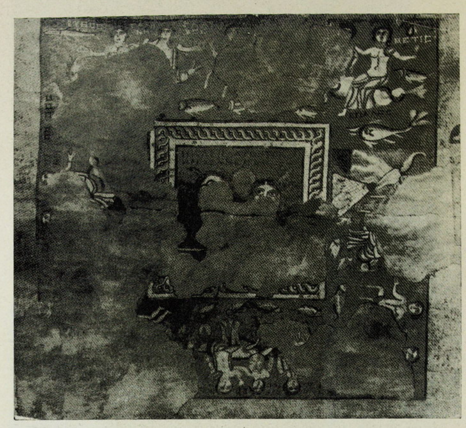


Гарни. Греческая надпись Тиридата.



Гарни. Остатки дворца.

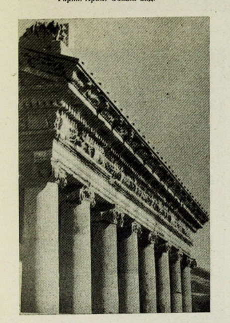
Гарни. Остатки бани.



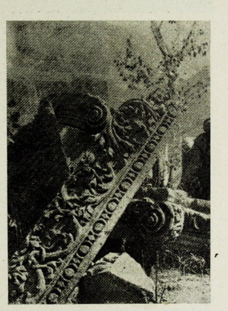
Гарни. Мозаичный пол бани.



Гарни. Храм. Общий вид.



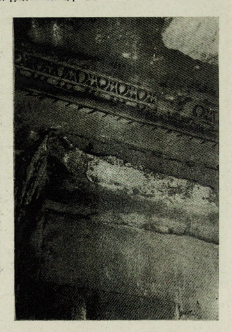
Гарни. Деталь храма.



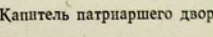
Гарни. Фриз, капитель колонны, капитель пилястры храма.



Вагаршапат. Обломок карниза языческого периода над фундаментом церкви Рипсиме.



Вагаршапат. Обломок карниза языческого периода над фундаментом церкви Рипсиме.



Двин. Капитель патриаршего дворца.



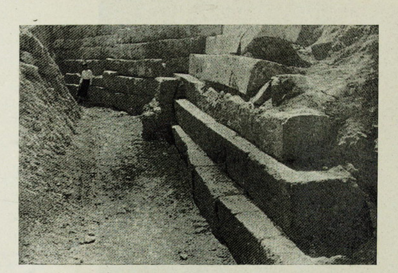


Двин. Вышгород. Общий вид.



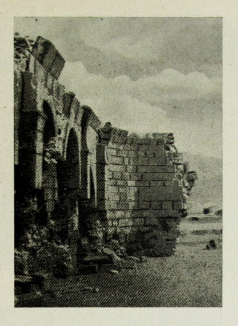
Двин. Барельеф с изображением сбора винограда.

Ерерук.. Остатки плотины искусственного озера.

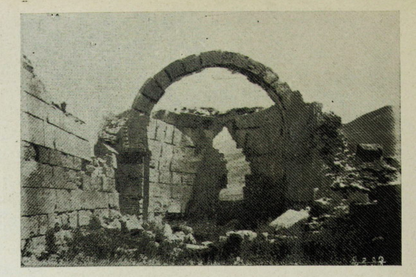


Ерерук. Остатки плотины искусственного озера.

Джарджарис. Однонефная церковь.
Общий вид с севера.



Лернакерт. Однонефная церковь. Общий вид на юг.



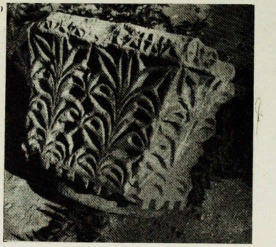
Танаат. Однонефная церковь. Общий вид с северо-востока.

Зовуни. Церковь св. Вартана. Развалины.



Танаат. Однонефная церковь.
Капитель колонны с фустом.

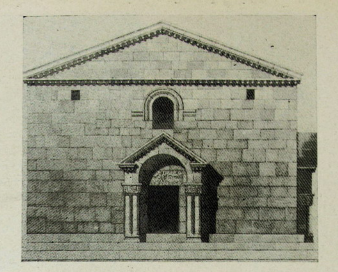
Цопк. Однонефная церковь. Капитель.



Гарни. Однонефная церковь. Капитель.

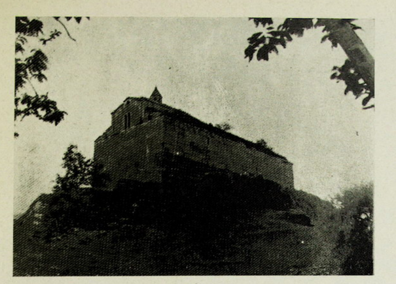


Цопк. Однонефная церковь. Капитель.



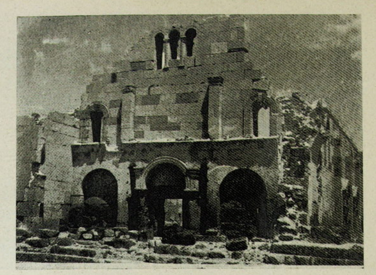
Касах. Трехнефная базилика. Западный фасад.

Егвард. Трехнефная базилика. Южный портик.



Цицернакаванк. Трехнефная базилика. Общий вид с юго-запада.

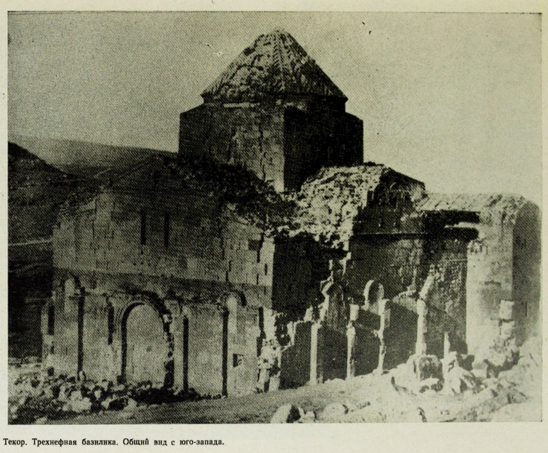
Аштарак. Трехнефная базилика. Интерьер.



Ерерук. Трехнефная базилика. Общий вид с запада.



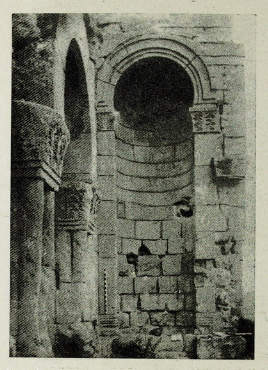
Ерерук. Трехнефная базилика. Общий вид с юго-запада.



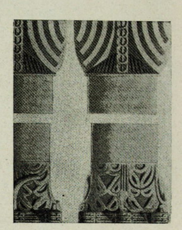
Текор. Трехнефная базилика. Общий вид с юго-запада.



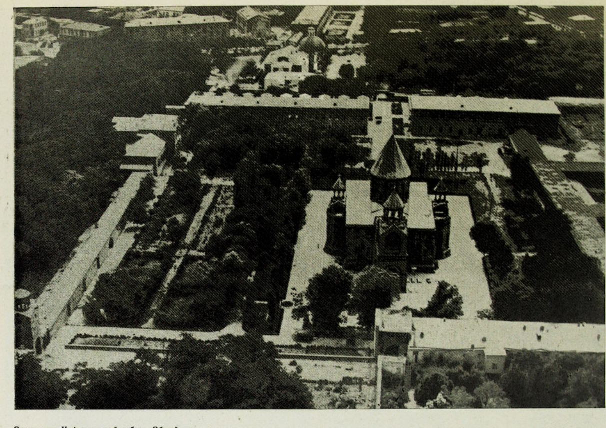
Текор. Трехнефная базилика. Фрагмент западного портика.



Текор. Трехнефная базилика. Фрагмент северной галереи.



Текор. Трехнефная базилика. База и капитель пилястры храма.



Эчмиадзин. Кафедральный собор: Общий вид.

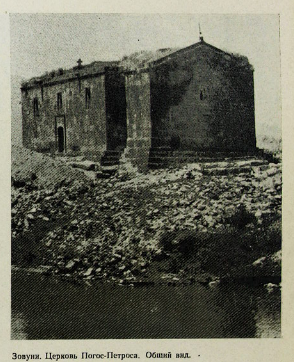
Эчмиадзин. Кафедральный собор. Общий вид с юго-запада.



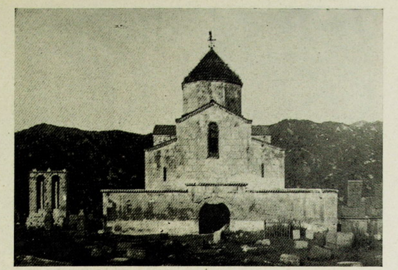
Эчмиадзин. Кафедральный собор.
Базы юго-восточного пилона.

Эчмиадзин. Кафедральный собор. Очаг капища, обнаруженный в центре остатков апсиды IV в.

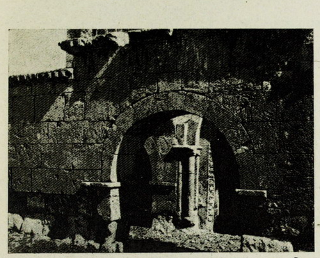
Зовуни. Церковь Погос-Петроса. Интерьер.



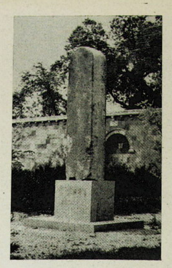
Зовуни. Церковь Погос-Петроса. Общий вид.



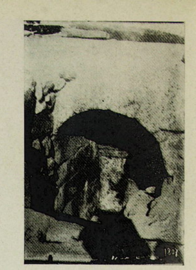
Одзун. Купольная базилика: Общий вид с запада.



Одзун. Купольная базилика.
Вход в западную галерею.



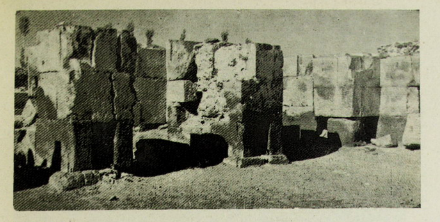
Эчмиадзин. Урартская стела.



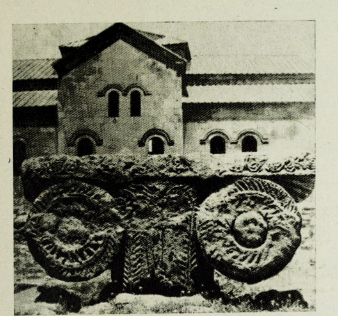
Ахц. Усыпальница Аршакидов.



Одзун. Надгробный памятник.



Звартноц. Баня.

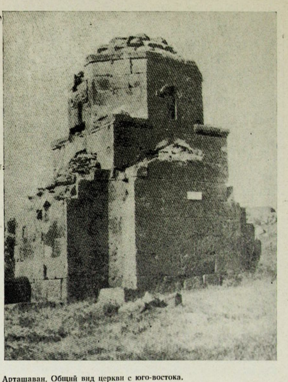


Капитель из дворца в Аруче.



Цицернакаванк. Интерьер. Вид на апсиду.

Аштарак. Церковь Кармравор. Общий вид с юго-востока.



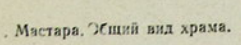
Арташаван. Общий вид церкви с юго-востока.



Лмбат. Общий вид церкви с юго-запада.

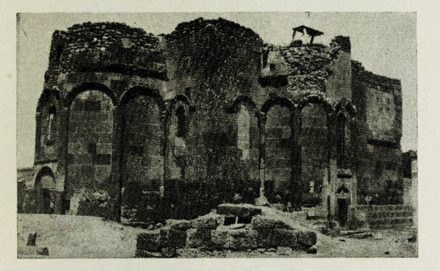


Агарак. Восточный фасад церкви.

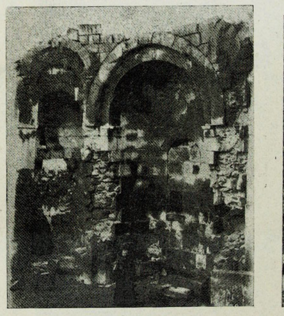


Мастара. Общий вид храма.





Артик. Общий вид храма.

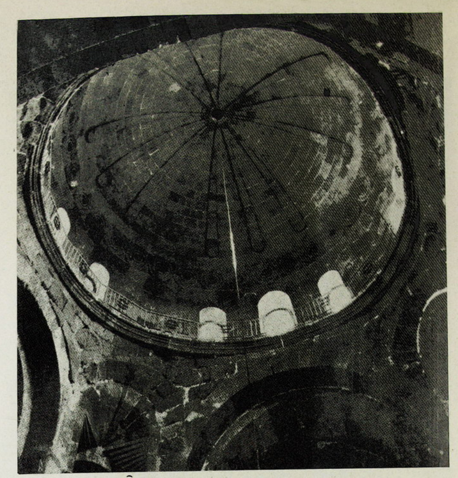


Аван. Интерьер храма.

Аван. Портик западного входа храма.



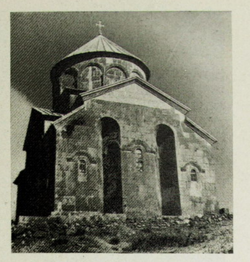
Эчмиадзин. Храм Рипсиме. Общий вид.



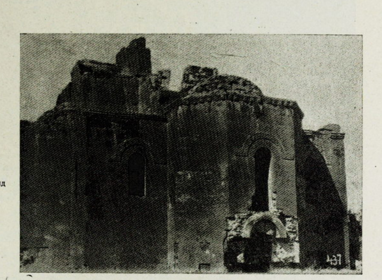
Эчмиадзин. Храм Рипсиме. Купол храма.



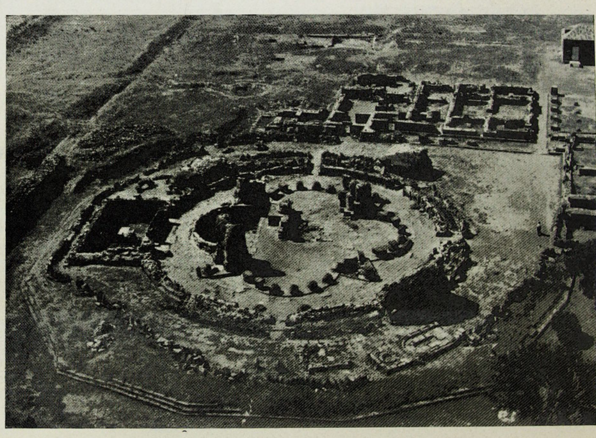
Айгешат. Общий вид руин церкви Таргманчац с востока.



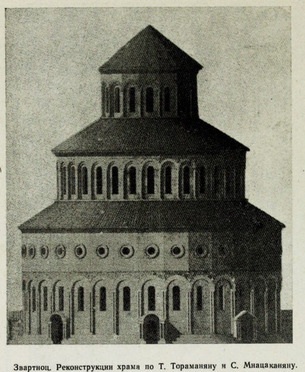
Сисаван. Восточный фасад храма.

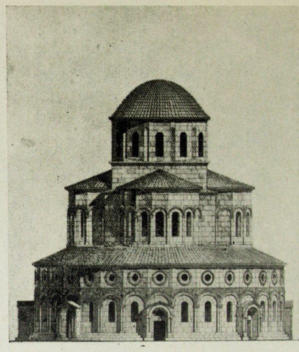


Багаран. Общий вид храма с запада.



Звартноц. Общий вид.



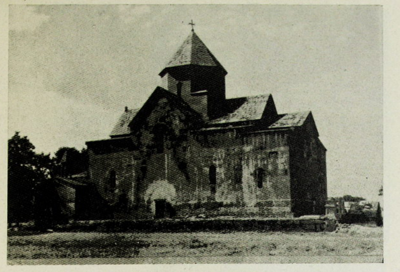


Звартноц. Реконструкции храма по Т. Тораманяну и С. Мнацаканяну.



Ириид. Общий вид церкви с юга.

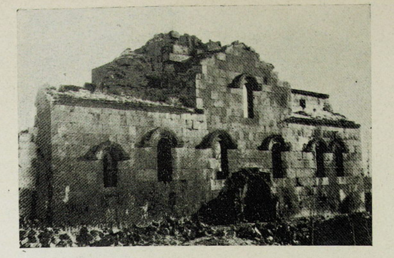
Егвард. Церковь Зоравар. Общий вид с северо-запада.



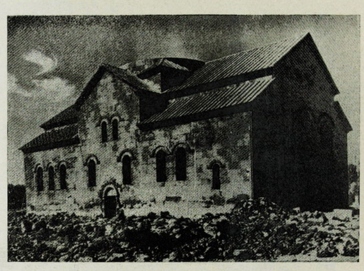
Эчмиадзин. Храм Гаяне. Общий вид с юго-востока.



Мрен. Общий вид храма с северо-запада.

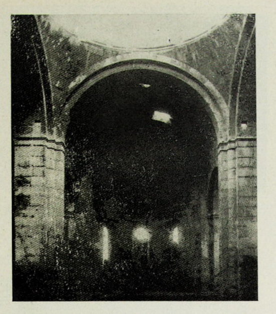


Птгни. Северный фасад храма.



Аруч. Общий вид храма с юго-востока.

Аруч. Интерьер храма. Вид на апсиду.



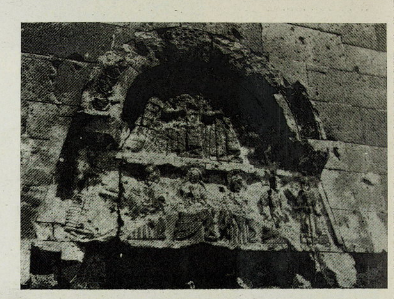
Талин, Общий вид храма с юго-запада.



Сисаван. Рельеф служителя Теодороса.



Сисаван. Рельеф князя Коазата.



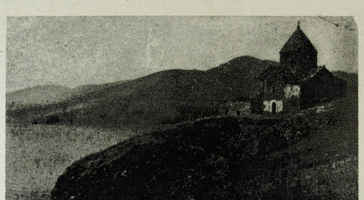
Мрен. Рельеф над западным входом в храм.



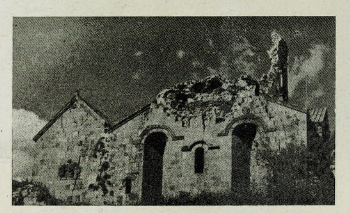
Агуди. Общий вид мемориального монумента с запада.



Севан. Деревянная капитель.



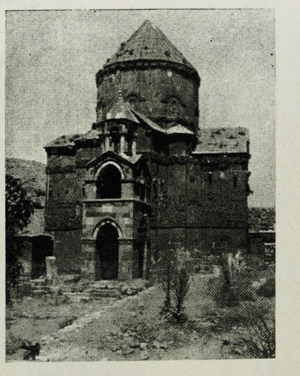
Севан. Общий вид памятников.



Татев. Общий вид храма с востока.

Ахтамар. Общий вид храма.

Ахтамар. Рельефы восточного фасада храма.

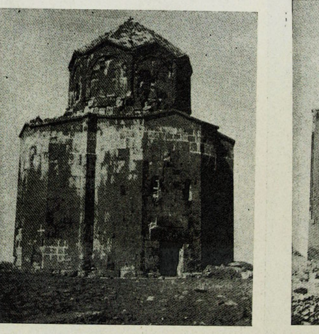


Ахтамар. Южный фасад храма.

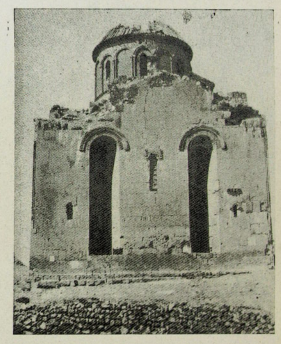
Ахтамар. Рельефы южного фасада храма.

Крепость Тигнис.

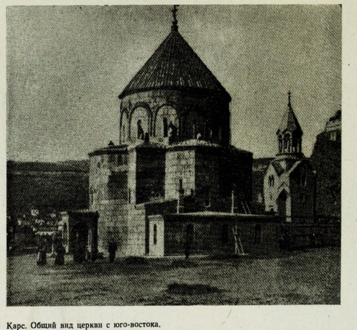
Крепость Магасберд.



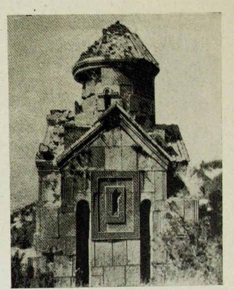
Заринджа. Общий вид церкви с юго-запада.



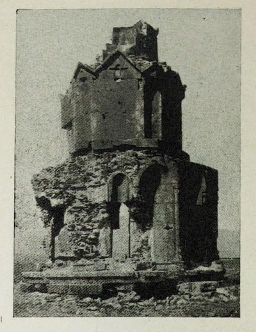
Огузли. Вид церкви с востока.



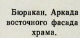
Карс. Общий вид церкви с юго-востока.



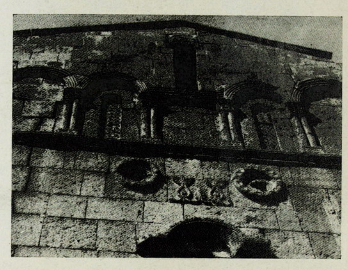
Цахац-кар. Восточный фасад церкви.



Ани. Пастушья церковь.

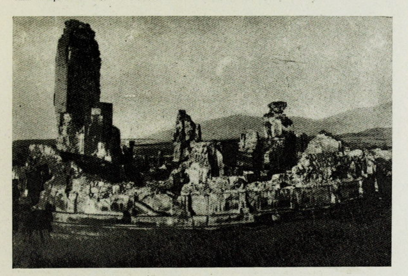


Бюракан. Аркада восточного фасада храма.





Ани. Собор. Общий вид с юго-запада.



Ани. Гагикашен. Общий вид с юго-запада.



Ани. Церковь Абугамренц. Общий вид с юго-востока.



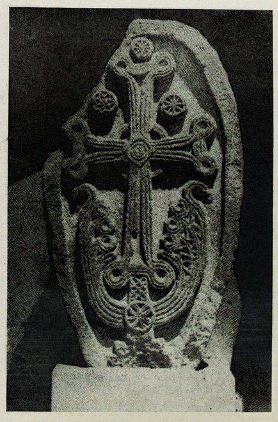
Ани. Церковь Спасителя. Общий вид с юго-запада.



Мармашен. Общий вид комплекса с востока

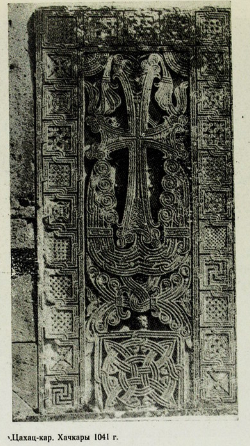


Хцконк. Общий вид комплекса с востока.



Эчмиадзин. Хачкар X в.

Норатус. Хачкар 976 г.



Цахац-кар. Хачкары 1041 г.




Ктиторский рельеф из Ахпата.

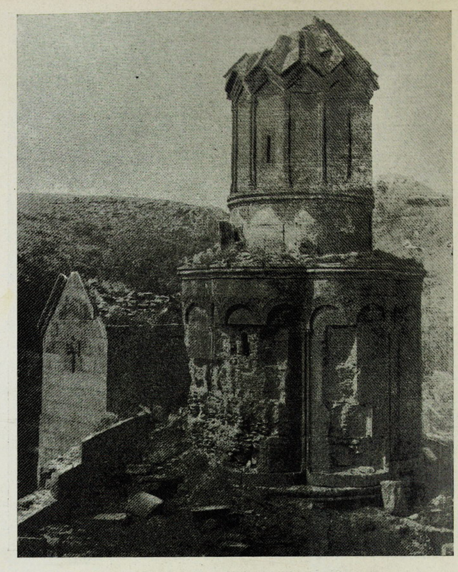
Рельеф царя Гагика
из Гагикашена.



Рельефы из Бхено-Нораванка.



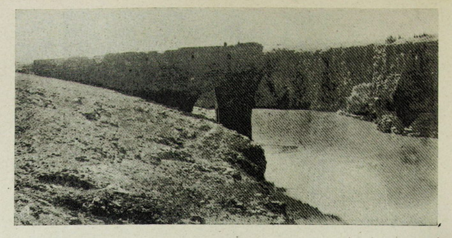
Ани. Церковь Тиграна Оненца. Общий вид с северо-востока.



Ани. Церковь Девичьего монастыря. Общий вид с юго-востока.



Ани. Дворец Парона. Вид с юга.

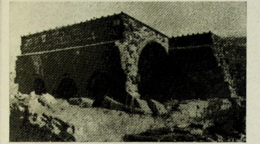


Мост на реке Ахурян.

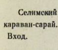
Санаинский мост.

Аруч. Караван-сарай.
Наружная стена.



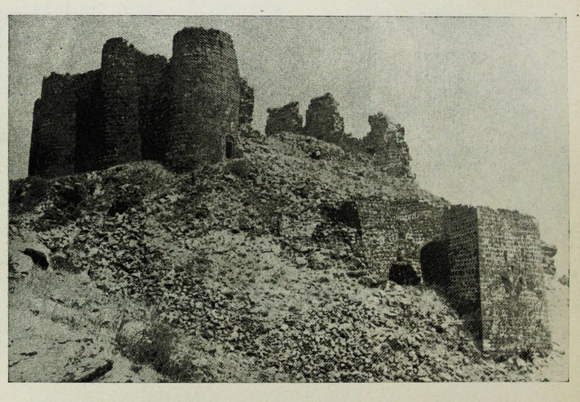


Аруч. Караван-сарай.
Интерьер.

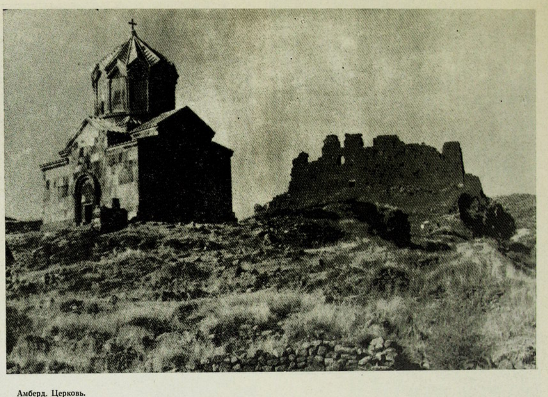


Селимский
караван-сарай.
Вход.



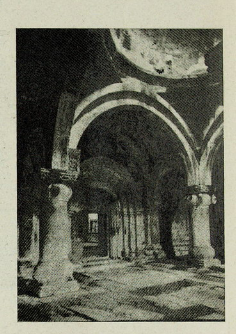


Амберд. Общий вид крепости.



Амберд. Церковь.

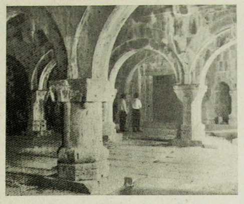
Общий вид Санаинского монастыря.



Санаин. Интерьер притвора.



Санаин. Хачкар Тудеворди.



Санаин. Интерьер предпритвора

Санаин.
Фасад
предпритвора.



Ахпатский монастырь. Общий вид.

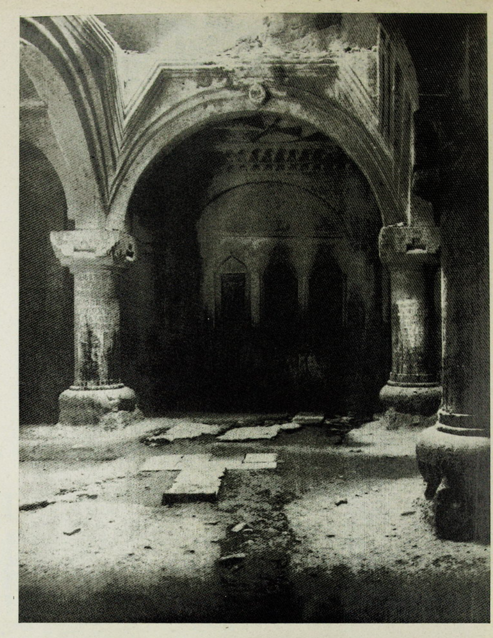


Гегардский монастырь. Общий вид.



Татевский монастырь. Общий вид.

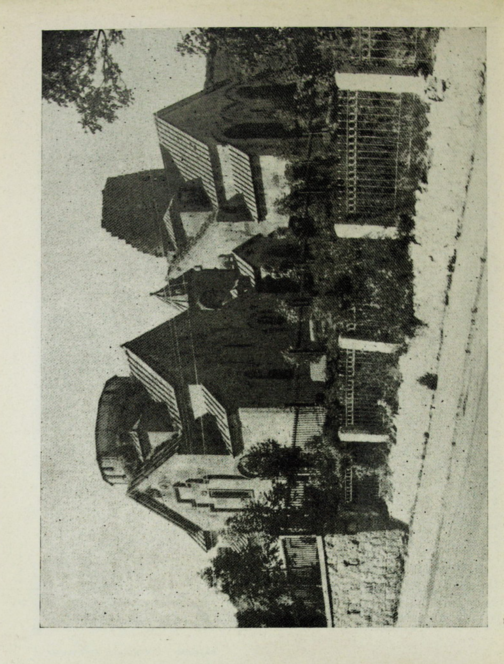
Гегардский монастырь. Притвор.

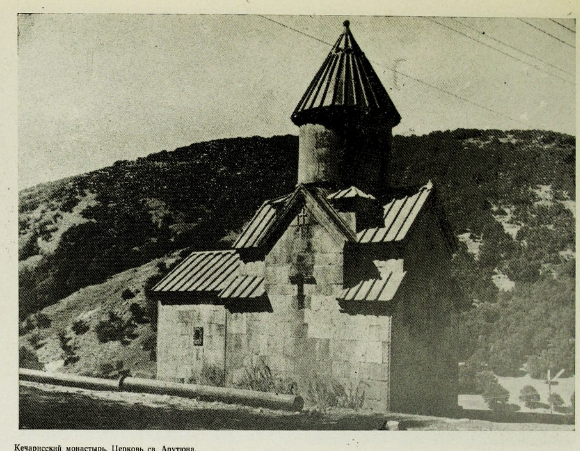


Гегардский монастырь. Пещерная усыпальница.



Гегардский монастырь. Хачкары.

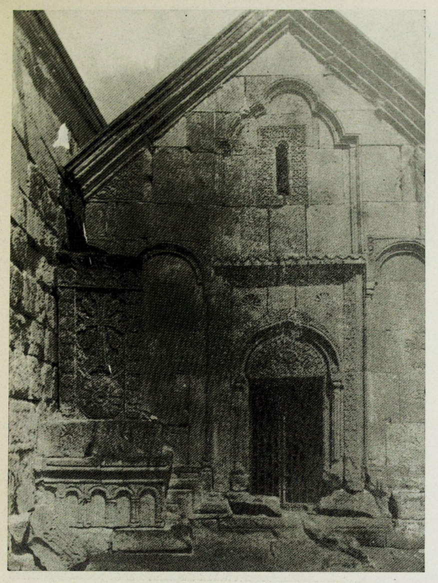




Кечарисский монастырь, Церковь св. Арутюна.



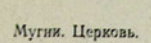
Кечарисский монастырь. Церковь св. Григория.



Гошаванк. Церковь Лусаворича.

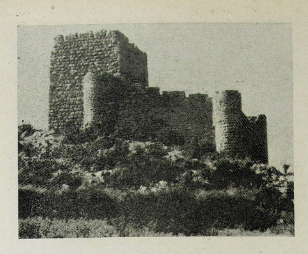


Общий вид Гошаванкского комплекса.

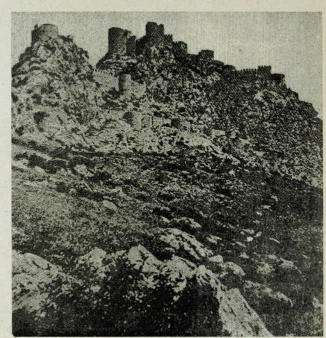

Мугни. Церковь.



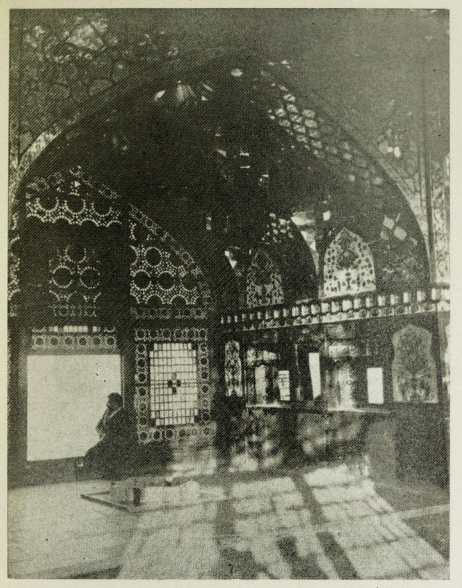
Монастырь Хор-Вирап.



Крепость Кум-Кале на реке Сейун.



Общий вид крепости Кум-Кале.



Ереван. Интерьер дворца Сардара.



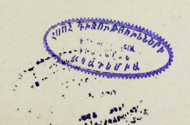
Вид на старый Ереван. Базар.



Эчмиадзин. Церковь Шогакат.

Ошакан. Церковь.

ОГЛАВЛЕНИЕ



СТЕПАН ХАЧАТУРОВИЧ МНАЦАКАНЯН
КОНСТАНТИН ЛЕВОНОВИЧ ОГАНЕСЯН
АЛЕКСАНДР АРАМОВИЧ САИНЯН

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ АРХИТЕКТУРЫ ДРЕВНЕЙ И СРЕДНЕВЕКОВОЙ АРМЕНИИ

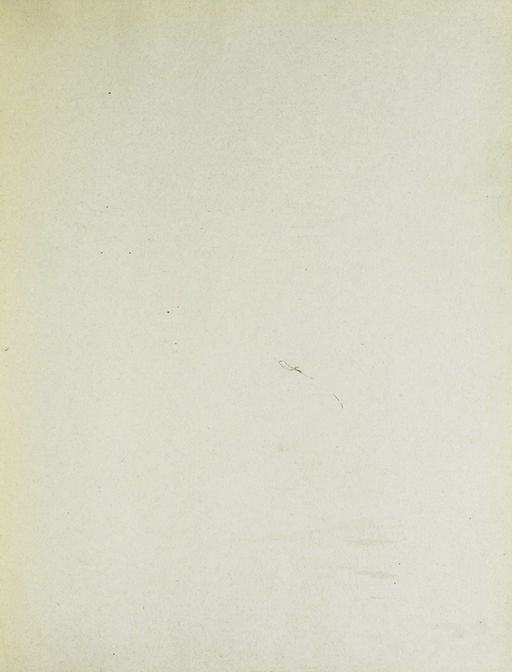
*Печатается по решению ученого совета
Института искусств
АН Армянской ССР*

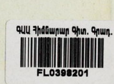
Редактор издательства
Г. А. АБРАМЯН
Художник
К. К. КАФАДАРЯН
Худож. редактор
А. Н. ГОРЦАКАЛЯН
Технич. редактор
С. К. ЗАКАРЯН
Корректор
С. Г. ПИРОЕВА

ВФ 03901 Изд. 4762 Заказ 85 Тираж 1000

Сдано в набор 15.01.1978 г. Подписано к печати 27.06.1978 г.
Печ. 10,13 л.+6 вкл., 5,5 л. таблиц, изд. 25,04 л.
Бумага № 1 84×108$^{1}/_{16}$. Цена 4 р. 40 к.

Издательство Академии наук Арм. ССР. 375019, Ереван, Барекамутян, 24-г.
Типография Издательства АН Армянской ССР, г. Эчмиадзин




ԳԱԱ Հիմնարար Գիտ. Գրադ.
FL0398201


4р.40к.
Р III
50360